

ВОПРОСЫ ЛЕКСИКОГРАФИИ

JOURNAL OF LEXICOGRAPHY

Научный журнал

2014

№ 2(6)

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-47763 от 9 декабря 2011 г.

Редакционная коллегия журнала
«Вопросы лексикографии»

Т.А. Демешкина (Томск) –
председатель

О.И. Блинова (Томск) –
зам. председателя

Д.А. Катунин (Томск) –
отв. секретарь

Н.Д. Голев (Кемерово)

В.Е. Гольдин (Саратов)

А.Д. Жакупова (Кокчетав)

Е.В. Иванцова (Томск)

В.М. Мокиенко
(Санкт-Петербург)

З.И. Резанова (Томск)

О.В. Фельде (Красноярск)

Л.И. Шелепова (Барнаул)

Е.А. Юрина (Томск)

Editorial Board of the *Journal of
Lexicography*

Tatiana A. Demeshkina (Tomsk) –
Chairperson

Olga I. Blinova (Tomsk) – Deputy
Chairperson

Dmitry A. Katunin (Tomsk) –
Executive Editor

Nikolai D. Golev (Kemerovo)

Valentin Ye. Gol'din (Saratov)

Aygul D. Zhakupova (Kokshetau)

Yekaterina V. Ivantsova (Tomsk)

Valery M. Mokienko
(Saint-Petersburg)

Zoya I. Rezanova (Tomsk)

Olga V. Felde (Krasnoyarsk)

Lyudmila I. Shelepova (Barnaul)

Yelena A. Yurina (Tomsk)

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Россихина М.Ю. О специфике словарей современного немецкого молодежного языка	5
---	---

СЛОВАРНЫЕ ПРОЕКТЫ И ТРУДЫ

Агапова Н.А., Картофелева Н.Ф. Проект электронного словаря лингвокультурологического типа: общая концепция и специфика технического воплощения	17
Голев Н.Д. «Викилексия» – народный интернет-словарь: инновационный лексикографический проект	31
Михайлова О.С. Проблемы составления мотивационного поэтического словаря Е. Евтушенко (на материале стихотворений социальной проблематики).....	68
Шелепова Л.И. Шукшинская лексикография.....	94
Юрина Е.А., Боровкова А.В. Способы толкования образных цветообозначений, мотивированных наименованиями пищевых продуктов, в «Словаре русской кулинарной метафоры».....	106

СЛОВАРИ КАК ИСТОЧНИКИ ИССЛЕДОВАНИЙ

Блинова О.И. Размышления о лингвокультурологических пометах в словаре	122
--	-----

РЕЦЕНЗИИ, КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ

Антипов А.Г. Рецензия на книгу: Словарь образных единиц сибирского говора	130
--	-----

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	134
----------------------------------	-----

CONTENTS

THEORY OF LEXICOGRAPHY

Rossikhina M.Yu. The specificity of the present-day Youth German Language Dictionaries.....	5
--	---

DICTIONARY PROJECTS AND WORKS

Agapova N.A., Kartofeleva N.F. The electronic dictionary of a linguoculturological type project: general conception and the specifics of technical realization.....	17
Golev N.D. Wikilexia – the public Internet dictionary: innovatory lexicographic project	31
Mikhaylova O.S. Problems of compiling the Motivational Poetic Dictionary of Ye. Yevtushenko	68
Shelepova L.I. Lexicography of Shukshin.....	94
Yurina Ye.A., Borovkova A.V. The ways of interpreting figurative color terms motivated by food names in the Dictionary of Russian Culinary Metaphors.....	106

DICTIONARIES AS SOURCES OF RESEARCH

Blinova O.I. Reflections on linguoculturological dictionary marks.....	122
---	-----

REVIEWS, CRITIQUES, BIBLIOGRAPHY

Antipov A.G. Book Review: The Dictionary of the Siberian Dialect Figurative Units	130
--	-----

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	134
--	-----

ТЕОРИЯ ЛЕКСИКОГРАФИИ

УДК 811.112.2

М.Ю. Россихина

О СПЕЦИФИКЕ СЛОВАРЕЙ СОВРЕМЕННОГО НЕМЕЦКОГО МОЛОДЕЖНОГО ЯЗЫКА

В статье даются количественные и качественные характеристики словарей немецкого молодежного языка, изданных в Германии с 2000 по 2013 г. Проводится сопоставительный анализ этих словарей по всем лексикографическим параметрам. Выявляются особенности серийных многоязычных изданий и отдельных лексикографических источников. Особое внимание уделяется лексиконам молодежного жаргона немецкого лингвиста Г. Эмана.

Ключевые слова: молодежный язык, словарь, жаргон, лексикография, немецкий.

Молодежным языком (Jugendsprache) в германистике традиционно называется жаргон немецкоязычной молодежи. Начав фиксировать студенческий (Studentensprache), а затем школьный жаргон (Schülersprache) в XVIII–XIX вв., издавая серьезные лексикографические труды в XX столетии, немецкие лингвисты продолжают эту традицию и в настоящее время.

Цель нашей работы – проследить появление словарей немецкого молодежного языка в Германии с 2000 по 2013 г., изучить особенности этих лексиконов и охарактеризовать их как лексикографические источники.

Сразу отметим, что особенностью изданий современных словарей немецкого молодежного социолекта является их серийность. Так, словари молодежного языка (Wörterbücher der Jugendsprache) редакции PONS выходят ежегодно, начиная с 2001 г. Это небольшие по объему лексиконы, насчитывающие от 300 до 1500 жаргонных слов и выражений. Причем до 2008 г. это были четырехязычные словари, которые включали в себя немецкие жаргонизмы, их эквиваленты и переводы на английский (британский и американский варианты), французский и испанский языки. Приведем пример словарной статьи одного из этих лексиконов:

Golfplatz *m* (*leichtes Mädchen*)

(GB) tart, easy-lay, slut, hussy

(USA) slut, whore, tramp

(F) *chaudasse f*

(E) *putón m verbenero* [1. S. 49].

Все четырехязычные словари построены по одному принципу: 1. Словарные единицы располагаются в алфавитном порядке. 2. Они выделены другим шрифтом и цветом и сопровождаются грамматическими сведениями. Для существительного указывается род, для глагола дается его характеристика (переходный, непереходный, возвратный), для других классов слов указывается, какая это часть речи (прилагательное, наречие). 3. Толкование понятий дается в скобках курсивом. 4. Приводятся эквиваленты и переводы на английский, французский и испанский языки. 5. Употребление некоторых жаргонизмов иллюстрируется примерами на всех четырех языках. Например:

böse *adv (gut)*

(GB) *phat, wicked*

(USA) *Bad!, Solid!, Cool!, Sweet!*

(F) *trop bien*

(E) *de miedo*

Der Film gestern war echt böse!

(GB) *The film yesterday was well wicked.*

(USA) *That movie yesterday was bad.*

(F) *Le film hier était trop bien!*

(E) *La peli de ayer estuvo de miedo!* [2. S. 22].

С 2009 г. вместо четырехязычных словарей редакция PONS также ежегодно издает одноязычные словари, каждый из которых содержит 1500 слов и выражений из Германии, Австрии и Швейцарии, как гласит подзаголовок (*Mit 1500 Einträgen aus Deutschland, Österreich und der Schweiz*). В отличие от предыдущих изданий словарная статья выглядит так:

cosmo *adv*

super, großartig [3. S. 27].

Лишь в некоторых словарных статьях приводятся примеры употребления жаргонного слова или выражения. Ср.:

chillen *vi*

Komm, wir chillen ein bisschen!

sich ausruhen [4. S. 28].

Поскольку в этих словарях встречается молодежная лексика не только из Германии, но и из Австрии и Швейцарии, здесь появились

пометы, указывающие на региональную принадлежность того или иного жаргонизма: А – австрийский вариант, СН – швейцарский. Приведем примеры:

aufbläht adj А

dick [5. S. 14].

futzdumm adj СН

extrem dumm, unnötig [4. S. 46].

В каждом из анализируемых словарей собрана актуальная лексика, но в двух и более изданиях часто повторяются одни и те же жаргонизмы, например, такие как *sich abbitschen* «sich abschmücken» (2009, 2010, 2011, 2012), *abziehen* «klauen» (2003, 2004, 2005, 2006), *auf keinsten* «auf keinen Fall» (2003, 2004, 2005, 2006), а также сокращения *MOF* «Mensch ohne Freunde» (2006, 2007), *ABF* «allerbeste Freundin» (2009, 2010, 2011, 2012). Мы провели сравнительный статистический анализ изданий 2006 и 2007 гг., который показал, что из 480 жаргонизмов, содержащихся в последнем, 320 (66,6%) уже были зарегистрированы в предыдущем, т.е. здесь имеет место обновление лексики примерно на 30%. Этот факт свидетельствует о том, что одни жаргонизмы являются «однодневками» и бесследно исчезают, другие продолжают «жить» и могут впоследствии перейти в разговорный или нормативный язык. Редакция PONS постоянно вносит какие-либо дополнения или изменения в свои словари. Так, с 2009 г. на последних страницах словарей представлен список из 20 самых нежелательных для употребления слов, т.е. слов, которые, по мнению молодежи, уже вышли из моды. Правда, сами редакторы отмечают, что это чисто субъективный выбор.

Следует упомянуть еще об одной особенности словарей редакции PONS. Начиная с 2004 г. на обложке словаря молодежи как будто дается установка на употребление данных жаргонизмов в предстоящем году. Так, на обложке словаря, изданного в 2005 г., можно прочитать «Wörterbuch der Jugendsprache 2006», словарь, выпущенный в 2010 г., это «Wörterbuch der Jugendsprache 2011» и т.д.

Определенный интерес представляют и словари-сборники (Sammelbände), изданные редакцией PONS в 2008 и 2011 гг. В них собрана лексика из всех ранее опубликованных словарей, объединенная по тематическому принципу. Так, словарь 2011 г. содержит более 1000 слов, относящихся к таким темам, как «Alkohol, Rauchen und die Folgen», «Eltern und andere Erwachsene», «Essen und Trinken»,

«Flirten und Komplimente», «Freunde und Freizeit», «Party und Musik», «Fummeln und Sex» и др. [6]. Название тем показывает, что особенно часто происходит обновление лексики таких идеографических полей, как наименование лиц, чувственно-эмоциональный мир человека, сфера межличностных отношений.

Итак, характеризуя словари редакции PONS, отметим, что они максимально лаконичны при подаче материала, это касается, прежде всего, семантического объема лексической единицы. Существенным недостатком этих словарей является отсутствие стилистической характеристики словарного слова, исторических справок, паспортизации источников.

Этим же недостатком страдают и словари «Hä?? Jugendsprache unplugged» выпускаемые ежегодно с 2008 г. издательством Langenscheidt. Выпуски с 2008 по 2010 г. являются пятиязычными. К немецкой лексеме даются эквиваленты на английском (британский и американский варианты), французском, испанском и итальянском языках. Если же таковые отсутствуют, то слова из нормативного языка снабжаются соответствующей пометой (в отличие от словарей редакции PONS, где эквиваленты и переводы не разграничиваются). С 2011 г. словари становятся четырехязычными (без итальянского языка). Объем содержащейся в них лексики за пять лет вырос с 450 словарных единиц до 650. Для этих лексиконов так же, как и для описанных выше, характерна быстрая фиксация словника без указания какой-либо лексикографической информации. Ср.:

komatös schlecht drauf, weggetreten

(USA) beat, dead

(BR) away with the fairies

(FR) comateux *m* / comateuse *f*

(S) de pena, de culo

(J) con la luna di traverso [7. S. 82].

bombe megatoll

(USA) (GB) epic, badass, fucking awesome

(FR) de la bombe

(S) la polla, la leche [8. S. 27].

Правда, для некоторых (к сожалению, очень малого количества) жаргонизмов указывается несколько значений. Так, например, в словаре 2008 г. встречаем *abchecken* (1. mit jemandem schlafen; 2. sich verziehen, abhauen), *ballern* (1. sich betrinken; 2. Drogen nehmen),

Bombe (1. gut aussehende Person; 2. Faustschlag), в лексиконе 2013 г. – *Booner* (1. Anfänger; 2. Trottel, Langweiler), *drauf sein* (1. auf Drogen sein; 2. komisch sein) и др.

Характеризуя словари издательств PONS и Langenscheidt, следует упомянуть о способе сбора содержащейся в них лексики. В качестве «лексикографов» в обоих изданиях выступают сами носители этого жаргона – школьники от 10 до 20 лет. (Поэтому правильнее было бы, на наш взгляд, называть эти лексиконы словарями не молодежного, а школьного жаргона). Составители словарей следуют традиции, начало которой положил во второй половине XX в. Г. Кюппер при составлении своего знаменитого словаря «Jugenddeutsch von A bis Z» [9]. Школьники присылают слова и выражения в редакцию. И если эти жаргонизмы повторяются многими участниками, то они включаются в словари без всякой цензуры. Более того, проводятся конкурсы, в которых победителем становится тот, кто пришлет больше жаргонизмов. В этих конкурсах принимают участие даже целые классы. Однако стремление к победе часто приводит к тому, что школьники просто придумывают все новые и новые жаргонизмы, и их креативности нет предела. Возможно, поэтому некоторые немецкие исследователи молодежного социолекта, например профессор Е. Нойланд, считают такой способ сбора материала для словарей неприемлемым, предпочитая ему наиболее достоверное анкетирование носителей молодежного жаргона. По ее мнению, результаты анкетирования показывают, что большая часть лексики из этих словарей школьникам просто неизвестна [10. S. 48].

В июне 2013 г. мы тоже провели анкетирование среди учащихся гимназии им. Ф. Шиллера и реального училища им. Э. Зельберт (г. Гамельн, ФРГ). Возраст гимназистов – 15–16 лет, учащихся реального училища – 16–17 лет. В анкеты были включены слова, многократно встречающиеся в анализируемых словарях. Результаты анкетирования показали, что одни жаргонизмы известны всем (*quarzen* «rauchen», *zocken* «Computer spielen», *pumpen* «Muskeltraining betreiben», сокращение *ABF* «aller bester Freund/aller beste Freundin» и др.), другие большинству (*dissen* «ärgern, beleidigen», *elefantös* «wunderbar, super», *rippen* «klauen», *cruisen* «ziellos umherfahren» и др.), а третьи лишь малому количеству информантов (*porno* «sehr gut, super», *Rüsselpest* «Schnupfen» и др.). Очень отличаются ответы гимназистов и учащихся реального училища, хотя они находятся в

одном городе. И даже в одном классе ответы были совсем разные. Здесь, очевидно, большую роль играет еще и общение вне школы, уличная среда. А если в пределах одного города школьники по-разному владеют жаргонной лексикой, то можно себе представить, какими могут быть результаты анкетирования в разных землях Германии. Очевидно, именно это является причиной критики анализируемых нами словарей.

Заметим, что некоторые жаргонизмы, особенно из последних изданий, нам тоже кажутся искусственно сконструированными, но они, как правило, встречаются только в одном словаре и больше не повторяются. Конечно, такой способ сбора материала несовершенен, но, на наш взгляд, он имеет право на существование, поскольку способствует развитию у молодых людей интереса к своему языку.

Издательство Duden также не обошло стороной такое явление, как молодежный язык, выпустив с начала века два словаря: в 2000 г. – «Wörterbuch der Szenesprachen» [11] и в 2009 г. – «Das neue Wörterbuch der Szenesprachen» [12]. Под термином «Szenesprache» авторы словарей понимают не только язык молодежи, язык Интернета, сленг подростков, но и новую лексику различных субкультур, признавая при этом, что язык молодежи является здесь самым креативным: «Die Jugendszenen sind... sprachlich am kreativsten» [12. S. 7].

Словарь 2000 г. содержит 678 лексических единиц, из которых 497 (73,3%) – англицизмы. Заимствования из других языков (греческого, латинского, французского) здесь также встречаются, но их количество ограничивается одной-двумя лексемами. В отличие от других лексикографических источников XXI столетия данный лексикон построен не по алфавитному, а по тематическому принципу. В нем представлены такие тематические группы, как музыка и поп-культура, любовь и секс, мода, развлечения и др. По каждой теме представлена специфическая лексика молодежных групп с общими интересами и стилем жизни. Лексикон отличается объемными словарными статьями, содержащими подробное толкование жаргонизмов, часто приводятся ситуации, в которых они могут быть употреблены, иногда указываются синонимы, но полностью отсутствует грамматическая характеристика, для заимствований не дается транскрипция. Приведем примеры:

Keule – [Synonym für: Kumpel oder Freundin] «Hey, Keule, wie geht's?» Die coole Anrede ist für den Freund, den Bruder oder den Kum-

pel gedacht. Die Keule kann aber auch weiblich sein. Dann ist die Freundin gemeint, mit der ein Kumpel unterwegs ist [11. S. 173].

kinky – [engl. für: schrullig] Wenn eine Person komisch drauf ist, exzentrisch oder anders seltsam, kann eine große Faszination von ihr ausgehen. Man findet diese Person kinky, was auch sexuellen Bezug hat und die bizarre, ausgefallene oder unberechenbare Art einer Person beschreibt [11. S. 173].

Наглядному представлению лексики способствует красочное графическое оформление словаря. Полужирный шрифт заглавного слова и красный других важных понятий способствует ориентации внутри словарной статьи. Толкование труднообъяснимых понятий часто дополняют иллюстрации.

В издании 2009 г. лексика распределена по шести темам с ключевым словом *life* «жизнь»: *Social Life*, *Techlife*, *Nightlife*, *Stylelife*, *Serious Life*, *Medialife*. Словарные статьи построены по тому же принципу, что и в 2000 г. Например:

smexy – [Zusammenziehung aus engl. smart = klug und engl. sexy] Smexy ist ein charmanteres Kompliment als sexy, denn es bewertet das Objekt der Begierde nicht nur oberflächlich nach dem Aussehen, sondern zusätzlich nach inneren Werten. Ein smexy Typ ist also das volle Paket: sieht gut aus und ist noch dazu schlau, witzig und nett [12. S. 28].

Лексема *smexy* является продуктом языковой игры: из слияния двух слов нормативного языка создается один жаргонизм. Такой способ словообразования очень продуктивен в современном немецком молодежном социолекте. Вот еще примеры из анализируемого словаря: *Niften* (*Nichten* + *Neffen*), *Blogosphäre* (*Blog* + *Atmosphäre*), *Kidult* (*kid* + *adult*), *schnüchtern* (*schüchtern* + *nüchtern*).

Носители жаргона, представленного в данном словаре, также принимают непосредственное участие в его составлении. И происходит это на сайте *szenesprachenwiki.de*. Каждый желающий может анонимно присылать свои слова и выражения, но, чтобы принимать участие в дискуссии и оценке присланной лексики, необходимо зарегистрироваться. Предисловие к печатному изданию завершается словами: «Язык живет и продолжает жить на *szenesprachenwiki.de*». И он действительно продолжает жить. Наши наблюдения показывают, что на сайте словарь пополняется ежедневно. Вот некоторые из последних поступлений:

Muttermonster – Eine Mutter, die keine Hobbys hat außer dem Muttersein.

Fradenglisch – ist eine Mischung aus den Sprachen Französisch, Deutsch und Englisch; wird benutzt, wenn Gesprächspartner keine der obigen Sprachen gemeinsam fließend sprechen.

В отличие от словарей PONS и Langenscheidt, которые включают в свои лексиконы лексику без какой-либо цензуры, издательство Duden включает присланную лексику в словарь после редакционной обработки, что является, на наш взгляд, необходимым для печатного издания.

От всех вышеупомянутых словарей выгодно отличаются лексиконы известного исследователя немецкого молодежного языка Г. Эмана. После 2000 г. у него выходят два лексикона – «Voll konkret» [13] и «Endgeil» [14], которые продолжают серию его словарей, изданных в конце XX в. [15, 16]. Как сообщает в предисловии сам автор, его лексиконы являются результатом многолетнего интенсивного контакта с большим количеством молодых людей разных возрастных групп и социальных слоев. В сборе материала он опирается на три основных метода: 1) наблюдение за процессом общения и участие в нем; 2) взятие интервью; 3) анкетирование [13. S. 5–6].

Очевидным преимуществом лексиконов Г. Эмана является информативность словарных статей, в которых кроме толкования значения жаргонизмов приводится целый ряд дополнительных сведений. К этим сведениям относятся:

1. Пометы о региональной принадлежности. Например, жаргонизмы *ribbeln* «zum Narren halten» и *dammeln* «faulenzten» имеют помету *norddtsch* (северонемецкий), а глагол *nölen* «grölen» помету *norddtsch/ostdtsch* (северонемецкий/ восточонемецкий).

2. Указание на стилистическую окраску слов и выражений. Так, лексемы *Eisbeutel*

«gefühlskalter Mensch», *Wichtigknochen* «Händy», *Arsch-Raller* «sehr unangenehmer Zeitgenosse», *Pappnase* «Witzfigur» сопровождаются пометой *abwertend* (уничижительно), лексемы *Gesalbter* «Boss», *Silbervogel* «Person, die in ihren Träumen lebt» – пометой *bewundernd* (с восхищением), жаргонизм *abgeschossen* «verwahrlost, niedergeschlagen, entkräftet» имеет помету *zynisch* (цинично), жаргонизм *salben* «schwätzen, quatschen» – помету *abschätzig* (пренебрежительно) и т.д. Стилистическая окраска каждого из значений полисе-

мичных жаргонизмов может быть неодинаковой, поэтому и пометы здесь разные. Ср.: **Trällerfisch** 1. *abwertend*: Person, die viel redet; 2. *bewundernd*: weibliche Person, die gut singt [14. S. 138]. **Klöppse** 1. *abwertend*: dicke Menschen; 2. *bewundernd*: kräftige Jungs [14. S. 80].

3. Информация о многозначности описываемой лексики. Например, для жаргонизма *abgepfeffert* указываются два значения: 1. völlig erschöpft, entkräftet; 2. lustlos, gelangweilt, для жаргонизма *connekten/konnäkten* – три: 1. jemanden anrufen, eine Verbindung herstellen, Kontakt zu jemandem aufnehmen; 2. Geschlechtsverkehr ausüben; 3. zwei Personen verkuppeln, а для жаргонизма *faxen* – четыре: 1. Quatsch/Unsinn machen; 2. zögern, zaudern, um den heißen Brei herumreden; 3. jemandem auf die Nerven gehen; 4. schlägern. Антонимические значения в семантике одного слова (явление энантиосемии) автором также учитываются. Ср.: **Blitzbirne** 1. *positiv*: Superhirn, Blitzmerker, Person mit besonders rascher Auffassungsgabe; 2. *negativ*: Blitzmerker, Person mit besonders langer Leitung. Здесь же дается пояснение, что определить, какое значение имеется в виду, можно только по интонации и контексту [14. S. 33].

4. Возрастная характеристика молодежи, употребляющей в своей речи те или иные жаргонизмы. Например, в словарной статье лексемы *endgeil* «super, klasse» указывается, что ее в большинстве случаев употребляют 9–14-летние подростки, жаргонизм *festen* «feiern» характерен для речи 12–16-летних, а жаргонизм *Schlotterhase* «Angsthase» – для 13–18-летних молодых людей.

5. Наличие исторических справок. Так, например, о жаргонизме *betölpeln* «jemanden auf den Arm nehmen, zum Narren machen» автор сообщает, что он уходит корнями в XVI в. к слову *Tölpel* (просторечное *Tollpatsch*), зарегистрированному еще Мартином Лютером. К сожалению, такие исторические справки даются лишь к небольшому количеству жаргонизмов.

6. Указание на язык заимствования для иностранных слов. Приведем примеры: *hip/hippig* от английского *hip*, *korrekt* от латинского *corrigere*, *Kritikalo* от древнегреческого *kritikos*, *kultig* от латинского *cultus*, *Mattsche* от арабского *matt*, *pullen* от английского *to pull*.

В отличие от всех упомянутых нами словарей лексикон Г. Эмана «Endgeil» имеет глоссарий «Standardsprache-Jugendsprache», представляющей собой по сути дела тематико-синонимический список жаргонных слов и выражений. Например, слову *stehlen* (красть)

стандартного языка соответствуют пять (*käufeln, klaufen, stauchen, klemmen, (ab)greifen*), а слову Mund (рот) – восемь (*Zahnhalter, Rüssel, Luke, Schlacht, Fressleiste, Klapperleiste, Knabberkiste, Schlunte*) жаргонных синонимичных лексем.

Итак, анализ 25 словарей молодежного языка, изданных в Германии с начала нашего столетия, показывает, что за это время не издано ни одного словаря, отвечающего требованиям классического лексикографического источника, где каждая словарная статья должна включать в себя заголовочное слово, грамматическую и стилистическую характеристику, толкование, примеры употребления, историко-этимологическую справку и точную паспортизацию источников материала. Для большинства представленных в статье словарей характерна быстрая фиксация словника без какой-либо лексикографической информации. Лишь словари Г. Эмана характеризуют жаргонизмы по ряду параметров, но эта тенденция непоследовательна и отражается далеко не в каждой словарной статье. Конечно, ежегодное издание словарей со «свежими» молодежными жаргонизмами является положительным фактом для изучения данного слоя субстандартной лексики и, как следствие, молодежной субкультуры. Но, к сожалению, современные словари не отражают картину исторического развития социолекта немецкоязычной молодежи, так как в них не показано изменение значения жаргонизмов в течение определенного периода. Хочется надеяться, что богатый лексикографический опыт, накопленный германистикой за три последних столетия, поможет немецким лингвистам создать лексикон молодежного языка, в котором будут учтены недостатки проанализированных нами словарей.

Литература

1. PONS. Wörterbuch der Jugendsprache. Deutsch – Englisch/ Französisch/ Spanisch. – Stuttgart: Klett, 2006. – 142 S.
2. PONS. Wörterbuch der Jugendsprache. Deutsch – Englisch / Französisch / Spanisch. – Stuttgart: Klett, 2005. – 124 S.
3. PONS. Wörterbuch der Jugendsprache. Mit 1.500 Einträgen aus Deutschland, Österreich und der Schweiz. – Stuttgart: PONS GmbH, 2012. – 142 S.
4. PONS. Wörterbuch der Jugendsprache. Mit 1.500 Einträgen aus Deutschland, Österreich und der Schweiz. Mit 1.500 Einträgen aus Deutschland, Österreich und der Schweiz. – Stuttgart: PONS GmbH, 2011. – 138 S.
5. PONS. Wörterbuch der Jugendsprache. Mit 1.500 Einträgen aus Deutschland, Österreich und der Schweiz. – Stuttgart: PONS GmbH, 2009. – 134 S.

6. PONS. Wörterbuch der Jugendsprache. Sammelband. Stuttgart: PONS GmbH, 2011. – 288 S.
7. Hä?? Jugendsprache unplugged 2009. Deutsch-Englisch-Spanisch-Französisch-Italienisch. – Berlin und München: Langenscheidt, 2009. – 160 S.
8. Hä?? Jugendsprache unplugged 2013. Deutsch-Englisch-Spanisch-Französisch. – Berlin und München: Langenscheidt, 2013. – 168 S.
9. Küpper H. Wörterbuch der deutschen Umgangssprache. Bd. VI. Jugenddeutsch von A bis Z. – Düsseldorf – Hamburg: Claassen Verlag, 1970. – 438 S.
10. Neuland E. Jugendsprache. – Tübingen und Basel: Francke Verlag, 2008. – 210 S.
11. Wippermann P. (Hgg.). Wörterbuch der Szenesprachen. – Mannheim – Leipzig – Wien – Zürich: Dudenverlag, 2000. – 221 S.
12. Wippermann P. (Hgg.) Das neue Wörterbuch der Szenesprachen. – Mannheim-Leipzig – Wien – Zürich: Dudenverlag, 2009. – 207 S.
13. Ehmann H. Voll konkret. Das neueste Lexikon der Jugendsprache. – München: Beck, 2001. – 160 S.
14. Ehmann H. Endgeil. Das voll korrekte Lexikon der Jugendsprache. – München: Beck, 2005. – 180 S.
15. Ehmann, H. Affengeil. Ein Lexikon der Jugendsprache. – München: Beck, 1991. – 166 S.
16. Ehmann, H. Oberaffengeil. Neues Lexikon der Jugendsprache. – München: Beck, 1996. – 168 S.

THE SPECIFICITY OF THE PRESENT-DAY YOUTH GERMAN LANGUAGE DICTIONARIES.

Journal of Lexicography, 2014, 2 (6), pp. 5–16.

Rossikhina Maria Yu., National Research University *Higher School of Economics* (Moscow, Russian Federation). E-mail: rosmira@yandex.ru

Keywords: youth language, dictionary, jargon/slang, lexicography, German.

A lot of dictionaries of youth jargon (traditionally called youth slang) were published in Germany over the period from 2000 to 2013. They fall into three categories.

The first group are annual editions of multilingual dictionaries by PONS and Langenscheidt publishers which give words and collocations used by schoolchildren from Germany, Austria and Switzerland their English, French and Spanish equivalents. These dictionaries, containing from 300 to 1500 words, focus on new entries and generally lack lexicographical information. It is native speakers, who contribute to the new editions by sending words and collocations to editors. These terms are included without any restrictions and this fact is mentioned in the preface to the dictionary.

The second group are dictionaries ("Wörterbuch der Szenesprachen" and "Das neue Wörterbuch der Szenesprachen" from Duden publisher edited by P. Wipperman) organized by topic. They contain words referring to music, popular culture, love and sex, computers and Internet, entertainment and fashion etc. Each topic provides a specific vocabulary used by youth groups who share the same interests and have a similar lifestyle. These lexicographical sources feature thorough word definitions with detailed interpretation of jargonisms, normally in the context, but they do not give any information on grammar and language style, histories of words or verifiable reference. There is usually a website for a topical dictionary and anyone can participate in compiling it.

The third group are lexicons by G. Eman who put them together after many years of close contact with young people of different age groups and social classes. Their strong points are complete definitions of entries. He also specifies stylistic register, polysemy, dialect, etymology, though sometimes his explanations lack system. All words and expressions are given in the context. G. Eman also provides synonymous sequences, arranged by topic which could be found in the appendix to "Endgale" dictionary.

None of the reviewed dictionaries meets all standards for lexicographical reference. However, despite this shortcoming and diverse lexicographical aspects, dictionaries of German youth language published in the early 21st century are a valuable source for studying this layer of unconventional vocabulary and therefore youth subculture. It should be pointed out that German youth slang is not about specific words and expressions only, it reflects social relations, way of life and culture of young people from Germany, Austria and Switzerland.

References

1. PONS. *Wörterbuch der Jugendsprache. Deutsch – Englisch/ Französisch/ Spanisch*. Stuttgart: Klett, 2006. 142 p.
2. PONS. *Wörterbuch der Jugendsprache. Deutsch – Englisch / Französisch / Spanisch*. Stuttgart: Klett, 2005. 124 p.
3. PONS. *Wörterbuch der Jugendsprache. Mit 1.500 Einträgen aus Deutschland, Österreich und der Schweiz*. Stuttgart: PONS GmbH, 2012. 142 p.
4. PONS. *Wörterbuch der Jugendsprache. Mit 1.500 Einträgen aus Deutschland, Österreich und der Schweiz. Mit 1.500 Einträgen aus Deutschland, Österreich und der Schweiz*. Stuttgart: PONS GmbH, 2011. 138 p.
5. PONS. *Wörterbuch der Jugendsprache. Mit 1.500 Einträgen aus Deutschland, Österreich und der Schweiz*. Stuttgart: PONS GmbH, 2009. 134 p.
6. PONS. *Wörterbuch der Jugendsprache. Sammelband*. Stuttgart: PONS GmbH, 2011. 288 p.
7. Hä?? Jugendsprache unplugged 2009. *Deutsch-Englisch-Spanisch-Französisch-Italienisch*. Berlin und München: Langenscheidt, 2009. 160 p.
8. Hä?? Jugendsprache unplugged 2013. *Deutsch-Englisch-Spanisch-Französisch*. Berlin und München: Langenscheidt, 2013. 168 p.
9. Küpper H. *Wörterbuch der deutschen Umgangssprache*. Bd. VI. Jugenddeutsch von A bis Z. Düsseldorf – Hamburg: Claassen Verlag, 1970. 438 p.
10. Neuland E. *Jugendsprache*. Tübingen und Basel: Francke Verlag, 2008. 210 p.
11. Wippermann P. (Hgg.). *Wörterbuch der Szenesprachen*. Mannheim – Leipzig – Wien – Zürich: Dudenverlag, 2000. 221 p.
12. Wippermann P. (Hgg.) *Das neue Wörterbuch der Szenesprachen*. Mannheim – Leipzig – Wien – Zürich: Dudenverlag, 2009. 207 p.
13. Ehmann H. *Voll konkret. Das neueste Lexikon der Jugendsprache*. München: Beck, 2001. 160 p.
14. Ehmann H. *Endgeil. Das voll korrekte Lexikon der Jugendsprache*. München: Beck, 2005. 180 p.
15. Ehmann H. *Affengeil. Ein Lexikon der Jugendsprache*. München: Beck, 1991. 166 p.
16. Ehmann H. *Oberaffengeil. Neues Lexikon der Jugendsprache*. München: Beck, 1996. 168 p.

СЛОВАРНЫЕ ПРОЕКТЫ И ТРУДЫ

УДК 81'374.2, 81'374.7

Н.А. Агапова, Н.Ф. Картофелева

ПРОЕКТ ЭЛЕКТРОННОГО СЛОВАРЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ТИПА: ОБЩАЯ КОНЦЕПЦИЯ И СПЕЦИФИКА ТЕХНИЧЕСКОГО ВОПЛОЩЕНИЯ¹

В статье сделан краткий обзор существующих лингвокультурологических и этнолингвистических словарей, представляющих собой примеры взаимодействия теоретических разработок и практических результатов. Дана общая концепция электронного лингвокультурологического словаря примет; обосновано его принципиальное отличие от существующих в данный момент интернет-ресурсов, содержащих аналогичную информацию; охарактеризованы базовые особенности и основные разновидности интернет-сайтов подобного типа. Введено понятие «конструктор словаря»; очерчен круг свойств и функциональных требований, актуальных для создаваемого электронного словаря; произведен обзор существующих программ, используемых для создания электронных словарей, и обоснована необходимость разработки собственно электронного приложения.

Ключевые слова: корпусная лингвистика; народная примета; лингвокультурология; электронный словарь; конструктор; техническое задание.

Теория и практика в процессе работы над словарем связаны неразрывно – действительно, «история мирового языкознания полна свидетельств связи и взаимосвязи теоретических разработок и их лексикографического воплощения» [1. С. 6]. Лингвокультурология не является исключением из этого правила: лингвокультурологические и этнолингвистические словари, с одной стороны, являются плодом теоретических изысканий, обобщений и выводов; с другой – сам словарь может стать ценной базой данных, используемой для анализа и проведения новых исследований. В качестве примера такого словаря можно привести этнолингвистический словарь «Славянские древности» под ред. Н.И. Толстого [2]. Данный лексикографический объект создавался на протяжении длительного вре-

¹ Исследование выполнено в рамках государственного задания на выполнение НИР «Изучение историко-культурного наследия России (сибирский аспект)» (код проекта 2059).

мени (1995–2009 гг.) и стал ценным источником информации для исследователей различных направлений – этнографов, этнолингвистов, лингвокультурологов, лингвогеографов и многих других. Еще один пример – лингвокультурологический словарь «Русское культурное пространство» [3]: этот источник представляет особую ценность для исследователей, анализирующих зооморфные образы с лингвокультурологической и этнолингвистической точек зрения, поскольку содержит подробный лингвокультурный комментарий к лексемам, номинирующим представителей животного мира. Особого внимания заслуживает иллюстративный материал словаря: составители привлекают широкий круг фольклорных и авторских произведений, демонстрируя таким образом процесс реализации культурного кода, закрепленного за лексикографируемыми зоонимами. Неоспоримой практической и теоретической ценностью обладают и терминологические словари лингвокультурологического и этнолингвистического типов – в качестве примера можно привести «Этнолингвистический словарь свадебной терминологии Северного Прикамья» [4].

Отдельными учеными предлагается объединять словари лингвокультурологического и этнолингвистического типов одним понятием – «лингвокультурография». В толковании этого термина мы идем вслед за О.К. Ансимовой, говорящей о том, что «объектом лингвокультурографии являются языковые и неязыковые (например, мимика, жесты) единицы, содержащие культурную информацию, знание которой необходимо для успешной коммуникации в рамках определенного лингвокультурного сообщества; предметом – параметры описания данных единиц в соответствующих словарях, т.е. их лексикографическая интерпретация» [5].

Логичным выглядит предположение о том, что словари подобного типа диктуют более сложную по сравнению с другими типами словарей форму организации материала: связано это, прежде всего, с тем, что в поле зрения лексикографа наряду с собственно языковыми попадают неязыковые явления (обычаи, обряды, жесты, костюмы...), требующие особого подхода к возможности их представления в словарной статье.

Безусловно, более прихотливый и специфичный материал ставит перед лексикографом довольно сложную задачу: его нужно классифицировать, подать и проиллюстрировать наиболее приемлемым и

наглядным способом, что само по себе достаточно сложно. Вместе с тем именно специфика материала, отображаемого в словаре лингвокультурологического типа, соединившись с навигационными и техническими возможностями современной компьютерной лексикографии, способна дать впечатляющие результаты в виде не только удобно выстроенной навигации: использование медиаприложений (видео-, аудиозаписей, анимированных приложений) служит эффективным инструментом для иллюстрирования статей лингвокультурологического характера.

Компьютерная лексикография, ставшая особенно актуальной в последнее время, является важной составляющей прикладной лингвистики. Как справедливо отмечает Е.Ю. Чепик, «лингвистами и программистами сегодня обсуждаются такие вопросы, как структура и объем электронных словарей, принципы системной организации лексики, методы лингвистического программного обеспечения, параметры систематизации информационного материала. <...> Один из важных аспектов в научных дискуссиях – возможности использования компьютерных технологий при создании и применении словарей. Специальные программы (базы данных, программы обработки текста) позволяют формировать словарные статьи, хранить информацию и обрабатывать ее в автоматическом режиме» [6].

Анализ существующих словарей лингвокультурологического и этнолингвистического характера позволил сделать вывод о том, что, несмотря на активное развитие корпусной лингвистики и электронной лексикографии, происходящее в последние годы, в рамках отечественной лингвокультурологии пока не создано электронных словарей.

Авторами статьи была поставлена задача разработать электронный словарь именно лингвокультурологического типа: в качестве примера такового было принято решение создать электронный словарь народных примет, призванный в компьютерном формате объединить корпус народных примет и лингвокультурологический комментарий, сопровождающий собранный материал.

Практическая ценность заявленного лексикографического проекта заключается в том, что создание электронного словаря лингвокультурологического типа позволит выработать и апробировать ряд универсальных принципов лексикографической работы с материалом, обладающим лингвокультурологической ценностью, прежде

всего – в области репрезентации такого материала в формате компьютерного словаря. Актуальность и научная ценность исследования заключается в наполнении содержательной части словаря. Это связано с тем, что содержательное наполнение заявленного лексикографического продукта базируется на уникальном материале – корпусе народных примет, фиксируемых в процессе работы с разнообразными источниками, который обладает несомненной культурологической ценностью, он создавался в течение нескольких лет и пополняется до сих пор.

Авторы видят своей целью создание словаря, обладающего практической ценностью как для исследователей, в чье поле зрения попадают народные приметы в качестве материала или объекта изучения: паремиологов, паремиографов, фольклористов, лингвокультурологов, этнолингвистов, лингвогеографов, – так и для рядовых носителей языка, интересующихся народными приметами и суевериями. Таким образом, любой потенциальный читатель (пользователь) словаря сможет получить доступ одновременно к большому количеству примет (в настоящий момент корпус насчитывает около 1500 единиц), объединенных рамками одного электронного лексикографического продукта.

Разрабатываемый словарь подразумевает не только создание базы данных примет; согласно авторской концепции он призван объединить материал (сами приметы) и лингвокультурологический комментарий, его сопровождающий. Это является принципиально важной отличительной чертой создаваемого словаря.

Воплощение этого проекта в жизнь предполагает разработку общей концепции словаря, структуры (модели) словарной статьи и принципов организации представленного в словаре материала, а также разработку компьютерного приложения, посредством которого создаваемым словарем можно будет эффективно пользоваться как составителям словаря, так и читателям.

Сегодня в сети Интернет представлено большое количество ресурсов, содержащих списки народных примет в различных видах и вариациях [7]. Считаем справедливым замечание о том, что подавляющее большинство интернет-сайтов, содержащих материал народных примет, как правило, предлагает пользователю только списки примет; при этом довольно часто представленный материал репрезентирован по тематическому принципу [8], [9], [10]. Тематиче-

ский принцип организации материала реализуется в том, что приметы разбиты на разделы: «быт», «погода», «семья», «свадьба», «дети», «деньги» и др. Возможно выделение других рубрик или редуцирование некоторых из перечисленных – в зависимости от того, для каких целей предполагается использовать конкретный информационный ресурс. Так, например, достаточно большое количество интернет-ресурсов содержит только свадебные приметы [11], приметы, посвященные исключительно беременности и родам [12]; «бизнес-приметы» или «денежные» приметы [13]; существовать такой специализированный тематический каталог примет может как отдельно (в виде самостоятельного Интернет-сайта), так и будучи интегрированным в другой ресурс, выступая в качестве его органичной части, объединенной с ним основной темой [14].

Отдельную категорию представляют интернет-ресурсы, в рамках которых приметы представлены не в виде списков, организованных по тематическому принципу, а соотносятся с календарными датами: пользователь, таким образом, получает возможность ознакомиться со всеми суевериями, «закрепленными» за определенным днем календаря (например, за сегодняшним днем или за любой другой конкретной датой [15]): как правило, это погодные и календарные приметы. Наконец, особого внимания заслуживает разновидность интернет-ресурсов, отличительной чертой которых является наличие определенного рода комментария, сопровождающего представленный материал. В основном это попытки интерпретации примет, поиски рационального их объяснения [16]; однако нигде представленный материал не сопровождается лингвокультурологическим комментарием.

Можно указать ряд других недостатков, которыми обладают перечисленные интернет-источники народных примет. В первую очередь речь идет об отсутствии метаданных представленных примет: пользователь не может получить информацию о том, насколько старой или новой является примета, на какой географической территории она распространена – этот недостаток усугубляется тем, что большинство сайтов предоставляют разнородный материал, буквально «смешивая» (а иногда даже компилируя) приметы, бытующие у разных народов, а также приметы, которые могут быть оценены как традиционные и приметы современные, и никак это не обозначают. В создаваемом электронном словаре примет данный недос-

таток устраняется путем использования ссылок на источник (словари, энциклопедии, записи живой разговорной речи), из которого взята та или иная примета.

Концепция создаваемого словаря подразумевает особый способ организации материала, поскольку перед лексикографами стоит довольно сложная задача, заключающаяся в органичном и закономерном соединении лексикографируемых единиц – примет – и лингвокультурологического комментария, их сопровождающего.

Поскольку заявленный проект словаря подразумевает отличную от традиционной – бумажной – электронную форму существования, работа над его созданием ведется одновременно в двух направлениях. Первое направление включает в себя подготовительную работу (сбор материала); его классификацию, производимую по различным основаниям, и лингвокультурологический анализ содержащихся в словаре примет. Реализация поставленной задачи стала возможной благодаря созданному и апробированному Н.А. Агаповой и Т.Б. Банковой алгоритму выделения ключевого слова народной приметы [17]. Именно выработанный алгоритм – частично скорректированный и обновленный – решено было использовать при создании электронного словаря. Наконец, в качестве неотъемлемой задачи собственно лингвистического направления работы над словарем необходимо обозначить создание лингвокультурологического комментария, сопровождающего выделенные ключевые слова.

Неотъемлемой частью работы над заявленным лексикографическим объектом является техническое воплощение словаря. В нем представляется возможным выделить два этапа реализации: первый этап подразумевает создание конструктора словаря лингвокультурологического типа. Под «конструктором словаря» в рамках настоящей работы понимается компьютерная программа, с помощью которой создается электронный словарь. В процессе второго этапа работы с помощью написанного ранее конструктора создается сам словарь. В настоящий момент авторы работают над созданием рабочей версии электронного словаря.

Логичным выглядит предположение о том, что у словаря лингвокультурологического типа есть ряд спецификаций – признаков, свойств и особенностей, объединяющих все лексикографические объекты подобного рода. В частности, конструктор электронного словаря лингвокультурологического типа должен обладать следую-

щими свойствами и возможностями: наличие информации от составителя словаря (для рабочей версии: введение, содержащее информацию о принципах выделения ключевого слова, описание алгоритма его выделения); списка источников и использование элементов этого списка для цитирования в словарных статьях (для рабочей версии: цитирование источников в лингвокультурологических комментариях ключевых слов); определение ключевого объекта словаря (в лексикографической терминологии – объект лексикографирования: для рабочей версии в качестве такового выступает народная примета); создание иерархии объектов словаря (для рабочей версии: темы примет → приметы); создание гиперссылок (для рабочей версии: ключевые слова народных примет выделяются как гиперссылки); создание словарных статей (для рабочей версии: лингвокультурологический комментарий ключевого слова приметы); автоматически создаваемая и настраиваемая навигация по элементам словаря; настраиваемый поиск по словарю (возможность поиска по одной и нескольким лексемам; поиск исключающего типа¹; поиск по шаблону²). Представленный список свойств и навигационных возможностей создаваемого словаря является неполным, его корректировка и конкретизация будут произведены в процессе работы над приложением (на этапе конкретизации требований к компьютерному приложению). Именно на начальном этапе разработки приложения скорректированные и уточненные требования будут задокументированы программистом-разработчиком.

Таким образом, функционал конструктора словаря должен удовлетворять потребностям трех ролей. На первом месте, безусловно, стоит роль составителя – лингвиста, разрабатывающего общую концепцию словаря, собирающего и классифицирующего материал, ставящего цели для программиста (рис. 1). В качестве второй базовой выступает роль человека, создающего и настраивающего новый словарь при помощи конструктора – программиста: как выглядит создаваемый словарь для него, представлено на втором скриншоте

¹ Поиск такого типа подразумевает возможность исключения из поиска определенного элемента (слова). Например, читателю нужно найти все приметы, в которых есть слово «кошка», но при этом среди них не должно быть примет, в которых одновременно с этим словом есть еще и «собака».

² Так, например, поиск по шаблону *жен** позволит найти все лексемы, начинающиеся с элемента «жен»: *жена, жениться, женщина* и т.д.

(рис. 2). Наконец, словарь должен удовлетворять потребностям читателя, пользующегося словарем как источником информации (рис. 3).

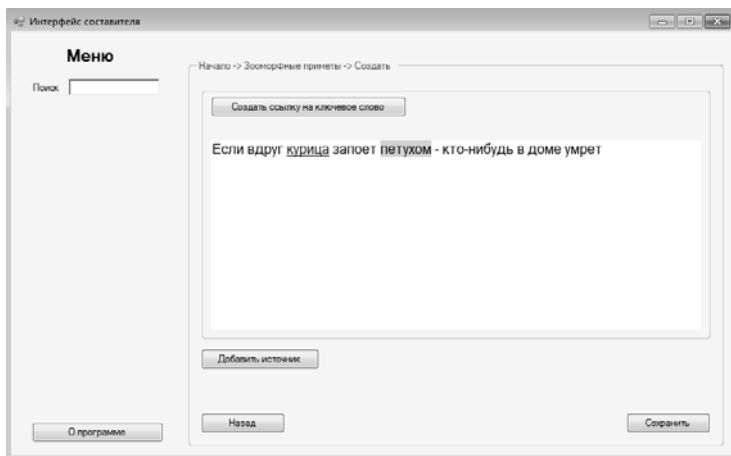

Рис. 1. Интерфейс составителя словаря: вид электронного словаря с точки зрения лингвиста, работающего со словарем и наполняющего его материалом: приметами, лингвокультурологическим комментарием, любой другой информацией, например данными об источниках

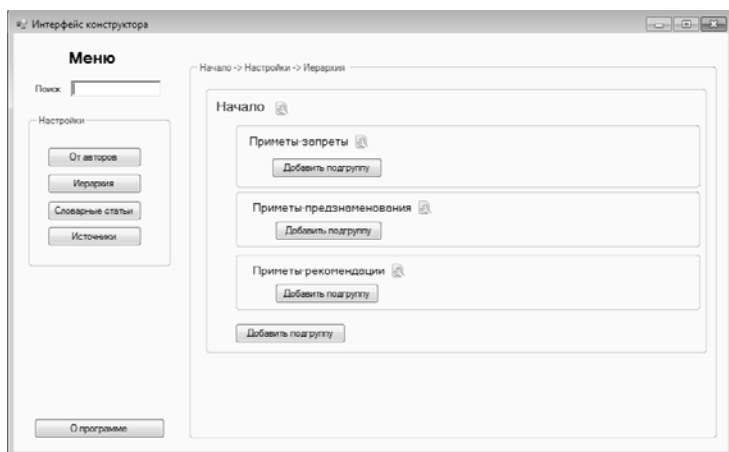

Рис. 2. Интерфейс конструктора словаря: вид электронного словаря с точки зрения программиста, создающего и настраивающего новый словарь при помощи заявленной программы

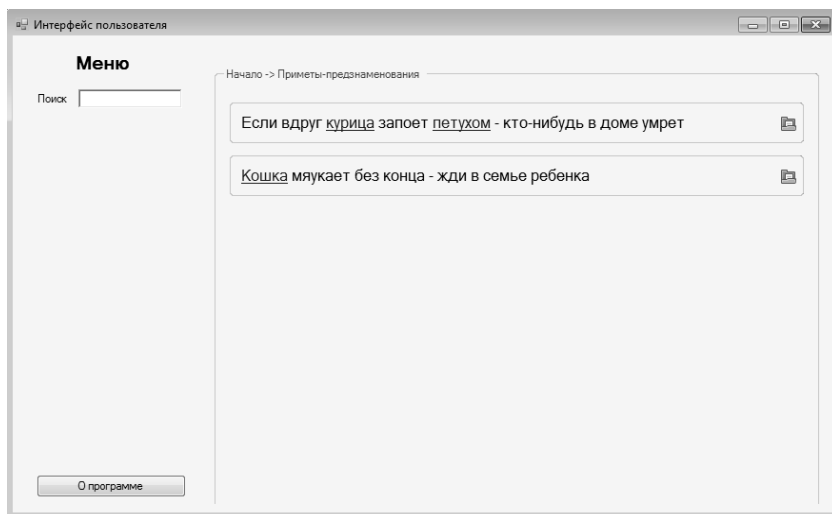

Рис. 3. Интерфейс читателя словаря: вид электронного словаря с точки зрения читателя, пользующегося словарем как источником информации

Заявленный перечень свойств создаваемого словаря может быть реализован только при условиях оптимального выбора электронных средств создания. Авторами был произведен анализ существующих и используемых сейчас способов создания электронных словарей различных типов, который позволил сделать ряд выводов. Прежде всего, представляется справедливым утверждение о том, что среди способов создания электронных словарей не представлено готовых унифицированных решений. Иначе говоря, пока не существует универсальных программных продуктов, разработанных специально для создания электронных словарей. Практически все специализированные технические средства созданы для конкретных словарных продуктов (таких, например, как словари компании АBBYY [18] или «Оксфордский словарь английского языка» [19]) и не могут быть использованы другими лексикографами что, в свою очередь, иллюстрирует практическую ценность заявленного словарного проекта. Отдельные создатели электронных словарей используют уже существующие технические средства, изначально создававшиеся для других целей: по сути, они лишь адаптируются для решения задач электронной лексикографии. Средства подобного типа способны обеспе-

чивать минимальный необходимый функционал электронного словаря, прежде всего расширяемость (возможность пополнять существующую базу данных) и поиск; в качестве примеров таких средств можно назвать редакторы пакетов MS Office и Open Office, шаблоны на основе wiki-технологий). Безусловно, являясь инструментами, изначально создаваемыми для других целей, эти решения априори не могут обеспечивать полный функционал, необходимый по техническому заданию анонсируемого словаря, а их доработка является достаточно трудоемкой. Именно по этой причине авторами создаваемого словаря было принято решение разработать приложение, предназначенное для конструирования электронного лексикографического объекта и оптимальным образом подходящее для того, чтобы в дальнейшем использовать его для создания словарей похожих типов.

На осуществляемом этапе работы авторам предстоит произвести анализ уже созданных электронных словарей различных типов. Это позволит получить необходимую информацию об используемых в рамках работы над другими электронными словарями технических средствах и возможностях осуществить выбор собственных средств разработки (язык программирования, среда разработки, система управления базами данных) согласно заявленным требованиям. В процессе проводимого анализа авторам предстоит решить следующие вопросы: на каких платформах должно работать приложение? Предполагается ли создание on-line-версии словаря, в том числе как единственной?

Разработку конструктора словаря планируется вести по модели унифицированного процесса разработки, подробно описанной А. Якобсоном, Г. Бучем и Дж. Рамбо. Такой процесс характеризуется многими составляющими (более подробно они будут охарактеризованы в дальнейших работах авторов), однако в качестве наиболее актуальной для процесса создания заявленного словаря (как и любого междисциплинарного исследовательского продукта) можно отметить следующую: «Унифицированный процесс разработки программного обеспечения может использоваться любым человеком, вовлеченным в процесс разработки...» [20. С. 19], что позволит максимально эффективно реализовать потенциал всех участников проекта, включенных в работу над технической составляющей словаря.

Литература

1. Блинова О.И. Теория → словарь → теория → словарь... // Вопр. лексикографии. – 2012. – № 1. – С. 6–26.
2. Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н.И. Толстого. – М.: Междунар. отношения, 1995. – 2009.
3. Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь: Вып. 1 / И.С. Брилева [и др.]. – М.: Гнозис, 2004. – 318 с.
4. Подюков И.А., Хоробрых С.В., Антипов Д.А. Этнолингвистический словарь свадебной терминологии Северного Прикамья. – Усолье; Соликамск; Березники; Пермь: Перм. кн. изд-во, 2004. – 360 с.; ил.
5. Ансимова О.К. Лингвокультурография как отдельная филиация общей лексикографии [Электронный ресурс]. – URL: http://sociosphera.com/publication/conference/2012/119/lingvokulturografiya_kak_otdelnaya_filiaciya_obwej_leksikografii/
6. Ченик Е.Ю. Опыт создания электронного словаря политической лексики [Электронный ресурс]. – URL: <http://el.crimea.edu/archthesis.html>
7. Народные приметы – Google [Электронный ресурс] URL: <https://www.google.ru/search?q=%D0%9D%D0%B0%D1%80%D0%BE%D0%B4%D0%BD%D1%8B%D0%B5+%D0%BF%D1%80%D0%B8%D0%BC%D0%B5%D1%82%D1%8B>
8. Народные приметы [Электронный ресурс]. – URL: <http://primetka.ru/>
9. Народные приметы.ru: Народные приметы и суеверия, поверия [Электронный ресурс]. – URL: <http://narodnye-primety.ru/primeti/>
10. Народные приметы [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ekstrasensy.su/narodnyie-primetyi>
11. Свадебные приметы [Электронный ресурс]. – URL: <http://tili-testo.com/vse-oslavde/8-svadebnie-primeti.htm>
12. Страна детства [Электронный ресурс]. – URL: <http://stranadetstva.ru/beremennost-i-primety>
13. Миллион долларов [Электронный ресурс]. – URL: <http://mlndollarov.ru/denezhnye-primety>
14. БудуМамой.ру [Электронный ресурс] URL: <http://www.budumamoi.ru/>
15. Народный календарь народных примет [Электронный ресурс] URL: [Электронный ресурс]. – URL: <http://astroscope.ru/map/Php/Primeti/>
16. Суеверия и приметы [Электронный ресурс]. – URL: <http://sueveriya.ru/>
17. Агапова Н.А. Лингвокультурологический потенциал ключевого слова народной приметы: дис. ... канд. филол. наук. – Томск, 2013. – 184 с.
18. Ассоциация лексикографов Lingvo [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.lingvoda.ru/dictionaries/create.asp#p2>
19. Оксфордский словарь английского языка [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.oxforddictionaries.com/>
20. Якобсон А., Буч Г., Рамбо Дж. Унифицированный процесс разработки программного обеспечения. – СПб.: Питер, 2002. – 496 с.: ил.

THE ELECTRONIC DICTIONARY OF A LINGUOCULTUROLOGICAL TYPE PROJECT: GENERAL CONCEPTION AND THE SPECIFICS OF TECHNICAL REALIZATION.

Journal of Lexicography, 2014, 2 (6), pp. 17–30.

Agapova Nina A., Kartofeleva Natalia F., Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: NinaAgapova@yandex.ru / natconnor.neo@gmail.com

Keywords: computational lexicography, corpus linguistics, linguoculturography, national sign, linguoculturological commentary; dictionary project; Internet-resource; dictionary builder; terms of reference; test domain; Unified Software Development Process.

During the work over a dictionary theory and practice are inseparably connected; linguoculturology is no exception. Linguoculturological and ethnolinguistic dictionaries are the product of theoretical research, summarizing and concluding on the one hand, and a dictionary itself can become a valuable database for analysis and new researches on the other. Dictionaries of such a type require a more complicated way of data organization: this is due to the fact that in the sight of a lexicographer there are extralinguistic phenomena (customs, rites, gestures, suits...) along with linguistic ones, they require a particular approach to the possibility of their representation within a dictionary entry limits. However, the real specifics of the material representing in a dictionary of a linguoculturological type, united with navigational and technical possibilities of the modern computational lexicography, can produce some impressive results.

The analysis of current linguoculturological and ethnolinguistic dictionaries allows to come to a conclusion that despite active growth of corpus linguistics and computational lexicography in recent years domestic science has not created any electronic dictionaries.

The authors of this paper aim at solving the task of development of an electronic dictionary of the linguoculturological type; as an illustration of such a dictionary it was decided to develop and implement an electronic dictionary of national signs. The realization of this project proposes the elaboration of the general concept of the dictionary, the structure (model) of a dictionary entry, the principles of organisation of the material presented in the dictionary and the development of software which is supposed to ensure the most convenient dictionary usage.

The dictionary to be created must be the utility for the researchers who work with national signs as well as for common language speakers who are interested in national signs and superstitions. Thus, any potential reader (user) of the dictionary interested in national signs and superstitions can get access to a large amount of national signs (about 1500 units at the moment) united into one electronic lexicographical material.

At the same time, the project does not include the national signs corpus creation only; according to the authors' concept, it serves to join the material (national signs) with its linguoculturological commentary. This, in its turn, is the essential distinguishing feature of the dictionary.

The work on the dictionary creation goes in two directions simultaneously. The first direction includes the preparatory work (the material collection), its classification according to different arguments, and the linguoculturological analysis of the national signs.

The second direction applies to the technical realization of the dictionary. In the context of this direction, in its turn, it is possible to define two steps of realization: the first step implies the creation of a builder for making dictionaries of a linguoculturological type; the second step implies the creation of a linguoculturological dictionary of national signs using

the dictionary builder. In this case the electronic dictionary of national signs serves as the test domain for the builder project.

The authors of this paper found out that there are no unified software products among the ways of electronic dictionary creation; in other words, there are no universal software programmes for making electronic dictionaries; almost all relevant software is developed for particular proprietary dictionaries and cannot be used by other lexicographers – this illustrates the topicality and utility value of the announced dictionary project.

References

1. Blinova O.I. Theory → Dictionary → Theory → Dictionary. *Voprosy leksikografii – Journal of Lexicography*, 2012, no. 1, pp. 6-26.
2. Tolstoy N.I. (ed.) *Slavyanskije drevnosti: Etnolingvisticheskiy slovar' v 5 tomakh* [Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary in 5 volumes]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1995 – 2009.
3. Brileva I.S. et al. *Russkoe kul'turnoe prostranstvo: Lingvokulturologicheskiy slovar'* [Russian Cultural Space: a Linguoculturological Dictionary]. Moscow: Gnozis Publ., 2004. Issue 1, 318 p.
4. Podyukov I.A., Khorobrykh S.V., Antipov D.A. *Etnolingvisticheskiy slovar' svadebnoy terminologii Severnogo Priam'ya* [Ethnolinguistic Wedding Terminology Dictionary of Northern Kama region]. Usolye, Solikamsk, Berezniki, Perm: Permskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 2004. 360 p.
5. Ansimova O.K. *Lingvokulturologiya kak otdel'naya filiaciya obshchey leksikografii* [Linguoculturography as a filiation of general lexicography]. Available at: http://sociosfera.com/publication/conference/2012/119/lingvokulturologiya_kak_otdelnaya_filiaciya_obwej_leksikografii/.
6. Chepik E.Yu. *Opyt sozdaniya elektronnoy slovary politicheskoy leksiki* [Experience of creating an electronic dictionary of political lexicon]. Available at: <http://el.crimea.edu/archthesis.html>.
7. *Narodnye primety – Google* [Folk signs – Google]. Available at: <https://www.google.ru/search?q=%D0%9D%D0%B0%D1%80%D0%BE%D0%B4%D0%BD%D1%8B%D0%B5+%D0%BF%D1%80%D0%B8%D0%BC%D0%B5%D1%82%D1%8B>.
8. *Narodnye primety* [Folk signs]. Available at: <http://primetka.ru/>.
9. *Narodnye primety.ru: Narodnye primety i sueveriya, poveriya* [Narodnye-primety.ru: Folk signs and superstitions, beliefs]. Available at: <http://narodnye-primety.ru/primeti/>.
10. *Narodnye primety* [Folk signs]. Available at: <http://www.ekstrasensy.su/narodnye-primetyi>.
11. *Svadebnye primety* [Wedding signs]. Available at: <http://tili-testo.com/vse-osvadebe/8-svadebnie-primeti.htm>.
12. *Strana detstva* [The country of childhood]. Available at: <http://stranadetstva.ru/beremennost-i-primety>.
13. *Million dollarov* [A million dollars]. Available at: <http://mlndollarov.ru/denezhnye-primety>.
14. *BuduMamoy.ru* [budumamoi.ru]. Available at: <http://www.budumamoi.ru/>
15. *Narodnyy kalendar' narodnykh primet* [Folk calendar of folk signs]. Available at: [Elektronnyy resurs]. Available at: <http://astroscope.ru/map.php/Primeti/>.

16. *Sueveriya i primety* [Superstitions and signs]. Available at: <http://sueveriya.ru/>.
17. Agapova N.A. *Lingvokul'turologicheskiy potentsial klyuchevogo slova narodnoy primety*: dis. kand. filol. nauk [Linguoculturological potential of the keyword in a folk sign. Philology Cand. Diss.]. Tomsk, 2013. 184 p.
18. *Assotsiatsiya leksikografov Lingvo* [Lingvo Lexicographers Association]. Available at: <http://www.lingvoda.ru/dictionaries/create.asp#p2>.
19. *The Oxford English Dictionary*. Available at: <http://www.oxforddictionaries.com/>.
20. Jacobson I., Booch G., Rumbaugh J. *Unifitsirovanny protsess razrabotki programmnogo obespecheniya* [The unified software development process]. Translated from English. St. Petersburg: Piter Publ., 2002. 496 p.

Н.Д. Голев

«ВИКИЛЕКСИЯ» – НАРОДНЫЙ ИНТЕРНЕТ-СЛОВАРЬ: ИННОВАЦИОННЫЙ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ

Статья представляет научной общественности новый интернет-словарь в рамках проекта «Народная лексикография». Он расположен на сайте <http://викилексия.рф>. Проект входит в программу исследований обыденного метаязыкового сознания, реализуемую коллективом кафедры русского языка Кемеровского государственного университета под руководством автора настоящей статьи. Словарь назван термином «Викилексия». Принципы его организации повторяют схему «Википедии»: авторами словарных статей являются сами носители языка, которые делают самостоятельный отбор слов для словаря, описывают по определенной схеме их семантику и особенности функционирования, фиксируют свое личное отношение к ним. Принцип отбора слов – субъективный, информант включает слова, вызывающие у него эмоции, мысли, ассоциации, слова, интересные информанту в том или ином отношении (например, новые слова, слова-символы, слова, наполненные личным чувством, слова, отражающие дух времени, и т.п.).

Ключевые слова: «Викилексия», интернет-словари, лексикография, обыденное метаязыковое сознание, народное лексикографирование.

1. Общая концепция

Словарь обыденных толкований слов в формате «Викилексия», размещенный в настоящее время¹ на сайте <http://викилексия.рф>, является логическим продолжением исследований **обыденного метаязыкового сознания** и народной лексикографии как его разновидности, которые осуществлялись в течение последних 10 лет на кафедре русского языка Кемеровского государственного университета. Теоретические основы данного направления представлены в третьей части монографии «Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты» [1. С. 205–347]. Важным этапом этой работы стала практическая реализация концепции – создание и публикация в 2012 г. «Словаря обыденных толкований русских слов» (т. 1: АБРИКОС – МУРАВЕЙ) [2]. Представляя данный словарь в статье для журнала «Вопросы лексикографии» и отмечая его перспективы, я обозначил контуры нового его варианта – «Викисловаря», создаваемого по типу «Википедии». В статье было

¹ Дата выставления сайта в Интернете – июнь 2014 г.

высказано предположение, что в «Викилексии» будут участвовать пользователи Интернетом, которые, во-первых, вносят в словарь «свои»¹ лексемы (варианты лексем) и, во-вторых, участвуют в создании словарной статьи всеохватного типа, добавляя свою информацию и корректируя предыдущую, в том числе фиксируя собственные метаязыковые рефлексии по поводу данных слов. Таким образом в словарной статье отражаются диахронические, территориальные, профессиональные модификации смысла слов и особенностей их употребления и вместе с этим – особенности их ментального существования в обыденном метаязыковом сознании [3. С. 64]. Развертывая линию целевых установок «Викилексии», отметим, что в ней в результативном плане предполагается представить лексикографический материал двоякого рода: а) материал, фиксирующий состояние лексики (онтологический план); б) материал, фиксирующий состояние языкового сознания (лингвоментальный, онтологносеологический план [4]). Материал первого типа фиксирует формальные лексические новации и изменения в содержательном плане слова, выходы за рамки нормативно-устойчивого, узואльно фиксированного лексико-семантического и фразеологического пласта. Лингвоментальный план связан с тем, что принципы народной лексикографии предполагают способность фиксировать особенности обыденного метаязыкового сознания как части языковой картины мира носителей языка. Суть проекта в последнем аспекте – в подключении к лексикографированию² широких масс рядовых носителей языка для получения материала **лексикографических рефлексивов**. По сравнению с рефлексивами в «Словаре обыденных толкований слов» [2] они носят более осознанный характер и уровень их «металингвистичности» более высокий, так как носитель языка встает в позицию профессионального лексикографа (разумеется, это не означает стать профессиональным лексикографом). К тому же, по нашему замыслу, в «Викилексии» присутствует сильный компонент культурно-просветительского начала: в определенном смысле проект связан с приобщением носителей языка к лингвоэкологической деятельности и языковому строительству. Таким образом, предла-

¹ Слово «свои» здесь предполагает определенное содержание, которое далее в настоящей статье будет специально обсуждаться.

² Лексикографирование – это сбор, описание и систематизация лексического материала.

гаемая статья – этап движения от «обозначенных выше контуров» к реальному проекту; в ней выдвигается относительно конкретизированная концепция и общая схема ее реализации, подтвержденная реальным интернет-проектом.

Существенным моментом замысла «Викилексии» является то обстоятельство, что в проекте центробежные тенденции народного лексикографирования совмещаются с центростремительными установками **профессиональных создателей** «Викилексии». «Викилексия» является продуктом метаязыковой рефлексии рядовых носителей языка, проект реализуется усилиями непрофессиональных лексикографов, по сути – всем русскоговорящим сообществом России и мира, заинтересованным в собирательстве и обработке лексики русского языка. С другой стороны, «Викилексия» создается научным сообществом, имеющим потребность также и в фиксации особенностей обыденного метаязыкового сознания и сдвигов в составе и семантике лексики¹. Следовательно, пополнение «Викилексии» не является полностью стихийным процессом – словарь организуется и далее осуществляется при активном участии профессиональных филологов, начиная с непосредственных организаторов (члены коллектива кафедры русского языка КемГУ и научно-образовательного центра «Обыденная семантика терминов различных наук») и завершая школьными учителями и «активистами из народа». В этом одна из особенностей проекта, отличающая его от большинства любительских интернет-проектов, представленных в Рунете (о некоторых из них будет сказано далее). На ней необходимо остановиться подробнее.

Русскоязычное сообщество скреплено активным метаязыковым сознанием. Среди многих скрепов общества есть и филологический стержень. Он представляет собой единство профессионального и обыденного пластов. Цепочка «филология-наука – филология в высшей школе – филология в средней школе – филология в обществе» достаточно прочная. Исследователям русского языка и препода-

¹ Эти две стороны по-разному представлены в разных составляющих словаря: в его инструктивной части, адресатом которой являются информанты, собирательские задачи выдвинуты на первый план, тогда как в собственно научной информации, отражаемой в словаре, предполагается не просто фиксация лексем и их «объективистское» описание, но и той субъективной ауры, которая сопровождает слово и процесс его лексикографической фиксации и через которую для лингвистики «добывается» информация об обыденном метаязыковом сознании.

вателям-филологам здесь есть чем гордиться. Хорошей иллюстрацией сказанного является массовое мероприятие, получившее название «Тотальный диктант». Тот огромный интерес, который он вызывает, весьма примечателен и в некотором смысле представляет загадку. Что влечет массы людей по доброй воле писать «Тотальный диктант», даже проходить курсы подготовки к нему? Несомненно, это следствие особенностей их метаязыкового сознания. Да, данный интерес сформировал **орфографоцентризм** – главная презумпция преподавания русского языка в школе и в педагогических вузах. Автор настоящей статьи отдал немало усилий лингвистическому изучению этой реальности обыденного метаязыкового сознания, органично увязанной с национальной ментальностью. Однако как социальное и когнитивное явление орфографоцентризм, на наш взгляд, весьма неоднозначен. Тем не менее интерес к языку как социально-эстетической ценности находит выход вовне по каналу орфографоцентризма, который мы, преподаватели, сами и сформировали. Если бы были сформированы другие ценности, получился бы другой выход. В этом смысле лексикографоцентризм – презумпция более высокого порядка, находящаяся гораздо ближе к сущности языка. Его надо формировать. Хотя пролегомены имеются – словари в обыденном сознании едва ли не сакрализированы. Особенно словарь В.И. Даля. Сейчас на наших глазах сакрализуется «Википедия». В каком состоянии этот метаязыковой канал по отношению к обыденной семантике развит в настоящее время, отчасти может показать реализация нашего проекта. Его организаторы надеются, что удастся постепенно выявить то ядро рядовых носителей языка, для которых лексикографирование станет значимой формой ментально-языковой деятельности. В решении этой задачи инициаторы проекта «Викилексия» рассчитывают на всех коллег – громадный коллектив филологов всех уровней и их учеников разных профессий и статусов.

Этот синтез принципов народного и профессионального лексикографирования представляет собой трудную теоретическую и – особенно – практическую задачу: с одной стороны, необходимо дать свободу информанту для выражения своих субъективных¹ мыслей, чувств, ассоциаций по поводу слова (именно они являются главной

¹ В словарной статье «Викилексии» субъективная и объективная информация о слове представлены на равных правах в схеме словарной статьи (см. далее).

целевой установкой и главным продуктом «Викилексии»), а с другой стороны, важно направить это лексикографическое творчество масс в определенное русло, подводящее информацию к значимым для науки результатам. Последнюю функцию выполняют схемы и инструкции при словаре и текущий мониторинг (модерирование) информации.

Реализуя идею такого синтеза, мы исходим из позитивной оценки чувства слова рядовых носителей русского языка и позитивного отношения к их лексикографической деятельности – вполне естественного проявления обыденного метаязыкового сознания. Ее основа обнаруживается в семантизации отдельных слов, сопровождающей обычную речевую практику. Мы видим ее в вопросах типа «а что это слово значит?» или «а в каком смысле употреблено слово?» (спрашивающий по сути уточняет ЛСВ – совершенно лексикографическая проблема). Более специализированная лексикографическая деятельность обнаруживается в словариках, которые часто составляют учебники по предмету или пытливые читатели книги. Нередко в народной лексикографии представлено собирательство слов. В настоящее время в Интернете, в частности, представлено немало словариков на порталах, в блогах. Так, в антологии сетевого фольклора в разделе «Сленг» (<http://www.netlore.ru/category/slang>) пользователи толкуют слова (типа *психанул*, *узбагойся*), сопровождают их изображениями и близкими по смыслу фразами, например: *«Узбагойся — дурацкое слово, стремительно набирающее популярность осенью 2013 г. Началось все с эдвайса с лемуром, страдающим дефектом речи (это отсылка к лемуру Морису из мультфильма «Пингвины Мадагаскара»), хотя, собственно, самого слова лемур не говорил. Этот эдвайс некий юноша присылал своей девушке каждый раз, когда она нервничала. В аннотации словарика с названием «Слова, которые удивляют иностранцев» (http://slovari21.ru/analytics/slova_kotorige_udivlyaut_inostrancev), размещенного в «Клубе любителей русского языка» в рубрике «Словари «21-го века», написано: «Пополняемый словарный запас для приезжающих в Россию. Преподаватель испанского из Аргентины, архитектор из Греции, сингапурский студент, экономист из Франции и турист из Китая рассказали, какие русские*

слова вызывают удивление и наталкивают на размышления»¹. Интересен (в плане аналогии с «Викилексией» как отражения субъективного отношения к лексике) «Словарик слов, которые вызывают у меня отвращение» (<http://otvet.mail.ru/question/7161400>); ср.: *трясет от слова "удачки"!!!; а мне не нравится "поки-поки", фу бя!; меня бесит слово "Вкусненько"!!!; злюсь когда мыло называют "электронка"; раздражает когда говорят "твой дивизию" в место "твою мать"...; а мой бывший вообще такие словечки выдавал, типа: длинноногая, налысО (с ударением на о); бесит слово тяпница вместо пятница, боян и не смешно!; возмущает слово "мужчинка"; а мою жену раздражало слово "барахло"*. Существует немало попыток народных лексикографов создать свои собственные словари. Например, недавно я лично получил черновик словаря, автор которого в предисловии к нему обещает вскрывать сокровенные смыслы русских слов. Это довольно интересно, хотя, разумеется, не в плане ортологии или семасиологии, а именно в плане реализации обыденного метаязыкового сознания. Системное исследование народного лексикографического творчества еще не началось, нам известна в этом плане лишь одна статья Д.Ю. Полиниченко [5]. Можно указать также несколько лингвистических статей по интернет-словарям [6–9].

2. «Викилексия» – продукт антропоцентрического и синергетического лексикографирования

С принципом «народной лексикографии», реализуемым в «Викилексии», на глубинном уровне соотносятся, с одной стороны, **«антропоцентрический подход к лексикографированию»** [10–15], с другой – принцип **«синергетического лексикографирования»** [16]. Они проявляются не только в словнике словаря (и в количественном

¹ Ср. также: «Непривычное звучание нашей речи является еще только половиной проблемы для иностранцев, в то время как настоящим камнем преткновения становится значение этих самых слов, ввода приезжих гостей в ступор». Таковыми оказались слова *зажигалка, блин, дорогие друзья, кончай бухать, да-да-да* и т.п. Комментарий к *да-да-да*. «Я подметила это выражение у русских друзей ещё до того, как переехала в Россию. Заметила, что они никогда не говорят просто «да», а повторяют это слово раза три-четыре. Причём первое слово обязательно звучит длиннее, чем остальные. Учитывать такие детали – лучший способ звучать «по-русски» (а у меня лично есть такая цель)». Реплика «по ходу». Хотелось бы, чтобы «Викилексия» была наполнена информацией такого рода – лично-субъективной по форме и одновременно отражающей объективные характеристики слов, представляемых в словарных статьях «Викилексии».

плане как отражение его пополняющегося лексикона, и в качественном плане как экспликация внутренних функционально-семантических изменений), но и в ментальном ореоле, сопровождающем каждое слово. Он и олицетворяет антропо-синергетическое содержание, отражаемое в «Викилексии». Таким образом, в «Викилексии» делается акцент на способности практического языкового сознания рядовых носителей языка измерять и описывать энергетический потенциал слова в разных его проявлениях и на доверии лексикографа языковому чувству рядового носителя языка, квалифицирующего функционально-семантическое содержание слова¹. При этом неизбежную субъективность его оценок мы трактуем также как своеобразное проявление объективности, особенно в тех случаях, когда индивидуально-субъективное начало информанта обнаруживает массовое проявление².

Как иллюстрацию антропо-синергетического содержания приведем высказывание из вступительной статьи к «Словарю коннотативных собственных имен» Е. Отина: «И вдруг имя, которое было у всех на слуху, из-за своей популярности, «видности» или по другим причинам теряет свое главное свойство и вливается в мощный поток слов, которые обозначают не единичные, а общие, коллективные свойства, признаки, качества» [19. С. 5]. Слово «вдруг» в приведенной цитате вряд ли точно в диктумном плане (такие изменения не могут быть разовыми, одномоментными), но вполне показательно в плане модусном, так как отражает эмоциональное отношение носителей языка к слову: ощущение «свежести», удивление, понимание новизны или, напротив, утраты употребительности. Эти качества принципиально значимы для антропологической характеристики слова. Список таких качеств антропоцентрической и лингвосинергетической лексикологии еще предстоит создать, и не исключено, что такие субъективные характеристики, как любимые / нелюбимые слова [20], обидные [21], слова, которые удивляют (см. выше), «жи-

¹ Ранее мы раскрывали этот тезис на примере чувства частотности слов, высоко оценивая его «измерительные способности» [17, 18].

² Научная предназначенность «Викилексии» обеспечивается «невидимым» (для информантов) участием в организации лексикографической деятельности медиаторов и всей редакционной коллегии. По замыслу последней должно быть реализовано сопряжение этих двух достаточно разнонаправленных установок. Так, на этапе №1 (первый год) степень участия редколлегии должна быть минимальной, чтобы в дальнейшем можно было провести коррекцию с учетом полученных реакций информантов.

вые» [22] или модные слова [23] найдут в нем достойное место. Приведем цитату из аннотации словаря [23], показывающей энергетический потенциал слова: «Новый словарь модных слов» – сборник живых, остроумных рассказов о самых престижных и спорных словах русского языка начала XXI века. Писатель Владимир Новиков – первый, кто отважился на создание этого суперсовременного справочника, в котором само **слово "модный" звучит как один из главных и самых могучих призывов современности**» [23. С. 3] (выделено нами. – Н.Г.).

Важные теоретические постулаты, которые обосновывают принципы лексикографирования, представленные в «Викилексии», находим в книге Н.Ф. Алефиренко «Живое» слово» [22]. Уже само соотнесение «живого слова» с метафорами типа *живое знание* (заинтересованное, пристрастное), *живое действие* (немеханическое – одухотворенное) [22. С. 11–12] отражает антропоцентризм и лингвосинергию слова, которые мы бы и хотели зафиксировать в «Викилексии». «Живое познание и культура – два источника возникновения и существования «живого» слова» [22. С. 13]. Живое познание, в нашем понимании, естественным образом соотносится с обыденным метаязыковым сознанием – специфическим онтолого-гносеологическим феноменом [4]. Н.Ф. Алефиренко во вводном разделе «Что такое «живое» слово?» приводит немало убедительных и вдохновенных фраз многих ученых о сущности «живого» слова. Например, «согласно бахтинской концепции «живое» слово в устах человека превращает говорящего в заинтересованного субъекта познания» [22. С. 19]; «в смысловом содержании живого слова есть напряжение и потенциал для развития и домысла говорящих» [22. С. 18] (мы приводим эту цитату как вводящую слово-энергему в субъективно-познавательную деятельность информанта «Викилексии»).

3. О базовой лексикографической единице «Викилексии»

Одним из наиболее значимых для концепции «Викилексии» вопросов, связанных со специфическим (антропо-синергетическим) содержанием ее словника и словарных статей, является вопрос о **лексикографической единице** представляемого словаря. В связи с неоднородным составом единиц лексикона «Викилексии» встает проблема инвариантного признака, способного объединить частные

признаки, такие как новизна, актуальность, модность, свежесть слова, и стать содержанием искомой лексикографической единицы и, соответственно, проблема термина, который призван обозначить такое содержание. На научном семинаре кафедры русского языка этот вопрос неоднократно поднимался, рассматривались разные варианты термина. Предлагались, в частности, описательные обозначения типа «интересное слово»¹, «актуальное слово», но они не были приняты, так как фиксируют своей внутренней формой слишком общее и неопределенное содержание, которое, скорее всего, отдалит от актуального значения и затруднит их терминологизацию. Для заставки словаря на сайте и в сопроводительном письме для информантов используется условный термин-аббревиатура «**слово-СВЭМ**», которая расшифровывается как «**Слово, Вызывающее Эмоции и Мысли**». Она служит для информанта своеобразным слоганом. Полагаем, что это приемлемо для «языка-внушения», но, может быть, не совсем подходит для «языка-знака», во всяком случае в лингвистической терминологии нет прецедентов узуализации подобных терминов. Для лингвистического представления лексикографической единицы на научном семинаре кафедры при обсуждении идеи «Викилексия» предлагался термин «слово-энергема», который по замыслу инициатора должным образом фиксирует значимые свойства единицы (в рамках лингвосинергетического лексикографирования), тем не менее, как мы полагаем, корень «энерг» еще не обрел в лингвистике устойчивого статуса и его шансы на узуализацию представляются маловероятными.

¹ В Интернете имеется словарь «7 интересных слов» (http://vk.com/micro_dictionary), который на 07.03.2014 содержал 295 записей – в основном терминов, содержание которых описывается субъективно, нередко с иронией. Нам не удалось найти преамбулу к данному словарю, которая репрезентировала бы его замысел, однако конкретные примеры достаточно хорошо его раскрывают, ср., например, описание слова «кашенизм» – *«вид сетевого троллинга, зародившийся в конце девяностых в Фидо. Имел собственный, легко узнаваемый стиль, сводившийся к провоцированию собеседника еврейской тематикой с использованием псевдопсихиатрического лексикона и большим числом задаваемых вопросов. К середине двухтысячных, с массовым распространением нормального интернета, постепенно издох, а бывшие его адепты переродились в битардов, жжшников и прочее сетевое небыдло»*. В таком духе представлены многие словарные статьи данного словаря. Надо заметить, что этот дух близок духу «Викилексии», стремящейся отразить субъективное отношение к слову носителей русского языка.

Отдельного разговора заслуживает термин-метафора «*живое*» слово. Несмотря на его сущностное приближение к понятию «СВЭМ», он тем не менее ориентирует на более узкий смысл, предполагающий в первую очередь наличие у слова культурно-эстетических коннотаций, «*живое*» слово – носитель «живого» понятия, представляющего собой концепт [22. С. 74–77]. Говоря о лексиконе «Викилексии», мы подразумеваем более широкий спектр слов. Например, информанта заинтересовал тот факт, что слово *творог* произносится разными людьми с разным ударением, и рефлексии в этой связи становятся для него поводом фиксации слова *творог* в словаре (допускаем, что эти рефлексии приведут его к собственным исследованиям вопроса, что не исключают инструкция и схема словарной статьи и структура сайта в целом, в котором есть рубрика «Обсуждение»). Разумеется, «живые» слова (по Н.Ф. Алефиренко) – важнейший канал пополнения «Викилексии». Допускаем, что акцентологические рефлексии по поводу *творога* (и подобные) можно трактовать также как интериоризацию и «оживление» слова, но на данном этапе использование несомненно привлекательного термина-метафоры «*живое*» слово в расширительном смысле требует подтверждения в виде согласия научного сообщества.

Члены редколлегии словаря в повседневном употреблении предпочитают пользоваться для обозначения заглавного слова словарной статьи терминами «*вики-слово*», «*викилекса*», основанными на названии словаря. Несмотря на некоторое уклонение от содержательной стороны лексикографической единицы, этот термин удобен в прагматическом смысле, его внутренняя форма не стремится охватить содержание, но отдаленно намекает на него. Далее мы будем его использовать, но не настаиваем на окончательном решении терминологического вопроса, оставляя его открытым.

Сознательно открытым остается вопрос о реальном наполнении словника «Викилексии» и словарной статьи. По сути это вопрос о конкретной реализации содержательного инварианта, о котором шла речь выше. Мы полагаем, что здесь необходим мониторинг пробных результатов обыденного лексикографирования по заявленным в начальном проекте принципам. Еще раз подчеркнем их широкий диапазон, которому соответствует некоторая свобода их реализации и необходимость испытательного периода для мониторинга и учета его итогов. На настоящий момент мы не можем перечислить все со-

держательные типы «вики-слов», которые могут стать стимулами информанту для помещения лексемы в словарь. Такой перечень станет возможным после появления массива накопленного словарного материала. Поэтому поставим вопрос в общетеоретическом плане. Что делает слово интересным и актуальным для информанта? Помимо новизны (этот признак бесспорно сильный, но он не может быть абсолютизирован как критерий включения-невключения, см. об этом далее), в этом ряду несомненно присутствуют и другие моменты, трансформирующие простое слово-знак в слово-СВЭМ: в том числе архаичность, равно как и другие признаки ограниченного употребления слова, резко маркированная активность (модность), сильные модусно-аксиологические смыслы, культурно-национальный ореол, эстетические коннотации¹, значимая для информанта реалья, неослабевающий интерес к этимологии слова или ассоциация с каким-то событием из его личной жизни. Все это создает вокруг слова энергетическое поле, «регистрируемое» информантом, и заряженность слова. Метафоры «поле», «заряд» уже не являются экзотическими для лингвистики. Большой интерес в этом смысле вызывает посмертно опубликованная статья А.Ф. Лосева «О применении в языкознании современных общенаучных понятий» [25], в которой рассматривается возможность описания языка с использованием таких понятий, как «заряд», «заряженность», «валентность», «квант», «алгоритм», «программа», характеризующих энергетическую концепцию языка².

¹ Возникают параллели с терминологией В. Белянина по отношению к текстам художественных произведений: «красивые тексты», «веселые тексты», «печальные тексты» [24].

² Соотнесем понятие «заряд» с модусно-аксиологическими смыслами, упоминаемыми выше, с помощью следующего тезиса: «При обращении к ценностям доминантам аргументативным зарядом обладают ударные, лозунговые слова – ключевые коннотативно нагруженные лексические единицы, апеллирующие к ценностям: *труд, закон, жизнь*. Эти слова являются эмоционально-экспрессивными “маяками”, дающими коммуникативную установку на положительное или отрицательное отношение к содержанию всего аргумента, к описываемому человеку» [26. С. 19]. Об этическом заряде говорит Е.С. Кара-Мурза в связи с эпатажными свойствами крылатых выражений в рекламе «Я продаю друзей» (имелись в виду компьютеры – новые друзья человека): «профессионалам известна выразительность крылатых выражений, но они учитывают их этический заряд» [27. С. 374]. Хорошо иллюстрирует энергетическую идею словаря слоган «Фан-клуба» на сайте ABBY Lingvo Forum: «Вас распирает умная мысль? Не дает уснуть сделанное за ужином лингвистическое открытие? Или вы знаете ответ, но не знаете вопрос?» (<http://forum.lingvo.ru/>)

За неимением (пока) результатов лексикографирования на сайте «Викилексия» (данная статья пишется как предвещающая запуск этого сайта «Викилексии» в русскоязычное языковое сообщество) обращаюсь к поисковым системам в Интернете, который предоставляет огромные возможности для этого. Достаточно набрать словосочетания типа *удивительное слово, замечательное слово, безобразное слово, сильные слова, великие слова, красивые слова* или их синонимы, гипонимы и паронимы, как взору лингвиста открывается широкий спектр метаязыковой рефлексии указанного типа. *Раскрашивая, я подумала: на какое слово похоже удивительное – «радуга»? На «радость». Радостно, когда вдруг на небе возникает красивая дуга. «Райская дуга» называли её в старину и верили, что она приносит счастье. С тех пор так и зовут – радуга* ([http:// nsportal.ru/ ap/ ap/literaturnoe-tvorchestvo/samoe-udivitelnoe-slovo-raduga](http://nsportal.ru/ap/ap/literaturnoe-tvorchestvo/samoe-udivitelnoe-slovo-raduga))¹; *Самое противное слово – гламур. Бр-р-р* ([http://otvet.mail.ru/ question/ 8401106](http://otvet.mail.ru/question/8401106)); *Противное слово "авторка"... Есть слово "писательница", зачем выдумывать авторок и авторесс... Рабанит – ребенок – это тоже самое* (<https://www.google.ru>). – *И всё же самое пошлое слово, которое можно придумать, когда хочешь ласково назвать человека – это ЗАЯ – Мне тоже не очень то нравится когда меня так называет мой муж.но отучить ни как не могу! у всех что ли мужиков такая привычка ?!* (<http://www.inpearls.ru>). Проиллюстрирую сказанное также собственными «вики-словами» и словарными статьями по ним, созданными для апробации проекта. Так, я вписал слова *менеджер*, встретившееся мне недавно и удивившее меня стилистической игрой транслитерированной и транскрибированной форм, *ботаник* – слово хорошо известно не только в прямом, но и в переносном значении, тем не менее сохраняющее для меня в последнем значении свежесть и всякий раз вызывающее легкую

actualforum.aspx), перекликающийся с аббревиатурой словника «Викилексии» – СВЭМ (слова, вызывающие мысли и эмоции).

¹ На этой странице находим информацию, выводящую «Викилессию» в прикладную – лингводидактическую – область. Здесь предлагаются методические разработки, презентации и конспекты типа «Самое родное слово на свете»; сочинение «Самое прекрасное немецкое слово»; творческая работа на тему: «Самое красивое слово». Как конкретную иллюстрацию творческих работ в этом плане приведем сочинение ученика 4 класса Ильи Агашкова на тему «Самое красивое слово». Сочинение было представлено на дистанционный региональный конкурс сочинений и заняло на нем 1-е место, а также сочинение «Мама – самое дорогое слово на Земле».

улыбку, *барнаулить*, запомнившееся как факт личной истории – в 1978 г. на конференции по русскому языку коллеги из Пермского университета спросили у барнаульской делегации, что означает слово *барнаулить*, встретившееся в частушке, записанной во время фольклорной экспедиции: *Я тебя не барнаулю, ты меня не барнауль. Я тебя не караулю, ты меня не карауль*». Ответа с нашей стороны не могло последовать, данное слово нам было неизвестно, и агнонимом оно осталось до сих пор.

Если «Викилексия» сможет передать подобного рода культурно-когнитивный и коммуникативный шлейф, то проект полностью реализует замысел его инициаторов. Реализация такой предназначенности обеспечивается, с одной стороны, минимальными ограничениями проявлений креативных способностей информанта со стороны редакционной коллегии и соответственно максимальному доверию к ним. Отсюда ее интерес к субъективным переживаниям информантов в словаре, который реализуется в рубриках словарной статьи «Личное отношение информанта к слову» и в Вики-приложениях типа «Обсуждения» и «История изменений». Уже в имеющемся материале на сайте «Викилексия» (<http://wikileksia.cityplus.me/doku.php?id=start&do=index>) читатель найдет немало материала, раскрывающего антропо-синергетический образ слова.

Отдельно скажем о таком содержательном признаке «вики-слова», как **новизна**. Фиксация рефлектируемого слова по признаку абсолютной (по сути, формальной) новизны¹ – важное, но не главное предназначение «Викилексии». Новизна слова вообще может быть только относительной, она – явление непрерывно возникающее, особенно на семантическом и функциональном уровнях. См. об этом в предисловии к СОТРС, где приводятся, в частности, цитаты из работ Б.М. Гаспарова и А.Ф. Лосева о бесконечной смысловой валентности языкового знака.

Востребованность «Викилексии» в плане фиксации лексических (формальных и семантических) инноваций обосновывается просто и,

¹ Абсолютной новизны, скорее всего, вообще не существует. Об этом автор многократно писал, критикуя понимание словообразования, как науки о новых словах. Словообразование – есть непрерывный синергетический процесс. Интернет ярко показывает, что между потенциальными и реальными новыми словами принципиально нет границы. В указанных статьях я показал, что зафиксированность слова в словарях – вообще не пригодный для науки критерий новизны [18].

на наш взгляд, вполне доступно для информантов¹. Лексический состав русского языка и охватываемое словарем функционально-семантическое пространство не имеют границ ни вширь, ни вглубь, ни в пространстве, ни во времени, их изменения непрерывны. Отдельные профессиональные лексикографы и даже их коллективы не имеют возможности зафиксировать такого рода бесконечность (ср. термин «бесконечная смысловая валентность», введенный А.Ф. Лосевым) и безграничность². Значительное больше возможностей приблизиться к недостижимому в принципе идеалу³ у коллектива с открытым и непрерывно пополняющимся составом, каковым является коллектив пользователей Интернета, и у проекта с неограниченным сроком действия, каковым является устойчивый сайт с пролонгированным действием.

Особого обсуждения заслуживает также отношение «Викилексии» к принципу **нормативности**. Продукт народной лексикографии не должен и не может претендовать на фиксацию нормативного начала, в лучшем случае она лишь дает материал для словарей нормативного типа. «Викилексия» относится к словарям отражательно-описательного, а не предписательного типа, в ней отражаются, по терминологии И.А. Стернина и А.В. Рудковой [30], «реальные психолингвистические значения» слов. В этом отличительная черта «Викилексии», дистанцирующая его от многих других интернет-словарей, у создателей которых на первом плане стоит задача придать описанию слова в словаре нормативный характер. Это касается даже лексикографических интернет-проектов, построенных по типу «Википедии». Например, создатели проекта «Народный словарь» – преподаватели кафедры русского языка Алтайской академии образования (<http://www2.bigpi.biysk.ru/ff/glossary>) под руководством

¹ Именно этот инновационно-ориентированный план востребованности актуализирован в непосредственном обращении к информантам, предшествующем технической инструкции к проекту (см. ниже).

² Яркая иллюстрация к этому тезису – изменяемость диалектной лексики. Поисковые системы Интернета показывают, что лексемы, зафиксированные в диалектных словарях, имеют иные характеристики, чем те, которые обнаруживаются в Интернете, это касается прежде всего частотности и сферы употребления, затем семантики и, наконец, в ряде случаев – внешней формы [28].

³ Составитель словаря, ориентированного на фиксацию нормативности лексического материала русского языка, «и не должен гнаться за языковыми изменениями, стараясь включить в свой словарь самые последние лексические новшества, – иначе он рискует быть обвиненным в поспешности, неразборчивой фиксации случайного» [29. С. 5].

Н.И. Дорониной – отмечают его нормативно-познавательный характер; на главной странице сайта «Народный словарь» декларировано: «Приходилось ли вам слышать слова, значения которых вам не знакомы? Теперь вы легко сможете найти интересующее вас слово». На наш взгляд, справочная функция словаря – дать возможность носителю языка найти «интересующее слово» и тем более обозначить «правильное» его понимание – не входит в базовые целевые установки народного словаря. Он предназначен прежде всего для исследовательских целей, в первую очередь – для лингвистов, во вторую – представителей других наук. Исходная установка нормативного словаря – преодолеть смысловую (и/или формальную) вариативность при употреблении слова, у описательного словаря задачей является как раз зафиксировать таковую вариативность. Это обстоятельство не учитывается инициаторами интернет-словарей, многие из них движутся в направлении жесткой фиксации смыслового поля лексемы. Тем самым они переводят синергетическую семантику в застывшую. И во многих классических толковых словарях можно наблюдать нерешенность данного вопроса – соотношения нормативного (предписательного) и отражательного (по отношению к отражаемой картине мира, образу слова в народном сознании) планов [1. С. 220–223]. В этом аспекте авторы лексикографических интернет-проектов, равно как и часто публикуемых словарей ненормативной и подобной лексики на бумажных носителях, обычно прямо не отвечают на вопрос, кому предназначены собранные слова и значения. «Викилексия» определенно маркирует свою основную предназначенность – сбор и фиксация материала для научных целей: дальнейшей лексикографической обработки (возможно, публикации в «бумажном» варианте) и использования в качестве материала, объекта и предмета научных исследований.

4. «Викилексия» в ряду смежных лексикографических проектов

Для представления нового типа словаря важно охарактеризовать предшествующий лексикографический контекст, отметить **аналоги и смежные типы словарей**.

По причине актуализации в «Викилексии» в качестве одного из критериев формирования словника признака новизны она («Викилексия») близка к словарям-справочникам «Новые слова и значения»

и материалам из серии «Новое в русской лексике», издававшимся Институтом русского языка АН СССР в 70–80-х гг. прошлого века [31–41], фиксирующим лексические и семантические инновации того времени по материалам художественной литературы и прессы – «первые образованные или заимствованные из других языков слова <...> и слова, известные в русском языке и ранее, но или употреблявшиеся ограниченно, за пределами литературного языка, или ушедшие на какое-то время из активного употребления, а сейчас ставшие широко употребительными» [31. С. 7]. В этом же ключе выполнен и словарь О.П. Ермаковой, Е.А. Земской и Р.И. Розиной «Слова, с которыми мы встречались: Толковый словарь русского общего жаргона» [42], также созданный по материалам СМИ, но с акцентом на жаргонную лексику. Иной тип словаря представляет «Русский словарь языкового расширения» А.И. Солженицына [43], стремящегося «восстановить прежде накопленные, а потом утерянные богатства» и для этого обратившегося «к сокровищнице словесного фонда Вл. Даля и лексики русских писателей от Пушкина и Достоевского до Распутина и Шукшина» [43. С. 2].

«Викилексия», как ранее было сказано, продолжает основное научное направление кафедры – **изучение обыденного метаязыкового сознания**, в данном случае – в форме наивного (народного) лексикографирования. В этом плане он содержательно близок словарю М.Р. Шумариной «Литературный портрет слова» [44, 45], который по своей сути является словарем метаязыковых рефлексий автора и персонажей в художественном тексте. Фрагменты словарных статей данного словаря: **Буржуйка**, сущ. ж.р. *В такие минуты смятения бесценную помощь сочинителю оказывала чугунная обогривательная печурка, буржуйка – в просторечии тех лет...* (Л. Леонов. Вор) [45. С. 300]. **Валишень**, сущ. м. р. – *А вот немецкое слово «вальдишен» прижилось у нас. Правда мне приходилось слышать изменение этого слова – «валишень». Очень приятно, на мой взгляд, звучит, нежно* (Ю. Коваль. На барсучьих правах) [45. С. 301].

О некоторых проектах народных словарей в Интернете нами сказано выше. Отметим наличие зарубежного аналога данному типу словарей – проект «Городской словарь» ([http:// www.urbandictionary.com/popular.php?character=A](http://www.urbandictionary.com/popular.php?character=A)), статьи в котором пишут все желающие; его принципиально не редактируют, но при этом на сайте есть рейтинг ответов.

Наконец, в «Викилексии» частично реализована идея всеохватного словаря, призванного дать системную информацию о слове¹; «Викилексия» также ориентирована на разноплановую информацию о слове, однако, будучи продуктом народной лексикографии, он не может претендовать на системность. Думается, что использование его в учебных целях по этой причине может быть лишь эпизодическим (см. примеч. 17).

«Викилексия» органично вписывается в широкое лексикографическое пространство **Интернета**, где представлено немало проектов народных словарей². Выше мы привели примеры из антологии сетевого фольклора (<http://www.netlore.ru/category/slang>) слов *психанул, узбагойся*, который завершает фраза: *после чего она начинала смеяться – о чем парень не преминул похвастаться на развлекательном портале pikabu. А тем временем, «насморочная» манера исказить слова, напоминающая «падонковский» сленг, все больше заражает Рунет*. Подобные субъективные и индивидуально-личностные оценки близки по духу тем, которые мы бы хотели видеть в «Викилексии». На сайте «Словоборг» (<http://slovoborg.ru>) размещен словарь, обозначенный как «народный словарь современного русского языка»; он анонсирован следующим образом: «здесь можно найти огромное количество слов, которых нет в обычных словарях, но которые часто используются в нашей повседневной жизни».

В структурно-организационном плане (по принципам создания проекта и дальнейшего его функционирования) «Викилексия» аналогична принципам «Википедии» (<http://ru.wikipedia.org/wiki>) и является ее разновидностью. Главный принцип «Викилексии» – каждый носитель русского языка может ввести в нее словарное слово,

¹ Так, в статье В.Ф. Богачевой и В.В. Морковкина «О всеохватном объяснительном словаре. Лексическое ядро русского языка» [46] представляется словарь, разрабатываемый в Институте русского языка им. А.С. Пушкина. Он предназначен для учебных целей, и в нем ставятся следующие задачи: «а) опознание лексических единиц, составляющих лексическое ядро современного русского литературного языка; б) опознание реального семантического разнообразия каждой включенной в словник лексической единицы, т.е. формирование возглавляемого ею эпидигматического гнезда; в) отражение орфоэпических свойств заголовочных единиц, их фразеологической, культурологической, страноведческой, словообразовательной и этимологической ценности; г) исчерпывающая характеристика грамматических, семантических и сочетаемостных свойств каждого лексико-семантического варианта заголовочных слов; д) обнаружение и предъявление системных связей каждой заголовочной единицы или её лексико-семантических вариантов» [46. С. 7].

² См., например, своды и обзоры: [46–49].

написать словарную статью по определенной схеме в разной степени полноты ее реализации и каждый может внести дополнения и изменения в уже созданные словарные статьи. Эти добавления и изменения помещаются в рубрике «История словарной статьи», а в рубрике «Обсуждение» фиксируются возможные дискуссии по поводу ранее внесенной в словарь информации.

Основное отличие проекта «Викилексия» от «Википедии» заключено в ориентации на разные типы лексики и разные типы информации. «Википедия» по своей сути – энциклопедия, в ней описываются понятия (соответственно основной словарь составляют термины, имена собственные), «Викилексия» – толковый словарь, в нем описывается общенародная лексика, прежде всего слова ограниченного употребления.

Наш проект народного словаря «Викилексия» ставит на первый план, во-первых, научные задачи, в частности аккумуляцию, описание и систематизацию инновационного лексического фонда русского языка и лексикографическое отражение обыденного метаязыкового сознания носителей русского языка, проявляющего себя в непрофессиональной лексикографической деятельности и, во-вторых, просветительские – приобщение к культурно-лингвистической деятельности широких масс носителей русского языка. Таким образом, еще раз отметим, что «Викилексия» не столько справочное пособие для простых пользователей русского языка, сколько свод корпусных данных для лингвистической науки.

Большинство интернет-словарей имеют слабую профессионально-лингвистическую составляющую, они как бы отданы на волю стихийной инициативы пользователей Интернета. Во многих из них по этой причине имеется сильный крен в сторону сленга и жаргона или поверхностной неологистики. Это обстоятельство отмечает и анализирует Б.Л. Бойко в статье «Самодетельный онлайн-словарь современной лексики, жаргона и сленга «Словонраво» как форма общения в Интернете» [6]. «Викилексия» задумана как проект профессиональных лингвистов, что проявляется в предлагаемой схеме словарной статьи, в текущем мониторинге материалов со стороны редакционного коллектива, в направленности лексикографической деятельности на получение материала для научных исследований.

В такой разновидности «Википедии», как «Викисловарь» (<http://ru.wiktionary.org/wiki>), который представляет собой «много-

функциональный многоязычный словарь и тезаурус, в обсуждении и пополнении которого может участвовать каждый», построен по идеографическому принципу (например, категорию «Абстрактные отношения» во фрагменте на букву О составляют словарные статьи *Общность, Объединение, Одинаковость, Отдельность, Относительность, Отношение*, представленные материалом на разных языках.

«Викилексия» принципиально одноязычна, ее словник систематизирован по алфавитному принципу. Добавим к этому, что идея составления словаря силами информантов с использованием Интернета, в том числе многоязычных, «витает в воздухе».

Интернет-лексикографирование не остается незамеченным лингвистами, которые стремятся дать профессиональную оценку многим проектам и всему явлению в целом [6–9; 50–55]. Так, М.А. Кронгауз в своей книге «Самоучитель олбанского» [56] характеризует «википроекты» – словари, построенные по типу «Википедии». В статье Н.С. Уткиной характеризуются волонтерские программы (преимущественно англоязычные) по сбору и первичному описанию лексикографического материала. Среди них такие, как «Словарь по ортопедии лошади», «Женско-мужской толковый словарь», «Словарь, посвященный Флоренции», энциклопедия произведений о Гарри Поттере и др. Большинство таких словарей составлено «без контроля и привлечения специалистов». Однако они, по справедливому замечанию автора, требуют от их создателей не только программного обеспечения, но особого лексикографического навыка [9. С. 289]. Волонтерские программы выполняют также функцию мониторинга для издателей и рекламы, но одновременно они повышают уровень лексикографической грамотности пользователей Интернета. С позиций исследования обыденного метаязыкового сознания важен такой тезис: «справочники, составленные непосредственно пользователями, вызывают интерес лексикографов, поскольку являются новой тенденцией, позволяющей взглянуть на процесс создания словаря глазами непрофессионалов и потенциальный читателей» [9. С. 291]. См. об этом также работы [57, 58].

5. Организационно-технические принципы формирования словника «Викилексии»

Еще раз отметим, что основная заинтересованность авторов проекта заключается в том, чтобы его участники – рядовые носители языка – включали в словник «Викилексии», во-первых, слова, которые по тем или иным причинам привлекли их внимание, по их интуитивной оценке являются интересными, живыми, актуальными (коммуникативно значимыми). Эти слова информант-лексикограф фиксирует как заглавные для словарной статьи, после чего отражает семантическую, функционально-стилистическую (факультативно – и любую другую) информацию, ассоциированную у него с данным словом, в словарной статье по определенной схеме, заполняя ее графы частично или полностью. Схема не должна чрезмерно регламентировать свободу информанта, который, во-первых, свободен в выборе заполняемых ячеек схемы, во-вторых, свободен в выборе формы выражения информации. Базовые установки для информантов обозначены в обращении к ним (см. ниже).

Функцию отбора слова выполняет сам информант¹, но определенные модераторские коррективы в ее осуществление должны вносить редакторский коллектив и администратор. В частности, их усилия должны быть направлены на ограничение полярных типов слов и значений на шкале узуальности, с одной стороны, окказиональных (авторских, единичных, ситуативно созданных) единиц и единиц, с другой стороны, узуальных, уже зафиксированных в словарях. Однако, на наш взгляд, такое ограничение не должно быть слишком жестким (немедленным) и механистическим, особенно на первых этапах реализации проекта, когда еще неясны следствия такого исключения. Мы полагаем, что сам факт включения в «Викилессию» уже отмеченного в каких-либо словарях слова является информативным для понимания языковых процессов. Ведь если информант

¹ В качестве вспомогательного средства, позволяющего информанту сориентироваться в плане узуальности предлагаемого им для словаря слова или значения, на сайте «Викилексии» помещены данные «Сводного словаря русской лексики» [59]. Обращение к нему необязательно для информанта, оно носит рекомендательный характер. Участие информанта в формировании словника может осуществляться и через опцию «Обращение к администратору», в которой информант может обратить внимание администратора на широкую известность слова и/или его зафиксированность в том или ином словаре (словарях).

его фиксирует, а в дальнейшем многие информанты соглашаются с его присутствием в словаре, то это может свидетельствовать о затушении признака узуальности слова в языковом сознании носителей русского языка, например о движении слова от ядра к отдаленной периферии или смене стилистического регистра. Напротив, помещение окказионального слова в словник – сигнал его будущей узуальности, это слово выделено в сознании информанта, оно интересно ему, что означает, что оно может быть «интересно» и другим. Поэтому и в том и в другом случае администратору желательно не торопиться с исключением слова из словника «Викилексии» на основании «формальных» показателей.

Более ясным представляется требование исключать из словаря специальные термины и имена собственные: их описание – прерогатива энциклопедических словарей¹. Разумеется, если фиксируется движение термина в направлении общенародной лексики, а имени собственного – в сторону нарицательной лексики, то они весьма интересны для «Викилексии» как фиксаторы важных лексических процессов в русском языке, прежде всего как фиксаторы зон актуальности². Полагаем, что такие процессы, как, например, появление новых личных имен, должны фиксироваться в «Викилексии», не исключено, также, что в словаре может отмечаться переносное употребление как собственных, так и нарицательных имен.

Предполагается, что наиболее пытливые и пассионарные информанты будут испытывать потребность в контроле за своей информацией, в частности, с точки зрения известности, употребительности тех слов и значений, которые они намерены включить в словарь. Для этих целей целесообразно разместить на сайте словарь или

¹ Впрочем, описание их как слов является задачей лингвистических словарей. В этом плане в данном тезисе есть проблемный момент. Исключаемые слова мало чем отличаются от слов обычных, имеют свою грамматику, нередко вокруг них образуются концепты. Совершенно естественно, что многие из них могут быть включены во многие рубрики «Викилексии» в общем ряду с другими словами (например, в игровые контексты и задания типа *Какой город является птицей?* (Орел), *В каком городе 101 имя?* (Сева сто Польш), шуточный контекст из химических терминов (*декан пропил метан*) и т.п. Возникает теоретическое предположение о том, что следует оставить возможность включения терминов и собственных имен в словаре лишь в таких блоках. Однако полноформатное включение их в словарь не целесообразно, так как они, скорее всего, подавят своим количеством нарицательную лексику.

² Примером словаря, фиксирующего такого рода сгущения смыслов, является «Словарь коннотативных собственных имен Е.С. Отина [19].

группу словарей, отражающих современное бытие слова и его лексикографическую фиксированность. Таковым может быть «Сводный словарь» [59], составленный на основе данных 14 различных словарей русского языка. Возможно также разместить ссылки на сайты, в которых представлены данные других словарей русского языка.

Не вызывает сомнений и исключение из словаря нецензурной лексики, фраз с непристойным и экстремистским содержанием. К этому обязывает не только этика, но и право¹.

Вряд ли «легитимны» для «Викилексии» единицы с признаками заимствований (варваризмы), в том числе из искусственных языков или «олбанского» языка, символические обозначения (типа смайликов), индексные имена, искусственные комбинации знаков. Хотя и здесь возможны исключения в виде выходов в сферу всеобщего употребления, ср. *аффтар жжот, превед, красавчег* и т.п.

Нет необходимости фиксировать в словаре свободно составляемые единицы с прозрачным значением (типа *домалевать, сиреневатый, оранжево-фиолетовый, трехсоткилометровый*), окказиональные звукоподражания (*чво-чво-чух, гыыы*), производные от собственных имен (*кемеровский, кемеровчанин*), аббревиатуры и т.п.

Наиболее сложна для практического лексикографирования в «Викилексии» проблема вариативности языковых единиц. Даже для профессионального лексикографа не всегда просто решить вопрос о пределе варьирования – на каком его этапе следует говорить о появлении в словаре новой единицы, подлежащей лексикографической фиксации в виде отдельной словарной статьи или ее выделенной части. Тем более этот вопрос сложен для непрофессионала. Здесь, на наш взгляд, также должен быть накоплен материал для выработки соответствующих инструкций. В принципе нетрудно предположить, что в инструкции будет предусмотрено исключение регулярных вариантов, обусловленных типовыми позициями (например, графико-орфографические чередования, неразличения букв Е и Ё, замены букв в современных написаниях слов в рекламе, чате; в области семантики – регулярная многозначность), и «слишком тонких» звуковых и смысловых оттенков, не участвующих в образовании отдельных лексем и ЛСВ. В то же время единицы, различающиеся ударе-

¹ В частности, в 2003 г. Дума приняла в первом чтении поправки в Кодекс об административных правонарушениях, которые предусматривают штраф за использование ненормативной лексики в СМИ (<http://www.rg.ru/2013/01/18/duma-site.html>).

нием (омографы), различием графемно-фонемным составом (типа *галоша / калоша*), вероятно, должны (по крайней мере на первом этапе) составить самостоятельные словарные статьи, которые в дальнейшем редакционный совет может объединить в одну статью. При этом не исключено, что в отдельных случаях (типа *щаз* вместо *сейчас*) единицы сохраняют свою самостоятельность, так как они переходят из области формально-регулярной вариативности в область функциональной синонимии.

6. Схема и образцы словарной статьи

СХЕМА

БЛОК 0. СЛОВО

БЛОК 1. БАЗОВАЯ ОБЪЕКТИВНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СЛОВА

1.1. Значение слова или оборота.

1.2. Характеристика употребительности слова (кем, где, когда, сколько, как в каких ситуациях употребляется данное слово); или, иными словами: сфера, место, время, ситуация употребления слова; оценка новизны и частотности употребления слова.

1.3. Оценочные характеристики, связанные со словом, например: негативно оценивающее слово (бранное, презрительное, обидное, грубое, ироническое, саркастическое), позитивно оценивающее (нежное, шутовское, одобрительное), нейтральное.

1.4. Контекстная характеристика слова (примеры типовых контекстов).

1.5. Особенности написания, произношения, склонения слова

БЛОК 2. СУБЪЕКТИВНО-ЛИЧНОСТНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СЛОВА

2.1. Личная оценка слова (нравится / не нравится, нужно / не нужно и т.п.).

2.2. История личных взаимоотношений информанта со словом (причина интереса к нему, ситуации знакомства с ним и его дальнейшего личного употребления).

БЛОК 3. ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ОБЪЕКТИВНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СЛОВА

3.1. Происхождение слова (по мнению информанта).

3.2. Интересные (особенные, нетиповые) контексты и ситуации, в которых употребляется слово, например, крылатые фразы, устойчивые обороты, поговорки, загадки, прибаутки, присловья, в которых употребляется данное слово; игровые употребления (ассоциации, рифмы, анаграммы, скороговорки и т.п.), учебные задания.

3.3. Информация о слове, полученная в результате исследовательской работы информанта. Например, результаты личных наблюдений о слове в других словарях, Национальном корпусе русского языка (<http://www.ruscorpora.ru>) и поисковых системах Интернета; собственные творческие наблюдения и исследования информанта (например, ассоциативный эксперимент, опросы о значении или стилистической окраске слова).

БЛОК 4. ПЕРСОНАЛЬНЫЕ ДАННЫЕ ОБ ИНФОРМАНТЕ (ФАКУЛЬТАТИВНЫЕ СВЕДЕНИЯ)

4.1. Представление себя и других участников сбора и оформления информации для словарной статьи: Ф.И.О., возраст, профессия, место жительства и т.п. (форма и объем сведений по выбору информанта).

ОБРАЗЦЫ

АТМОСФЕРНО

1.1. душевно, весело, в приятной компании

1.2. слово употребляется после посещения какого-либо мероприятия или заведения. Еще это слово можно употребить после того, как с друзьями посидели у кого-нибудь дома.

1.3. это слово носит позитивную оценку

1.5. «Атмосферно посидели!»

2.1. Слово нравится, необычное, непафосное, юморное

3.2. Атмосферно может быть на паре, когда с преподавателем поговорили о жизни.

3.3. Это слово встречалось на форуме, посвященном аниме. Но знаю его не оттуда.

4.1. студент

БАТОШКА

1.1. Батошка – это слово, обозначающее что-то чрезвычайно маленькое и милое.

1.2. Можно употребить для человека, а также для животного. Как правило, это звучит смешно и мило.

1.3. Данное слово может понравиться многим, так как звучит довольно нежно и шутливо.

1.4. Пример употребления слова: «какой же ты хорошенький, батошка»

1.5. Произносить его нужно с ласковой интонацией либо с интонацией умиления к человеку или животному. Так же этим словом можно просто назвать своего питомца, потому что оно звучит очень мило и просто запоминается.

3.1. Слово произошло совершенно случайно. Назвав так человека, это слово запомнилось и вошло в лексику.

4.1. Создатель: Бадрышева Юлия 18 лет.

КЛЮВИК (В КЛЮВИКЕ ПРИНЕСТИ)

1.1. получить или дать кому-либо что-то без усилий со стороны получателя, задаром, на халяву

1.2. употребляется активно во всех сферах: в публицистике, художественной литературе; по-видимому, давний оборот

1.3. негативно оценивающее субъекта-халявщика, ироническое

1.4. «сидеть сиднем и ждать пока кто-то тебе всё *принесет в клювике*, это про очень многих здесь» (из Интернета)

1.5. фразеологизм со свободным глагольным компонентом, который может стоять в любой форме

2.1. достойное литературного русского языка выражение. Выражение *на халяву* в нем слегка подзатерлось, но не исчезло, а нашло свое место: *принести в клювике* и *получить на халяву* заметно различаются в оценочном плане

2.2. оборот встречаю достаточно часто, характеризует тех, кто его употребляет, как людей культурных, ироничных

3.1. в основе лежит образ птицы, кормящей птенцов; полагаю, что на появление слова как-то повлиял также миф об аисте, приносящем в клювике ребенка (как неожиданный подарок)

3.3. в словарях оборота не нашел (как ни странно)

4.1. Н.Д. Голев, преп. КемГУ

ЗЫКАТЬ, ПОЗЫКАТЬ

1.1. *смотреть, наблюдать, подглядывать*

1.2. Слово ограниченного употребления (и в смысле регионов, и в смысле времени), хотя сохранилось как просторечное в лексиконе некоторых носителей русского языка

1.3. В свое время в народном употреблении слово было разговорным, сейчас, если употребляется, то в игровом смысле

1.4. *Пойди **позыкай**: что там они делают?*

2.1. В настоящее время слово не использую, если слышу, то вызывает удивление и интерес – кто говорит?

2.2. В деревенском детском лексиконе (село Тальменка Алтайского края) слово было обычным, не могу сказать, сохранилось ли оно там

3.1. Может быть, фонетическая редукция *зыркать*? Скорее всего, изначальный диалектизм.

3.2. Нашел в Интернете: *Позыкайте в дневнике Street cat. Все записи категории "Позыкайте"*. Название категории говорит – слово не такое уж и экзотическое.

3.3. Поиск по словарям показал, что фиксируется в основном «звуковое» значение глагола *позыкать* (родственное *зык, зычный*), связанное с громким звучанием. Наблюдения за Интернет-общением показывают, что нередко *позыкать* используется в смысле «поищи в Интернете» (*Про Павлика, Валеру и др..*))) *видос известный, но **позыкайте** еще*). Может быть, активности в этом смысле способствует ассоциация со словами из компьютерного сленга *клик, кликнуть* (от англ. *Click to Continue*), имеющими в русском языке «звуковое значение» (*клич*).

4.1. Проф. КемГУ Голев Н.Д.

ТЯПНИЦА

1.1. Игровая модификация слова «пятница»,

1.2. Употребляется повсеместно, корнями уходит в советскую эпоху

1.3. Слово шутовское, ироническое. Подразумевается традиционное национальное восприятие последнего рабочего дня недели как прелюдию к хмельной релаксации на выходных (связь со словом «тяпнуть», т.е. выпить небольшое количество алкогольного напитка).

2.1. Слово очень нравится как пример народного словотворчества. Эпизодически употребляю его.

4.1. Фёдор.

6. О структуре сайта «Викилексия» и работе с ним

В центре главной страницы сайта помещено «Обращение к информантам».

Уважаемые знатоки и ценители русского слова! Мы призываем вас стать лексикографами, участниками проекта «Народная лексикография», соавторами «Викилексии» – словаря нового типа, отражающего русскую лексику и русское языковое сознание.

Выдающийся лингвист и мыслитель В. Гумбольдт показал, что язык выражает сознание и дух народа. В первую очередь это относится к словам, аккумулирующим в себе мысли, чувства, образы, ассоциации, коллективный опыт людей. Словари должны фиксировать не только значения и нормативные характеристики слова, но и ваше индивидуальное и коллективное отношение к нему. «Викилексия» ставит перед собой такую цель. И достичь ее можно лишь сообща. Русское слово должно предстать в словаре как слово живое – доброе, гневное, ироничное, нежное, озорное, творческое, насмешливое, протестующее, лукавое, возвышенное и презирающее... Оно должно быть в словаре частичкой вашего личного опыта, Ваших мыслей о России, ее людях, о русском языке и о каждом его слове.

Мы уверены, что среди русскоговорящих людей найдется немало тех, кто неравнодушен к делу сохранения и развития русского языка и кто свое неравнодушие отразит своим вкладом в «Словарь обыденных толкований русских слов» в формате «Викилексия». Смело фиксируйте в словарной статье «Викилексии» слова, которые мы называем аббревиатурой СВЭМ – Слова, Вызывающие Эмоции и Мысли. Свободно излагайте свои мысли, чувства, оценки, ассоциации, образы.

В этом вам помогут наши инструкции и схемы. Начните с них!

Для начала рассмотрите схему в целом, чтобы лучше оценить свои возможности, так как Вы можете заполнять ее не полностью, а частично – лишь ее отдельные блоки¹, Ваша информация

¹ Предполагается выбор формы участия в параметрах: создание отдельной словарной статьи для новой единицы / изменение, дополнение уже имеющихся словарных статей. В случае создания новой единицы: включение нового слова / включение нового значения

может касаться как незафиксированных слов, так и значений и употреблений уже известных слов.

Особое внимание обратите на уже зафиксированную информацию по тем или иным словам. Посмотрите также образцы, представленные авторами проекта и другими его участниками.

Возможно, Вы сочтете нужным внести **дополнения и изменения**. Особое внимание обращаем на рубрику «Обсуждения», где вы можете высказать свое особое мнение по поводу приведенной информации.

Заранее благодарны за Ваш вклад.

Редакционный совет интернет-словаря «Викилексия».

Центральное положение обращения объясняется тем, что успешное внедрение словаря невозможно без широкой и обновляющейся группы информаторов, которые выполняли бы организационно-оформительскую функцию, т.е. выступали в роли связующего звена между рядовыми информаторами и словарем и во многих случаях вводили бы в «Викилексию» не только собственные материалы, но и данные, полученные от других носителей языка (в устной форме или на бумажном носителе). В роли такого рода медиаторов естественным образом могут выступить вузовские и школьные преподаватели-филологи, понимающие значимость задачи сбора материала и его лексикографической фиксации и имеющие прямые выходы на большие группы информантов. Главная целевая установка для них – найти эффективную мотивацию для подключения к проекту широких масс информантов. На наш взгляд, в случае успеха такого подключения и достаточно долгого срока действия проекта в низовой группе информантов могут выделиться «стихийные медиаторы», которые в силу увлеченности (например, по типу коллекционирования) или прагматической заинтересованности могут достаточно регулярно возвращаться к «Викилексии» в качестве информантов¹.

уже известного слова / обозначение частичного участия в одном или нескольких блоках из числа перечисленных выше.

¹ В данном аспекте интересна статья Н.С. Уткиной [9], посвященная волонтерским программам по составлению словарей. Такие программы имеют определенную историю и в настоящее время особенно популярны за рубежом. Автор осуществляет анализ имеющихся проектов.

Нужно полагать, что определенный поток информации для словаря будет двигаться через медиаторов всех уровней, минуя прямое участие информантов в заполнении схемы словарной статьи на сайте.

Мы не останавливаемся на структуре сайта «Викилексия» подробным образом, так как она еще не оформилась в законченном виде и предстоит ее мониторинг и модификация, добавление и упразднение целого ряда его опций и разделов. Отметим лишь, что помимо рубрик и опций, которые перешли в словарь из «Википедии» («Обсуждение», «Правка», «Чтение», «История страницы», «Печать/ экспорт», «Цитировать страницу», «Постоянная ссылка», «Недавние изменения», «Управление медиафайлами»), сайт на данный момент содержит рубрики «Инструкция информанту», «Научные работы», «В помощь учителю и ученику», «Форум», «Приложения (словари)», «Поделиться», «Марафон кроссвордов», «Новости», «Все страницы» и др.

Литература

1. *Обыденное* метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. – Ч. 3. – Кемерово: Кемер. ун-т, 2010. – 459 с.
2. *Словарь* обыденных толкований русских слов. Лексика природы: в 2 т. Т. 1. А–М (АБРИКОС – МУРАВЕЙ) (478 слов-стимулов) / под ред. Н.Д. Голева; авт.-сост. М.Ю. Басалаева, М.Е. Воробьева, Н.Д. Голев, Я.А. Дударева, А.В. Замилова, Л.Г. Ким, Е.В. Кишина, Т.Ю. Кузнецова, Н.В. Мельник. – Кемерово: Изд-во Кемер. ун-та, 2011. – 500 с.
3. *Голев Н.Д.* Словарь обыденных толкований слов: концепция и опыт реализации // *Вопр. лексикографии.* – 2013. – № 2 (4). – С. 48–64.
4. *Голев Н.Д.* Обыденное метаязыковое сознание как онтолого-гносеологический феномен (в поисках «лингвогносеологем») // *Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты.* – Ч. 1. – Кемерово: Кемер. ун-т, 2009. – С. 7–41.
5. *Полиниченко Д.Ю.* Любительская лексикография: опыт исследования // *Вестн. Кемер. гос. ун-та.* – 2011. – № 4. – С. 205–211.
6. *Бойко Б.Л.* Самодеятельный онлайн-словарь современной лексики, жаргона и сленга «Словоново» как форма общения в Интернете // *Вопр. психолингвистики.* – 2010. – №2 (12). – С. 64–70.
7. *Лукашанец Е.Г.* Интернет и язык: народная лексикография // *Вестн. Нижегород. ун-та им. Н.И. Лобачевского.* – 2011. – № 6. – С. 378–381.
8. *Лукашанец Е.Г.* Сленговые словари как результат металингвистической деятельности пользователей Интернета // *Науч. диалог.* – 2012. – № 8. – С. 28–40.
9. *Уткина Н.С.* Волонтерские программы по составлению словарей: новые возможности и перспективы // *Личность. Культура. Общество.* – 2012. – Т. 14, № 69/70, вып. 1. – С. 287–291: 1 фот. – (Научные доклады) (Филология).

10. Морковкин В.В. Антропоцентрический versus лингвоцентрический подход к лексикографированию // Национальная специфика языка и её отражение в нормативном словаре: сб. науч. ст. – М., 1988. – С. 131–137.
11. Дуличенко Л.В. Антрополексемы с негативным значением и их лексикографическое описание : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. Б. м., 2000. – 187 с.
12. Пятаева Н.В. Антропоцентрический и системоцентрический принципы лингвистики в динамическом исследовании лексических гнезд. – Уфа: Гилем, 2006. – 280 с.
13. Каламбет Е.В. Проявления антропоцентризма в современной отечественной лексикографии: на материале лингвистических словарей: дис. ... канд. филол. наук. – Краснодар, 2007. – 177 с.
14. Складарская Г.Н. Антропоцентрическая лексикография: идеи и практика // Лексикография. Язык. Речь: сб. статей памяти Анны Липовской. – София, 2013. – С. 95–104.
15. Козырев В.А., Черняк В.Д. Современные ориентации отечественной лексикографии // Вopr. лексикографии. – 2014. – №15. – С. 5–16.
17. Морковкин В.В. О синергетическом лексикографировании // Языковая личность: текст, словарь, образ мира. – М., 2006. – С. 351–360.
18. Голев Н.Д. Поисковые системы Интернета как лингвистический источник (на примере решения некоторых теоретических и прикладных вопросов русского словообразования) // Новые явления в славянском словообразовании. Система и функционирование: Доклады XI Международной научной конференции Комиссии по славянскому словообразованию при Международном комитете славистов / под ред. Е.В. Петрухиной. – М., 2010. – С. 197–212.
19. Отин Е.С. Словарь коннотативных собственных имен. – М.: ООО «А Темп», 2006. – 440 с.
20. Вепрева И.Т. Метаязыковой взгляд на любимые и нелюбимые слова // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. – Ч. 1 / отв. ред. Н.Д. Голев. – Кемерово; Барнаул, 2009. – С. 202–228.
21. Дуличенко Л.В. Словарь обидных слов русского языка. Наименования лиц с негативным значением. – Тарту: Изд-во. Тарт. ун-та, 2000.
22. Алефиренко Н.Ф. «Живое» слово: Проблемы функциональной лексикологии. – Флинта: Наука, 2009. – 344 с.
23. Новиков В.Е. Новый словарь модных слов: справ. – М.: Изд-во АСТ, Зебра. – 2008. – 192 с.
24. Белянин В.П. Основы психолингвистической диагностики. Модели мира в литературе. – М.: Тривола, 2000. – 248 с.
25. Лосев А.Ф. О применении в языкознании современных научных понятий // Res filologica. – М., 1990. – С. 163–170.
26. Гладко М.А. Лингвистические средства реализации аргументации в судебном дискурсе // Юрислингвистика. – 2012. – С. 12–21.
27. Кара-Мурза Е.С. Конфликтотенный потенциал языковой метафоры // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. – Ч. 4 / отв. ред. Н.Д. Голев. – Кемерово, 2012. – С. 351–381.
28. Голев Н.Д., Лебедева Н.Б. Лексика регионального словаря в Интернете // Язык, литература и культура в региональном пространстве: материалы Всерос. науч.-

практ. конф., посвящ. памяти проф. И.А. Воробьевой / под ред. Л.И. Шелеповой. – Барнаул, 2007. – С. 9–22.

29. *Крысин Л.П.* Проблема обновления современных толковых словарей // Новые версии лексикографической интерпретации языковой реальности: Материалы Всерос. науч. конф. «Язык. Система. Личность: Современная языковая ситуация и ее лексикографическое представление», 15–17 апреля 2010 г. / отв. ред. Т.А. Гридина. – Екатеринбург, 2010. – С. 5–16.

30. *Стернин И.А., Рудкова А.В.* Психолингвистическое значение слова как тип значения слова // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. – Ч. 4 / отв. ред. Н.Д. Голев. – Кемерово, 2012. – С. 36–64.

31. *Новое* в русской лексике: Словарные материалы-78 / под ред. Н.З. Котеловой. – М.: Рус. яз., 1981.

32. *Новое* в русской лексике: Словарные материалы-79 / под ред. Н.З. Котеловой. – М.: Рус. яз., 1982.

33. *Новое* в русской лексике. Словарные материалы-80 / под ред. Н.З. Котеловой. М.: Рус. яз., 1984.

34. *Новое* в русской лексике. Словарные материалы-85 / под ред. Н.З. Котеловой, Ю.Ф. Денисенко. – СПб.: Рус. яз., 1996.

35. *Новое* в русской лексике: Словарные материалы-86 / под ред. Н.З. Котеловой, С.И. Алаторцевой и Т.Н. Буцевой. – СПб.: Рус. яз., 1996.

36. *Новое* в русской лексике: Словарные материалы-87 / под ред. Н.З. Котеловой и Ю.Ф. Денисенко. – СПб.: Рус. яз., 1996.

37. *Новое* в русской лексике: Словарные материалы-88 / ред. Е.А. Левашов. СПб.: Рус. яз., 1996.

38. *Новые* слова и значения: Словарь-справочник (по материалам прессы и литературы 60-х годов) / под ред. Н.З. Котеловой, Ю.С. Сорокина. – М.: Рус. яз., 1971.

39. *Новые* слова и значения: Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 70-х годов / под ред. Н.З. Котеловой, Ю.С. Сорокина. – М., 1984.

40. *Новые* слова и значения: Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 80-х годов / под ред. Е.А. Левашова. – СПб.: Рус. яз., 1997.

41. *Новые* слова и словари новых слов / отв. ред. Н.З. Котелова. – Л.: Рус. яз., 1978.

42. *Ермакова О.П., Земская Е.А., Розина Р.И.* Слова, с которыми мы встречались: Толковый словарь русского общего жаргона / под общ. руковод. Р.И. Розиной. – М.: Азбуковник, 1999.

43. *Русский* словарь языкового расширения / сост. А.И. Солженицын. – М.: Голос, 1995. – 272 с.

44. *Шумарина М.Р.* «Литературный портрет» слова: метаязыковое сознание автора как предмет лексикографического описания // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2009. – № 24. – С. 806–810.

45. *Шумарина М.Р.* Язык в зеркале художественного текста (метаязыковая рефлексия в произведениях русской прозы. – М., 2011. – 325 с.

46. *Богачева Г.Ф., Морковкин В.В.* О всеохватном лексикографическом представлении лексического ядра русского языка // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. – 2011. – №3. – С. 6–12.

47. Симбирцев М. Спрашивали – отвечаем: сетевые словари и энциклопедии: (Обзор мультимедийных словарей и энциклопедий, имеющихся в Интернете) // *Hard'n'soft*. – 2004. – № 9. – С. 106–111.

48. *Сборник электронных словарей [Электронный ресурс]* // Толковый словарь: [сайт]. – [Б. м., б. г.]. – URL: <http://slovorus.ru/> (дата обращения: 11.02.14).

49. «Словоново»: словарь современной лексики, жаргона и сленга [Электронный ресурс]: [сайт]. – [Б.м.], 2008-2014. – URL: <http://www.slovonovo.ru> (дата обращения: 14.01.2014).

50. Касымова О.П. Информационные технологии в лингвистическом эксперименте // *Вестн. Башкир. ун-та*. – 2009. – Т. 14, № 3 (Юбил. вып.). – С. 1190–1193: ил. – (100 лет Башкир. государственному университету).

51. Голечкова Т.Ю. Проблемы изучения новой лексики на основе интернет-источников // *Учен. зап. Рос. гос. социал. ун-та*. – 2012. – № 4 (104). – С. 82–86.

52. Морозова О.Е. Об эксперименте в лексикографии (на материале словаря народно-разговорной речи) // *Вестн. Нижегород. ун-та им. Н.И. Лобачевского*. – 2011. – № 6-2. – С. 443–446.

53. Рублева О.С. Слово в электронном словаре: с позиций пользователя электронными ресурсами : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. – Тверь, 2010. – 19 с.

54. Словари-онлайн [Электронный ресурс]: [сайт]. – 2010–2011. – URL: <http://slovaronline.com/> (дата обращения: 10.02.14).

55. Уткина Н.С. Народная лексикография как новый инструмент лексикографов // *Вестн. молодых ученых Ивановского госуниверситета*. – 2011. – Вып. 11. – С. 188–189.

56. Кронгауз М.А. Самоучитель олбанского. – М.: АСП, 2013.

57. Голев Н.Д. Общий очерк концепции «Словаря обыденных толкований слов» // *Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты*. – Ч. 3. – Кемерово, 2010. – С. 205–264.

58. Шевченко Е.В. Толкование значения слова как форма выражения метаязыкового сознания диалектоносителя // *Вестн. Ом. гос. ун-та*. – 2011. – № 1. – С. 152–155.

59. *Сводный словарь современной русской лексики: в 2 т.* / под ред. П.П. Рогожиной. – М.: Рус. яз., 1991.

WIKILEXIA – THE PUBLIC INTERNET DICTIONARY: INNOVATORY LEXICOGRAPHIC PROJECT.

Journal of Lexicography, 2014, 2 (6), pp. 31–67.

Golev Nikolai D., Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: ngolevd@mail.ru / ngolevd@yandex.ru

Keywords: Wikilexia, Internet-dictionaries, lexicography, ordinary meta-language consciousness, public lexicography.

The article introduces a new Internet dictionary within the project "Public lexicography". It is located on the website <http://викилексия.рф>. The project enters the program of studying the ordinary meta-language consciousness which is realized by the team of the Kemerovo University Department of the Russian Language under the supervision of the author. The title of the dictionary is "Wikilexia". Its organization principles repeat the scheme of Wikipedia: Russian speakers themselves are the authors of dictionary entries: they

choose words for the dictionary, describe their semantics and peculiarities of functioning according to the definite scheme, fix their attitude to these words. The principle of choosing words is subjective. Informants include the words arousing personal emotions, thoughts, associations, the words which are interesting for them (e.g., new words, words-symbols, words filled with personal feelings reflecting the spirit of time, etc.). Thus, the dictionary fixes reflection of the words objective state (ontological plane) and the language consciousness state (linguistic-mental, ontological-gnoseological plane).

The Project is realized, on the one hand, by unprofessional lexicographers, i.e. by the community of Russia and the world speaking Russian that is interested in collecting and processing Russian words and, on the other hand, by the scientific community that is interested in receiving materials for studying the vocabulary state and the peculiarities of the ordinary meta-language consciousness.

In the theoretical part of the article the author characterizes specific features of the dictionary as the new generation lexicographic work. "Wikilexia" is treated as the product of anthropocentric and linguistic-synergetic lexicography. The problem of lexicographic dictionary unit is discussed in detail. The author analyses the sources of public lexicography and deals with the numerous projects close to "Wikilexia".

The practical part of the article describes the structure of the dictionary entry, dictionary on the whole and the website on which the dictionary is located. The principles of organizing activities to attract informants are introduced. The scheme of the dictionary entry includes the basic characteristics of the word (meaning, usage, connotations, typical contexts, pronunciation and grammar peculiarities), subjective-personal characteristics (I like it/ I do not like it, why, the history of personal relations with the word), additional characteristics (what the informant thinks about the origin of the word, about using this word and some other interesting information), personal data about the informant.

References

1. Golev N.D. (ed.) *Obydennoe metazyzkovoe soznanie: ontologicheskie i gnoseologicheskie aspekty* [Ordinary metalinguistic consciousness: ontological and gnoseological aspects]. Kemerovo: Kemerovo State University Publ., 2010. Pt. 3, 459 p.
2. Golev N.D. (ed.) *Slovar' obydennykh tolkovaniy russkikh slov. Leksika prirody. V 2 t.* [Dictionary of Everyday Interpretations of Russian Words. Nature Vocabulary. In 2 vols.]. Kemerovo: Izd-vo Kemerovskogo universiteta, 2011. Vol. 1, 500 p.
3. Golev N.D. The Dictionary of the Common Interpretation of Russian Words: the conception and the experience of its implementing. *Voprosy leksikografii – Journal of Lexicography*, 2013, no. 2 (4), pp. 48–64. (In Russian).
4. Golev N.D. *Obydennoe metazyzkovoe soznanie kak ontologo-gnoseologicheskii fenomen (v poiskakh "lingvognoseologem")* [Ordinary metalinguistic consciousness as an ontological-gnoseological phenomenon (in search of "linguognoseologems")]. In: Golev N.D. (ed.) *Obydennoe metazyzkovoe soznanie: ontologicheskie i gnoseologicheskie aspekty* [Ordinary metalinguistic consciousness: ontological and gnoseological aspects]. Kemerovo: Kemerovo State University Publ., 2009. Pt. 1, pp. 7–41.
5. Polinichenko D.Yu. Amateur lexicography: an attempt of research. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*, 2011, no. 4, pp. 205–211. (In Russian).

6. Boyko B.L. A collaborative web-based dictionary of contemporary vocabulary, jargon and slang "slovonovo" as a form of online communication. *Voprosy psikholingvistiki – Journal of Psycholinguistics*, 2010, no. 2 (12), pp. 64–70. (In Russian).
7. Lukashanets E.G. The Internet and the language: popular lexicography. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo – Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod*, 2011, no. 6–2, pp. 378–381.
8. Lukashanets E.G. Slang Dictionaries As Result of Internet Users' Metalinguistic Activity. *Nauchmy dialog – Scientific Dialogue*, 2012, no. 8, pp. 28–40. (In Russian).
9. Utkina N. S. Volonterskie programmy po sostavleniyu slovarey: novye vozmozhnosti i perspektivy [Volunteer programs on dictionary compiling: new opportunities and prospects]. *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo*, 2012, vol. 14, no. 1, pp. 287–291.
10. Morkovkin V.V. *Antropotsentricheskiy versus lingvotsentricheskiy podkhod k leksikografirovaniyu* [Anthropocentric versus linguocentric approach to lexicography]. In: Karaulov Yu.N. (ed.) *Natsional'naya spetsifika yazyka i ee otrazhenie v normativnom slovare* [National specificity of language and its reflection in the dictionary]. Moscow: Nauka Publ., 1988, pp. 131–137.
11. Dulichenko L.V. *Antropoleksemy s negativnym znacheniem i ikh leksikograficheskoe opisanie*. Dis. kand. filol. nauk [Anthropolexemes with a negative meaning and their lexicographic description. Philology Cand. Diss.]. Moscow, 2000. 187 p.
12. Pyataeva N.V. *Antropotsentricheskiy i sistemotsentricheskiy printsipy lingvistiki v dinamicheskoy issledovanii leksicheskikh gnezd* [Anthropocentric and system-centric principles of linguistics in the dynamic study of lexical families]. Ufa: Gilem Publ., 2006. 280 p.
13. Kalambet E.V. *Proyavleniya antropotsentrizma v sovremennoy otechestvennoy leksikografii: na materiale lingvisticheskikh slovarey*. Dis. kand. filol. nauk [Manifestations of anthropocentrism in modern Russian lexicography: on the material of linguistic dictionaries. Philology Cand. Diss.]. Krasnodar, 2007. 177 p.
14. Sklyarevskaya G.N. *Antropotsentricheskaya leksikografiya: idei i praktika* [Anthropocentric lexicography: ideas and practice]. In: Apresyan Yu.D. et al. *Leksikografiya. Yazyk. Rech': Sb. statey pamyati Anny Lipovskoy* [Lexicography. Language. Speech: collected articles in memory of Anna Lipovskaya]. Sofia, 2013, pp. 95–104.
15. Kozyrev V.A., Chernyak V.D. Modern orientations of Russian lexicography. *Voprosy leksikografii – Journal of Lexicography*, 2014, no. 1 (5), pp. 5–16. (In Russian).
17. Morkovkin V.V. *O sinergeticheskoy leksikografirovani* [Synergistic lexicography]. In: *Yazykovaya lichnost': tekst, slovar', obraz mira* [Language personality: text, dictionary, world pattern]. Moscow: RUDN Publ., 2006, pp. 351–360.
18. Golev N.D. [Internet search engines as a linguistic source (by example of the solution of some theoretical and applied aspects of Russian word formation)]. *Novye yavleniya v slavyanskom slovoobrazovanii. Sistema i funktsionirovanie. Doklady XI Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii Komissii po slavyanskomu slovoobrazovaniyu pri Mezhdunarodnom komitete slavistov* [New phenomena in the Slavic word formation. The system and operation. Reports of the XI International Academic Conference of the Commission on the Slavic word formation at the International Committee of Slavists]. Moscow: Moscow University Publ., 2010, pp. 197–212. (In Russian).
19. Otin E.S. *Slovar' konnotativnykh sobstvennykh imen* [Dictionary of Connotative Proper Names]. Moscow: A Temp Publ., 2006. 440 p.

20. Vepreva I.T. *Metazyazykovoy vzglyad na lyubimye i nelyubimye slova* [A metalinguistic view on one's favorite and least favorite words]. In: Golev N.D. (ed.) *Obydennoe metazyazykovoe soznanie: ontologicheskies i gnoseologicheskies aspekty* [Ordinary metalinguistic consciousness: ontological and gnoseological aspects]. Kemerovo – Barnaul: Altai State University Publ., 2009. Pt. 1, pp. 202–228.

21. Dulichenko L.V. *Slovar' obidnykh slov russkogo yazyka. Naimenovaniya lits s negativnym znacheniem* [Dictionary of Offensive Words of Russian. Names of Persons with a Negative Meaning]. Tartu: Tartu University, 2000. 270 p.

22. Alefirenko N.F. *"Zhivoe" slovo: Problemy funktsional'noy leksikologii* ["Live" word: Problems of functional lexicology]. Moscow: Flinta: Nauka Publ., 2009. 344 p.

23. Novikov V.E. *Novyy slovar' modnykh slov: Spravochnik* [New Dictionary of Trendy Words: A Reference Book]. Moscow: AST, Zebra Publ., 2008. 192 p.

24. Belyanin V.P. *Osnovy psikholingvisticheskoy diagnostiki. Modeli mira v literature* [Basics of psycholinguistic diagnosis. World model in the literature]. Moscow: Trivola Publ., 2000. 248 p.

25. Losev A.F. *O primenenii v yazykoznanii sovremennykh nauchnykh ponyatiy* [On the application of modern scientific concepts in linguistics]. In: *Res filologica*. Moscow, Leningrad: Nauka Publ., 1990, pp. 163–170.

26. Gladko M.A. Lexical means of argumentation in the advocacy discourse. *Yurilingvistika*, 2012, no. 1 (12), pp. 12–21. (In Russian).

27. Kara-Murza E.S. *Konfliktogennyy potentsial yazykovoy metafory* [Conflict potential of linguistic metaphors]. In: Golev N.D. (ed.) *Obydennoe metazyazykovoe soznanie: ontologicheskies i gnoseologicheskies aspekty* [Ordinary metalinguistic consciousness: ontological and gnoseological aspects]. Kemerovo: Kemerovo State University Publ., 2012. Pt. 4, pp. 351–381.

28. Golev N.D., Lebedeva N.B. [Regional Dictionary Vocabulary online]. *Yazyk, literatura i kul'tura v regional'nom prostranstve: materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konf., posvyashchennoy pamyati prof. I.A. Vorob'evoy* [Language, Literature and Culture in the regional space: Materials of All-Russian Scientific and Practical Conference in memory of Prof. I.A. Vorobyova]. Barnaul: Altai State University Publ., 2007, pp. 9–22. (In Russian).

29. Krysin L.P. [Problem of updating modern explanatory dictionaries]. *Novye versii leksikograficheskoy interpretatsii yazykovoy real'nosti: Materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii "Yazyk. Sistema. Lichnost': Sovremennaya yazykovaya situatsiya i ee leksikograficheskoe predstavlenie"* [New versions of lexicographic interpretation of linguistic reality: Proceedings of the Scientific Conference "Language. System. Personality: Contemporary linguistic situation and its lexicographic representation"]. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University Publ., 2010, pp. 5–16. (In Russian).

30. Sterin I.A., Rudkova A.V. *Psikholingvisticheskoe znachenie slova kak tip znacheniya slova* [Psycholinguistic meaning of the word as a type of the word meaning]. In: Golev N.D. (ed.) *Obydennoe metazyazykovoe soznanie: ontologicheskies i gnoseologicheskies aspekty* [Ordinary metalinguistic consciousness: ontological and gnoseological aspects]. Kemerovo: Kemerovo State University Publ., 2012. Pt. 4, pp. 36–64.

31. Kotelova N.Z. (ed.) *Novoe v russkoy leksike. Slovarnye materialy-78* [New in the Russian vocabulary. Dictionary materials-78]. Moscow: Russkiy yazyk Publ., 1981. 260 p.

32. Kotelova N.Z. (ed.) *Novoe v russkoy leksike. Slovarnye materialy-79* [New in the Russian vocabulary. Dictionary materials-79]. Moscow: Russkiy yazyk Publ., 1982. 320 p.

33. Kotelova N.Z. (ed.) *Novoe v russkoy leksike. Slovarnye materialy-80* [New in the Russian vocabulary. Dictionary materials-80]. Moscow: Russkiy yazyk Publ., 1984. 287 p.
34. Kotelova N.Z., Denisenko Yu.F. (eds.) *Novoe v russkoy leksike. Slovarnye materialy-85* [New in the Russian vocabulary. Dictionary materials-85]. St. Petersburg: Russkiy yazyk Publ., 1996. 350 p.
35. Kotelova N.Z., Alatorseva S.I., Butseva T.N. (eds.) *Novoe v russkoy leksike. Slovarnye materialy-86* [New in the Russian vocabulary. Dictionary materials-86]. St. Petersburg: Russkiy yazyk Publ., 1996. 380 p.
36. Kotelova N.Z., Denisenko Yu.F. (eds.) *Novoe v russkoy leksike. Slovarnye materialy-87* [New in the Russian vocabulary. Dictionary materials-87]. St. Petersburg: Russkiy yazyk Publ., 1996. 351 p.
37. Levashov E.A. (ed.) *Novoe v russkoy leksike. Slovarnye materialy-88* [New in the Russian vocabulary. Dictionary materials-88]. St. Petersburg: Russkiy yazyk Publ., 1996. 398 p.
38. Kotelova N.Z., Sorokin Yu.S. (eds.) *Novye slova i znacheniya: Slovar'-spravochnik (po materialam pressy i literatury 60-kh godov)* [New words and meanings: dictionary-reference book (based on the press and literature of the 60s)]. Moscow: Russkiy yazyk Publ., 1971.
39. Kotelova N.Z., Sorokin Yu.S. (eds.) *Novye slova i znacheniya: Slovar'-spravochnik (po materialam pressy i literatury 70-kh godov)* [New words and meanings: dictionary-reference book (based on the press and literature of the 70s)]. Moscow: Russkiy yazyk Publ., 1984.
40. Levashov E.A. (ed.) *Novye slova i znacheniya: Slovar'-spravochnik (po materialam pressy i literatury 80-kh godov)* [New words and meanings: dictionary-reference book (based on the press and literature of the 80s)]. St. Petersburg: Russkiy yazyk Publ., 1997.
41. Kotelova N.Z. (ed.) *Novye slova i slovari novykh slov* [New words and dictionaries of new words]. Leningrad: Russkiy yazyk Publ., 1978.
42. Ermakova O.P., Zemskaya E.A., Rozina R.I. *Slova, s kotorymi my vstrechalis': Tolkovyy slovar' russkogo obshchego zhargona* [Words we come across: Dictionary of Russian common jargon]. Moscow: Azbukovnik Publ., 1999. 320 p.
43. Solzhenitsyn A.I. *Russkiy slovar' yazykovogo rasshireniya* [Russian dictionary of language extension]. Moscow: Golos Publ., 1995. 272 p.
44. Shumarina M.R. "Literary portrait" of words: writer's metalinguistic awareness as an object of lexicographic description. *Problemy istorii, filologii, kul'tury – Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*, 2009, no. 24, pp. 806-810. (In Russian).
45. Shumarina M.R. *Yazyk v zerkale khudozhestvennogo teksta (metayazykovaya refleksiya v proizvedeniyakh russkoy prozy)* [Language in the mirror of the artistic text (metalinguistic reflection in the Russian prose)]. Moscow: Flinta, Nauka Publ., 2011. 328 p.
46. Bogacheva G.F., Morkovkin V.V. On all-embracing lexicographic presentation of the lexical core of the Russian language. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*, 2011, no. 3, pp. 6–12. (In Russian).
47. Simbirtsev M. Sprashivali – otvechaem: setevye slovari i entsiklopedii (Obzor mul'timediynykh slovarey i entsiklopediy, imeyushchikhsya v Internetе) [You asked – we

answer: network dictionaries and encyclopedias (Overview of multimedia dictionaries and encyclopedias available online)]. *Hard'n'soft*, 2004, no. 9, pp. 106–111.

48. *Sbornik elektronnykh slovarey* [The collection of electronic dictionaries]. Available at: <http://slovorus.ru/>. (Accessed: 11th February 2014).

49. "Slovonovo": *slovar' sovremennoy leksiki, zhargona i slenga* [Slovonovo": a – dictionary of contemporary vocabulary, jargon and slang]. 2008–2014. Available at: <http://www.slovonovo.ru>. (Accessed: 14th January 2014).

50. Kasymova O.P. Informatsionnye tekhnologii v lingvisticheskom eksperimente [Information technology in the linguistic experiment]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta – Bulletin of Bashkir University*, 2009, vol. 14, no. 3-1, pp. 1190–1193.

51. Golechkova T.Yu. Problemy izucheniya novoy leksiki na osnove internet-istochnikov [Problems of learning new vocabulary basing on Internet sources]. *Uchenye zapiski Rossiyskogo gosudarstvennogo sotsial'nogo universiteta*, 2012, no 4 (104), pp. 82–86.

52. Morozova O.E. An experiment in lexicography (based on the material of the dictionary of colloquial speech). *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo – Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod*, 2011, no. 6–2, pp. 443–446. (In Russian).

53. Rubleva O.S. *Slovo v elektronnom slovare: s pozitsiy pol'zovatelya elektronnykh resursami*. Avtoref. dis. kand. filol. nauk [The word in the electronic dictionary: from the electronic resource user's viewpoint. Abstract of Philology Cand. Diss.]. Tver, 2010. 19 p.

54. Slovari-onlayn [Dictionaries online]. 2010–2011. Available at: <http://slovaronline.com/>. (Accessed: 10th February 2014).

55. Utkina N.S. Narodnaya leksikografiya kak novyy instrumentariy leksikografov [Folk lexicography as a new tool of lexicographers]. *Vestnik molodykh uchenykh Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2011, no. 11, pp. 188–189.

56. Krongauz M.A. *Samouchitel' olbanskogo* [Self-teacher of Olbanian]. Moscow: AST Publ., 2013. 416 p.

57. Golev N.D. Obshchiy ocherk kontseptsii "Slovaryabydennykh tolkovaniy slov" [The general outline of the concept of the Dictionary of Ordinary Interpretation of Words]. In: Golev N.D. (ed.) *Obydennoe metazykovoe soznanie: ontologicheskie i gnoseologicheskie aspekty* [Ordinary metalinguistic consciousness: ontological and gnoseological aspects]. Kemerovo: Kemerovo State University Publ., 2010. Pt. 3, pp. 205–264.

58. Shevchenko E.V. Word Meaning Interpretation as Form of Metalinguistic Awareness Expression of a Dialect Speaker. *Vestnik Omskogo universiteta*, 2011, no. 1, pp. 152–155. (In Russian).

59. Rogozhnikova R.P. (ed.) *Svodnyy slovar' sovremennoy russkoy leksiki: v 2 t.* [Dictionary of Modern Russian Language. In 2 vols.]. Moscow: Russkiy yazyk Publ., 1991.

О.С. Михайлова

ПРОБЛЕМЫ СОСТАВЛЕНИЯ МОТИВАЦИОННОГО ПОЭТИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ Е. ЕВТУШЕНКО (НА МАТЕРИАЛЕ СТИХОТВОРЕНИЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ)

Мотивационный поэтический словарь Е. Евтушенко представляет собой тип лингвопоэтического словаря, цель которого заключается в отражении не только специфики авторского словоупотребления, но и авторского мирообраза. Такая концепция словаря обуславливает сложность его композиционного строения: словарь делится на словарные блоки, внутри которых выделяются семантические разделы, дифференцирующиеся на семантические подразделы (планы изображения художественной действительности). В статье рассматривается ряд проблем, связанных со структурированием корпуса словаря: вопрос отнесения мотивационной сцепки в тот или иной семантический раздел, а также в тот или иной план изображения художественной действительности внутри разделов; проблема представления в словаре дистантной мотивации и мотивационных блоков; проблема отражения полифункциональности мотивационно связанных слов в структуре словарной статьи мотивационного поэтического словаря.

Ключевые слова: мотивология, идиостиль, лексикография.

Мотивационный поэтический словарь (МПС) Е. Евтушенко представляет собой тип лингвопоэтического словаря, призванного отразить специфику авторского словоупотребления в части использования им различных мотивационных приемов. Выделяются различные собственно мотивационные приемы (прием «оживления» внутренней формы слова, индивидуально-авторская мотивация и др.) и стилистические фигуры, оформленные с помощью мотивационно связанных слов (МСС) (антитеза, оксюморон, сравнение и др.). При этом МСС понимаются в аспекте теории лексической мотивации как «два и более слова, актуализирующие в тексте отношения лексической и/или структурной мотивации» [1. С. 31]. Синонимичными МСС терминами являются термины «мотивационная сцепка» («то же, что МСС» [1. С. 31]), «мотивационная пара» («или МСС (не более двух)» [1. С. 30]), «мотивационная цепочка» («то же, что МСС (в количестве больше двух)» [1. С. 31]).

Именно мотивационные приемы разного рода лежат в основе разбиения МПС Е. Евтушенко на одноименные блоки, внутри кото-

рых представлены перечни мотивационных сцеплений. Однако концепция словаря не замыкается на отражении лишь лингвопоэтических приемов использования мотивации автором. Опыт составления МПС Е. Евтушенко представляет собой попытку отразить в лексико-графическом виде мирообраз автора, раскрывающийся в результате использования им МСС как художественного средства. Поэтический мирообраз автора понимается как образ «бытия вообще, каким его видит и понимает художник, – и за этим глобальным образом встают уже внепредметные, концептуальные слои» [2. С. 356] его произведений и в целом идиостиля.

Поставленная задача (отразить авторский мирообраз, а следовательно, авторский идиостиль) обусловила разделение словарных блоков («Антитеза», «Метафора», «Сравнение» и др.) на семантические разделы «характеристика окружающего мира», «характеристика персонажа», «характеристика лирического героя». Данное деление опирается на идею о том, что художественный мир является отражением мира реального, который представлен в сознании двумя универсальными смыслами (термин И.Я. Чернухиной): окружающий внешний мир и человек, существующий в нем. Выделение раздела «характеристика лирического героя» базируется на понимании особенностей поэтического текста, в котором лирический герой является как субъектом, так и объектом изображения. Анализируя мотивацию как лингвопоэтическую доминанту идиостиля, необходимо исследовать функции МСС в текстах поэта, связанные с характеристикой окружающего мира, персонажа и лирического героя.

Семантические разделы словаря правомерно дробить на различные планы изображения. В соответствии с пониманием художественного мира произведения как некой модели мира (Ю.М. Лотман), осмысляемого не только как материальное, предметное бытие, но и как бытие религиозное, политическое, культурное и др., раздел «Характеристика окружающего мира» может быть детализирован. Так, на основе тематического анализа произведений, содержащих мотивационные приемы, в МПС Е. Евтушенко выделены следующие планы изображения окружающей действительности: предметно-бытовой, социальный, патриотический, культурный, религиозный, гендерный, природный, экзистенциальный.

Разделы «Характеристика персонажа» и «Характеристика лирического героя» были дифференцированы на портретный план (ха-

рактеристика внешности), план внутреннего состояния (эмоциональное состояние, чувства и переживания персонажа) и личностный план (оценочная характеристика личностных качеств персонажа; авторская самооценка, самохарактеристика). Кроме того, раздел «Характеристика персонажа» может содержать также биографический (биография, происхождение) и речевой (особенности речи) план изображения.

Таким образом, МПС Е. Евтушенко имеет следующее композиционное строение. Словарь делится на словарные блоки («Антитеза», «Оксюморон», «Метафора», «Сравнение», «Тавтология», «Каламбур» «Ключевые слова»), внутри которых выделяются семантические разделы («Характеристика окружающего мира», «Характеристика персонажа», «Характеристика лирического героя»), дифференцирующиеся на семантические подразделы (планы изображения художественной действительности).

Обозначенная трехступенчатая структура словаря обуславливает три проблемы, связанные со структурированием его корпуса:

1) отнесение МСС к тому или иному словарному блоку (проблема многочисленных случаев полифункционального использования мотиватов);

2) отнесение МСС к тому или иному семантическому разделу (сложность субъектной организации поэтического текста);

3) отнесение МСС к тому или иному семантическому подразделу (вопрос тематической многоаспектности контекстов употребления мотивационных сцепок).

Рассмотреть данные проблемы предлагается на примере МСС как ключевых. МСС в функции ключевых слов понимаются в двух аспектах: с точки зрения отдельного поэтического текста и гипертекстового пространства всего поэтического творчества художника. МСС как ключевые в гипертекстовом плане представляют собой так называемую межтекстовую мотивацию, когда слова осознаются мотивационно связанными не только в рамках одного произведения, но и в контексте всего творчества автора. С точки зрения отдельного поэтического текста МСС в функции ключевых концентрируют в себе информацию, несомую всем текстом, отражают главную тему, идею, смысл стихотворения, оформляют центральный художественный образ, являясь структурным каркасом произведения. При этом формальной особенностью приема ключевых слов является дистант-

ное расположение мотиватов (трех и более) в различных точках поэтического текста. Именно в этом понимании рассматриваются ключевые слова в данной работе.

Использование МСС как ключевых слов может осложняться в различных контекстах. Во-первых, в стихотворении возможно употребление не только одной мотивационной цепки в функции ключевых слов, но также совместное использование двух и более мотивационных сцеплений в этой же функции. Кроме того, нередки случаи использования различных (двух и более) мотивационных пар и сцепок, связанных друг с другом на ассоциативно-смысловой основе, и выполняющих одну художественную задачу (в данном случае следует говорить о мотивационном блоке [1. С. 40]). Исходя из этого одним из важнейших принципов составления словаря становится принцип текстоцентризма, способствующий отражению целостной картины употребления мотивации как художественного средства. Принцип текстоцентризма предполагает построение словарных статей в словарном блоке «Ключевые слова» с опорой не на отдельные мотивационные сцепки, а на комплекс МСС в рамках одного стихотворения.

Так, в стихотворении «Парк» (1955) выделенные мотивационные сцепки, ассоциативно связанные друг с другом, в словарном оформлении могут быть зафиксированы следующим образом:

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

1. Характеристика окружающего мира

2. СОЦИАЛЬНЫЙ ПЛАН

Разговориться кл. сл., I, 2 – разговор – разговор мтн., I, 2 / **Задумчивый** кл. сл., I, 2; анаф., I, 2 – задумчиво – задумчиво – задумчивый – задумавшись (неправда ант., I, 2; II, 3 – правда) (мыслить акц., I, 2 – мыслитель)

Разговорились люди нынче./ *От разговоров* этих чад./ *Вслух и кричат, но вслух и хнычат,* /и даже *вслух порой молчат.*// *Мне надоели эти темы.*/ *Я бледен. Под глазами тени.*/ *От этих споров я в поту.*/ *Я лучше в парк гулять пойду.<...>* *Но вот сидят два человека/ и спорят о проблемах века.*// *Один из них кричит о вреде/ открытой критики у нас, что, мол, враги кругом, что время/ неподходящее сейчас.*// *Другой – что все это убого, /что ложь рождает только ложь /и что, какая б ни*

Словарный блок

Семантический раздел

Семантический подраздел

Зона заглавных слов

Иллюстрирующая зона

эпоха,/ неправдой к правде не придешь.// Я закурю
 опять, я встану,/ вновь удеру гулять к фонтану,/
 наткнусь на разговор, другой.../ Нет, – в парк я
 больше ни ногой!// Всё мыслит: доктор медици-
 ны,/ что в лодке сетует жене,/ и женщина на
 мотоцикле,/ летя отвесно по стене.// На попла-
 вах уютно-шатких,/ в аллеях, где лопочет сад,/ и
 на раскрашенных лошадах – / везде мыслители
 сидят.// Прогулки, вы порой фатальны!// Задумчи-
вые люди пьют,/ задумчиво шумят фонтаны,/
задумчиво по морде бьют.// Задумчивы девчонок
 челки,/ и ночь, задумавшись всерьез,/ перебирает,
 словно четки,/ вагоны чертовых колес... (Парк,
 1955)

Образец словарной статьи включает зону заглавного слова (или заглавных слов, поскольку словарь отражает мотивационные сцепления нескольких слов) и зону иллюстрирующую, содержащую контекст употребления МСС. МСС имеют начальную форму (существительное – именительный падеж, единственное число; прилагательное – единственное число, мужской род; глагол – инфинитив), они подаются в алфавитном порядке в рамках каждого семантического подраздела. В мотивационной цепочке представлены все мотиваты, использующиеся в тексте, даже если они повторяются.

В зоне заглавных слов первыми фиксируются МСС в функции ключевых слов (через косую вертикальную черту) в том порядке, в каком используются их первые компоненты (слова, выделенные жирным шрифтом, в том числе и в иллюстрирующем тексте). Мотивационные сцепления, имеющие другой функционал, следуют далее в круглых скобках в том порядке, в каком упоминаются их первые компоненты (слова, выделенные подчеркиванием в иллюстрирующем тексте).

Иллюстрирующий текст представляет собой зачастую полный текст стихотворения, в некоторых случаях усеченный вариант оригинального текста (как в рассматриваемом примере). Исключение из стихотворения некоторых фрагментов (в том случае если это не нарушает смысловой целостности произведения) обусловлено отсутствием в них МСС.

В одном тексте наряду с МСС в функции ключевых слов могут использоваться короткие мотивационные сцепления (из двух-трех

мотиватов), в той или иной мере связанные по смыслу с ключевыми словами. Они подаются вслед за МСС в функции ключевых слов, даже если первый их компонент используется в тексте раньше, чем компонент ключевых слов. В соответствии с принципом текстоцентризма данные единицы не исключаются из словарной статьи, что способствует целостному восприятию использования автором мотивации. Мотивационные сцепки, ассоциативно привязанные к ключевым словам, дополнительно отражаются в соответствующих словарных блоках, со ссылкой на исходный блок «Ключевые слова». Ссылка располагается в справочной зоне, следующей за иллюстративной зоной. Кроме указания на словарный блок, в ней содержится указание на семантический раздел и подраздел соответствующего словарного блока, а также первое слово мотивационной цепи в зоне заглавных слов основной словарной статьи (см. примеры ниже).

Пометы в зоне заглавных слов, отражающие принадлежность МСС к тому или иному словарному блоку, следуют за первым словом мотивационной цепи (кл. сл. – ключевые слова; мтн. – метонимия; анаф. – анафора, ант. – антитеза, акц. – акцентирующая мотивация). Исключение составляют мотивационные приемы, художественное задание которых связано с переосмыслением значения слова, таких как индивидуально-авторская мотивация (ИАМ) («прием сближения созвучных разнокорневых слов на основе их осмысления как мотивационно связанных» [1. С. 25]), метафора, метонимия, прием «оживления» внутренней формы слова (ПО ВФС) («фигура речи, заключающаяся в преднамеренном подчеркивании, высвечивании внутренней формы слова» [1. С. 23]), прием «оживления» внутренней формы фразеологизма (ПО ВФФ) (прием, заключающийся в нарушении семантической слитности фразеологизма путем акцентирования значения составляющих его слов). В этих случаях помета следует за словом, значение которого переосмысливается или специально акцентируется. В данном случае помета «мтн.» располагается вслед за вторым словом «разговор» в мотивационной цепи (**разговориться – разговор – разговор мтн., I, 2**), так как именно в этом случае слово используется в переносном смысле: *наткнулся на разговор, другой*.

Вслед за пометой, отражающей принадлежность МСС к тому или иному словарному блоку, отмечается раздел (римские цифры) и подраздел (арабские цифры) к которому они относятся:

I – характеристика окружающего мира: 1) предметно-бытовой план, 2) социальный план, 3) патристический план, 4) культурный план, 5) религиозный план, 6) гендерный план, 7) природный план, 8) экзистенциальный план;

II – характеристика персонажа: 1) портретный план, 2) биографический план, 3) речевой план, 4) план внутреннего состояния, 5) личностный план;

III – характеристика лирического героя: 1) портретный план, 2) план внутреннего состояния, 3) личностный план.

Если словарная статья, в соответствии с принципом текстоцентризма, объединяет разные мотивационные сцепки, то пометы призваны дифференцировать мотивационный комплекс с целью полного отражения различных мотивационных сцепок в общем корпусе словаря.

Так, мотивационная сцепка **задумчивый** кл. сл., I, 2; **анаф.**, I, 2 – **задумчиво** – **задумчиво** – **задумчивый** – **задумавшись** повторяется в этом же словарном блоке, с использованием иллюстрирующего микроконтекста (контекст, в котором используются только данные МСС) со ссылкой на исходную словарную статью. Иллюстрирующий микроконтекст целесообразно использовать, так как он способствует удобству восприятия словарной информации. Поскольку эти же МСС оформляют прием анафоры, то они фиксируются также в словарном блоке «Анафора», без иллюстрирующего контекста (он полностью совпадает с контекстом в словарном блоке «Ключевые слова»), со ссылкой на словарную статью с заглавными словами **задумчивый** – **задумчиво** – **задумчиво** – **задумчивый** – **задумавшись**:

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

I. Характеристика окружающего мира

2. СОЦИАЛЬНЫЙ ПЛАН

Задумчивый – **задумчиво** – **задумчиво** – **задумчивый** – **задумавшись**

Задумчивые люди пьют,/ задумчиво шумят фонтаны,/ задумчиво по морде бьют.// Задумчивы девчонок челки,/ и ночь, задумавшись всерьез,/ перебирает, словно четки,/ вагоны чертовых колес... (Парк, 1955)

См. кл. сл., I, 2: разговориться

АНАФОРА

1. Характеристика окружающего мира

2. СОЦИАЛЬНЫЙ ПЛАН

Задумчивый – задумчиво – задумчиво – задумчивый – задумавшись

См. кл. сл., I, 2: задумчивый

Вслед за иллюстрирующим контекстом идет справочная зона, в которой содержится отсылка к основному тексту в соответствующем словарном блоке и его семантических разделах и подразделах с указанием первого слова мотивационной цепи.

Мотивационная сцепка **разговориться** кл. сл., I, 2 – **разговор – разговор** мтн., I, 2, являясь начальной в зоне заглавных слов, не повторяется в словарном блоке «Ключевые слова», но дополнительно фиксируется в словарном блоке «Метонимия» во главе со словом «разговор». В словарной статье представлен микроконтекст использования мотиватов (несмотря на то, что полный контекст приведен в словарном блоке «Ключевые слова») с целью большего удобства восприятия словарной информации.

МЕТОНИМИЯ

1. Характеристика окружающего мира

2. СОЦИАЛЬНЫЙ ПЛАН

Разговор – разговор – разговориться

***Разговорились** люди нынче./ От **разговоров** этих чад./ Вслух и кричат, но вслух и хнычат,/ и даже вслух порой молчат.// Мне надоели эти темы./ Я бледен. Под глазами тени./ От этих споров я в поту./ Я лучше в парк гулять пойду. <...> Я закурю опять, я встану,/ вновь удеру гулять к фонтану,/ наткнусь на **разговор**, другой.../ Нет, – в парк я больше ни ногой! (Парк, 1955)*

См. кл. сл., I, 2: разговориться

Мотивационные пары **неправда** ант., I, 2; **II, 3** – **правда** и **мыслить** акц., I, 2 – **мыслитель** дополнительно фиксируются в соответствующих словарных блоках («Антитеза» и «Акцентирующая мотивация»). Например (здесь также представлены микроконтекст использования мотиватов и ссылка на основной текст исходной словарной статьи):

АКЦЕНТИРУЮЩАЯ МОТИВАЦИЯ

1. Характеристика окружающего мира

2. СОЦИАЛЬНЫЙ ПЛАН

Мыслить – мыслитель

*Всё **мыслит**: доктор медицины,/ что в лодке сетует жене,/ и женщина на мотоцикле,/ летя отвесно по стене.// На поплавах уютно-шатких,/ в аллеях, где лопочет сад,/ и на раскрашенных лошадках – /езде **мыслители** сидят. (Парк, 1955)*

См. кл. сл. I, 2: разговариваться

Поступенчатые ссылки к основному полному тексту реализуют принцип текстоцентризма в построении словаря: восприятие словарной информации осуществляется системно, МСС воспринимаются не изолированно, а в их взаимосвязи с другими мотивационными сцеплениями в рамках поэтического текста.

Отнесение мотивационных сцепок к семантическим разделам «Характеристика окружающего мира», «Характеристика персонажа», «Характеристика лирического героя» опирается на понимание специфики лирического текста в части его субъектной организации. Лирический субъект может быть представлен как точка зрения, стремящаяся к объективности отображения реальности: окружающий мир изображается отстраненно, авторская субъективность остается за рамками текста. В этом случае МСС однозначно относятся в раздел «Характеристика окружающего мира». Однако в стихотворениях Е. Евтушенко, как правило, авторская позиция, его взгляды, чувства открыто заявлены. Авторское отношение и личный опыт сквозят в его произведениях и тогда, когда объектом изображения оказывается окружающий мир. В стихотворениях часто раскрываются личные субъективные переживания лирического героя в связи с осмыслением окружающего мира в различных срезах (социальном, экзистенциальном и др.). В результате возникает вопрос об отнесении той или иной мотивационной сцепки в раздел «Характеристика окружающего мира» или в раздел «Характеристика лирического героя».

Отнесение спорных, пересекающихся случаев использования мотивации в тот или иной раздел опирается на контекстологический принцип. Ярким показателем контекстного окружения является отнесение сообщения к личному опыту субъекта высказывания (ис-

пользование местоимений «я», «мой») – в этом случае мотивационная сцепка фиксируется в разделе «Характеристика лирического героя», либо к обобщенной группе лиц (использование обобщенных маркеров «любой», «всякий», «каждый», «мы») – в этом случае мотивационная сцепка фиксируется в разделе «Характеристика окружающего мира».

Маркерами отнесения мотивационных сцепок в раздел «Характеристика окружающего мира» могут быть обобщенные названия окружающего мира; названия сообществ людей по различным признакам (национальным, гендерным и др.); местоимение «ты», «твой» в обобщенном значении; синтаксические конструкции с местоимениями «тот», «кто» («те», «кто»). В рассматриваемом стихотворении такими маркерами являются наименования (во множественном числе) людей, относящихся к неопределенной группе (*люди, мыслители*); обобщенные названия конкретных людей (*человек, один человек, один и другой*); неопределенно-личные предложения (*задумчиво по морде бьют*). Поэтому в целом мотивационный комплекс фиксируется в разделе «Характеристика окружающего мира».

Таким образом, отнесение МСС в раздел «Характеристика окружающего мира» предполагает наличие в стихотворении обобщенного представления о таком порядке вещей в окружающем мире, который приложим к неограниченно широкой группе людей. Если в стихотворении описывается личное переживание, то МСС относятся в раздел «Характеристика лирического героя». Если мотивационные сцепки имеют отношение к характеристике какого-либо персонажа (маркеры: личные имена, местоимения «он», «она» и др.), то они фиксируются в разделе «Характеристика персонажа».

В рассматриваемом стихотворении мотивационная пара **неправда – правда** может быть отнесена в два семантических раздела – «характеристика окружающего мира» и «характеристика персонажа» – на том основании, что она, с одной стороны, характеризует современный социум, с другой – характеризует современный социум через речевую характеристику отдельного человека, являющегося типичным представителем этого общества. Встает вопрос о приоритетности отражения мотивационной сцепки в том или ином разделе. Поскольку в центре стихотворения находится описание общества, а не отдельного человека, то целесообразно сначала зафиксировать мотивационную пару в разделе «Характеристика окружающего ми-

ра», а потом в разделе характеристика персонажа, в котором будет отсутствовать иллюстрирующий контекст при наличии ссылки на исходную словарную статью:

АНТИТЕЗА

I. Характеристика окружающего мира

2. СОЦИАЛЬНЫЙ ПЛАН

Неправда – правда

*Но вот сидят два человека/ и спорят о проблемах века.// Один из них кричит о вреде/ открытой критики у нас, что, мол, враги кругом, что время/ неподходящее сейчас.// Другой – что все это убого, /что ложь рождает только ложь /и что, какая б ни эпоха,/ **неправдой к правде не придешь.** (Парк, 1955)*

См. кл. сл., I, 2: разговариваться

II. Характеристика персонажа

3. РЕЧЕВОЙ ПЛАН

Неправда – правда

См. ант., I, 2: неправда

Отнесение МСС в тот или иной подраздел опирается на тематический анализ, предполагающий рассмотрение содержания текста, его общей смысловой направленности. Например, семантический подраздел «Социальный план» подразумевает, что в анализируемых стихотворениях рассматривается социальная проблематика: человек и толпа; индивидуум и государство; человек и общественная мораль, нравы, обычаи; личность и обывательское общество; человек и власть; тоталитаризм и демократизм; закон и право; социальные проблемы и др.

Анализ лексико-семантической системы текста позволяет выделить языковые маркеры, на основе которых можно судить о принадлежности мотивационного контекста к тому или иному подразделу. На принадлежность мотивационного контекста к подразделу «Социальный план» указывают следующие маркеры: характерологические наименования различных социальных групп, наименование социальных и социально-политических объектов, наименования людей с точки зрения их социального статуса, наименования людей, принадлежащих к власти, имена собственные известных личностей, поли-

тических и общественных деятелей и др. При этом маркерами могут выступать как сами МСС, так и единицы, характеризующие мотивами, обозначающими какие-либо свойства окружающего мира.

Так, анализ рассматриваемого стихотворения показал, что мотивационный комплекс следует фиксировать в подразделе «Социальный план» семантического раздела «Характеристика окружающего мира» в рамках словарного блока «Ключевые слова», так как основные мотивационные сцепки **разговориться – разговор – разговор и задумчивый – задумчиво – задумчиво – задумчивый – задумавшись**, выполняя функцию ключевых слов в стихотворении, характеризуют современное автору общество. Маркерами отнесения МСС к подразделу «Социальный план» являются как сами МСС (*наткнувшись на разговор* (метонимия – наткнувшись на разговаривающих людей), так и слова, к которым относятся мотиваты: *разговорились люди; от разговоров этих чад* (от разговоров людей); *задумчивые люди; задумчиво по морде бьют* (бьют люди друг друга); *задумчивы девчонки челки; задумчиво шумят фонтаны; ночь, задумавшись всерьез* (перенесение качества задумчивости на неодушевленные предметы создает ироничное авторское отношение к современному обществу).

Мотивационная пара **мыслить – мыслитель** акцентирует ироничное отношение автора к современному обществу. При этом маркерами отнесения МСС в «Социальный план» являются как сами мотиваты (*везде мыслители* (ироничное название людей – посетителей парка) *сидят*, так и слова, к которому они относятся (*все мыслит*). МСС **неправда – правда** характеризуют речь человека (косвенная речь), являющегося типичным представителем обывательского мира. В стихотворении говорится о современном обществе, которое взбудоражено изменением социально-политической ситуации в стране. Автор иронично оценивает тривиальные, стандартные размышления людей (фраза «неправдой к правде не придешь» имеет свойства устойчивого выражения с признаками штампа), свидетельствующие о растерянности человека в современных условиях.

При распределении МСС по различным разделам остро стоит проблема сложных многоаспектных текстов, в которых выделяются различные тематические векторы содержания. Так, стихотворение «Пустые качели» (1994) посвящено социальной демографической проблеме современной России, в то же время данная проблема прочитывается в бытийном ключе, с точки зрения жизни и смерти как

экзистенциальных категорий. Кроме того, поскольку текст посвящен России, актуален и патриотический аспект прочтения содержания стихотворения. В этих условиях важным становится вопрос отнесения мотивационного комплекса в тот или иной подраздел словаря. Решение проблемы возможно с учетом образной структуры стихотворения и определения приоритетности того или иного поэтического содержания (в чем, безусловно, может проследиваться субъективизм исследователя).

В стихотворении «Пустые качели» в центре изображения конкретная социальная проблема, обозначенная мотивационной сцепкой **детство – детсад – детский сад – детский – детдом – детсад – детский – бездетный – детсадовский – дети**. Вторая мотивационная цепочка **скрип-скрип-скрип – постскриптум – поскрипывание – скрипеть – скрип-скрип-скрип-скрип – скрип-скрип-скрип-скрип** оформляет некий многоаспектный образ-символ, характеризующийся абстрактным смыслом, значение которого не столь очевидно, как значение образа, обозначенного первой мотивационной сцепкой. Кроме того, цель второй мотивационной цепи вспомогательна по отношению к цели первой, которая оформляет центральную тему стихотворения. Она заключается в том, чтобы придать центральному образу более глубокий, масштабный контекст прочтения. На этом основании мотивационный комплекс размещается в подразделе «Социальный план», при этом на первом месте в зоне заглавных слов фиксируется мотивационная сцепка, оформляющая центральную тему стихотворения:

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

1. Характеристика окружающего мира

2. СОЦИАЛЬНЫЙ ПЛАН

Детство кл. сл., I, 2 – **детсад – детский (сад) – детский – детдом** ант., I, 2 – **детсад – детский – бездетный** ант., I, 2 – **детсадовский – дети** / **скрип-скрип-скрип** кл. сл., I, 1, 3, 8 – **постскриптум** ИАМ, I, 3, 8 – **поскрипывание – скрипеть – скрип-скрип-скрип-скрип – скрип-скрип-скрип-скрип** (открывать ант., I, 2 – закрывать)

Как на станции Зима/ что-то тихо спят дома,/ ставни ерзают,/ ворота,/ и под шамканье омета,/ под крахтение заплота,/ словно где-то у кого-то/ тоже тяжкий недосыт,/ раздается:/ скрип-

скрип-скрип... / История века дописана./ Мы оказались в **пост-скриптуме**,/ цепляясь за ключья/ из ускользающей русской земли./ На станции **детства** – Зима/ так пугает ночами **поскрипыванье**,/ страшной,/ чем **скрипели** когда-то колодезные журавли. <...> И с жалостью смотрит/ уволенная уборщица,/ как ветер взмывает/ заржавленные от обид/ железные кольца,/ веревки, изрядно уже перетершиеся,/ качелей **детсада**,/ который крест-накрест забит. **Скрип-скрип-скрип-скрип...** / Будто бы река без рыб,/ будто небеса без птиц,/ **детский сад** без **детских** лиц./ Как мы, станция Зима, уцелеем от беды?/ Открываем детдома,/ закрываем детсады./ Племя русских могокан/ льет красители в стакан. **Скрип-скрип-скрип-скрип...** Ключик есть,/ да только скрыт,/ в ту воскресную Россию,/ где качели не пустые,/ где летит,/ сорвавшись,/ вдаль/ **детский** крошечный сандаля... **Бездетный** народ/ незаметно окажется при смерти,/ и страшно смотреть,/ как над кладбищем бывших идей/ в качелях **детсадовских**/ ветер качает лишь призраки/ еще до рождения вымерших русских **детей**.../ **Скрип-скрип-скрип-скрип...**/ Наш народ,/ ты не погиб? (Пустые качели, 1994)

В стихотворении используются 3 мотивационных цепки:

1) **Детство – детсад – детский (сад) – детский – детдом** ант., I, 2 – **детсад – детский – бездетный** ант., I, 2 – **детсадовский – дети** выполняет функцию ключевых слов, характеризуя основной план изображения действительности, социальный план. Рассматривается демографическая проблема российского общества 90-х, которая акцентируется за счет заострения социальных контрастов, что выражено в противопоставленности мотиватов (антитезы: **детдом – детсад, бездетный – детсадовский – дети**). Данные МСС фиксируются дополнительно в словарном блоке «Антитеза» с использованием микроконтекста со ссылкой на основную словарную статью.

2) **Открывать** ант., I, 2 – **закрывать** синтаксически привязана к первой мотивационной цепке и оформляет прием антитезы (также размещается в словарном блоке «Антитеза»), характеризуя социальный план изображения действительности (мотиваты обозначают социальное действие открытие/ закрытие социальных объектов (детсад/ детдом).

3) **Скрип-скрип-скрип** кл. сл., I, 1, 3, 8 – **постскриптум** ИАМ, I, 3, 8 – **поскрипыванье – скрипеть – скрип-скрип-скрип-скрип – скрип-скрип-скрип-скрип** – **скрип** – **скрип-скрип-скрип-скрип** выполня-

ет функцию ключевых слов, обозначая предметную ситуацию, ставшую отправной точкой авторской рефлексии (предметно-бытовой план). Предметная ситуация приобретает символическое значение: скрип пустых детских качелей становится метафорой запустения русской земли, символом современной социальной катастрофы.

В стихотворении социальная проблема рассматривается в аспекте истории страны, в патриотическом плане, на что указывают такие маркеры, как наименование национальных русских признаков общества (*русская земля, воскресшая Россия, русские дети, племя русских могикиан*); наименование русской национальности (*племя русских могикиан, наш (русский) народ*); наименование малой Родины человека (*станция детства Зима*). Третья мотивационная сцепка оформляет звуковой образ пустоты, запустения современной России, рождая щемящее чувство боли по поводу происходящего в стране. Кроме того, в мотивационную цепь вовлекается слово **постскриптум**, которое имеет общий с другими словами формальный сегмент «скрип». На основе индивидуально-авторской мотивации слово приобретает дополнительное эмоционально-экспрессивное значение: в нем слышится скрип уставшего пера истории. Поэтому в стихотворении осязаемо не только скрипение пустых качелей, но и скрип истории, которая для России может быть окончена (*мы оказались в постскриптуме*).

Образ скрипа детских качелей привносит в стихотворение также и экзистенциальное, бытийное прочтение социальных проблем России. Маркерами отнесения мотивационной сцепки в подраздел «Экзистенциальный план» являются: *история века дописана; мы оказались в постскриптуме; ускользающая русская земля; пугает ночами поскрипывание; заржавленные от обид железные кольца; веревки, изрядно уже перетершиеся; крест-накрест забит (детсад); будто бы река без рыб, будто небеса без птиц, детский сад без детских лиц; как мы, станция Зима, уцелеем от беды; бездетный народ незаметно окажется при смерти; страшно смотреть, как над кладбищем бывших идей в качелях детсадовских ветер качает лишь призраки еще до рождения вымерших русских детей; наш народ, ты не погиб*. Выделенные слова и выражения акцентируют семантику смерти, предела, страха. Слово **постскриптум** в этом контексте приобретает соответствующее значение, значение «послебытия», бытийного конца, законченного существования.

Таким образом, третья мотивационная сцепка отражается в трех подразделах (предметно-бытовой, патриотический, экзистенциальный планы) словаря со ссылкой на основную словарную статью, расположенную в подразделе «Социальный план». Иллюстрирующий контекст в этом случае использовать нецелесообразно, поскольку он будет полностью повторять текст исходной словарной статьи.

Индивидуально-авторская мотивация, связанная со словом *постскрипtum*, обуславливает отнесение третьей мотивационной сцепки (во главе со словом *постскрипtum*) в соответствующий словарный блок в патриотический и экзистенциальный план. При этом в словарной статье в подразделе «Экзистенциальный план» используется ссылка на словарную статью с иллюстрирующим микроконтекстом в подразделе «Патриотический план», которая, в свою очередь, имеет ссылку на основную словарную статью с полным контекстом. Здесь также реализуется принцип текстоцентризма словаря, заключающийся в последовательной ссылочной системе в ситуации «один прием – два (и более) плана изображения»:

ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКАЯ МОТИВАЦИЯ

1. Характеристика окружающего мира

3. ПАТРИОТИЧЕСКИЙ ПЛАН

Постскрипtum – скрип-скрип-скрип – поскрипыванье – скрипеть

*Как на станции Зима/ что-то тихо спят дома,/ ставни ерзают,/ ворота,/ и под шамканье омета,/ под кряхтение заплота,/ словно где-то у кого-то/ тоже тяжкий недосып,/ раздается:/ скрип-скрип-скрип... / История века дописана./ Мы оказались в **постскриптуме**,/ цепляясь за ключья/ из ускользающей русской земли./ На станции детства – Зима/ так пугает ночами **поскрипыванье**,/ страшней,/ чем **скрипели** когда-то колодезные журавли. (Пустые качели, 1994)*

См. кл. сл. I, 2: детство

8. ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ ПЛАН

Постскрипtum – скрип-скрип-скрип – поскрипыванье – скрипеть

См. ИАМ, I, 3: постскрипtum

Мотивационная цепка с иллюстрирующим микроконтекстом подается в разделе «Патриотический план», а не в разделе «Экзистенциальный план», не на основе понимания приоритетности патриотического плана перед экзистенциальным в стихотворении (разъять эти два смысла не представляется возможным, они находятся в тесном взаимодействии друг с другом), а на основе принятой нумерации перечня подразделов словаря (сначала в перечне упоминается патриотический (3), а затем экзистенциальный (8) план).

Степень глубины проблемы пересечения планов изображения действительности в стихотворении, а следовательно, проблемы распределения МСС по разделам и подразделам словаря, существенно увеличивается, когда предметом анализа становятся аллегорические тексты. Доля аналитического субъективизма в трактовке некоторых из них может существенно возрастать (что можно было наблюдать при анализе художественного образа, обозначенного мотивационной цепкой **скрип-скрип – постскриптум – поскрипыванье – скрипеть – скрип-скрип-скрип-скрип – скрип-скрип-скрип-скрип – скрип-скрип-скрип-скрип** в рассмотренном выше стихотворении).

Стихотворение «Кладбище китов» (1967) характеризуется двухплановой структурой: в центре изображения конкретная ситуация охоты за китами, которая приобретает некое аллегорическое значение. От прочтения, интерпретации этой аллегории зависит расположение в целом мотивационного комплекса в том или ином подразделе словаря.

В целом стихотворение посвящено проблеме существования личности большого масштаба во взаимоотношениях с обществом и властью, поэтому мотивационный комплекс располагается в подразделе «Социальный план»:

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

1. Характеристика окружающего мира

2. СОЦИАЛЬНЫЙ ПЛАН

Кит кл. сл., мтф., I, 2, 4, 7 – **кит – кит – кит – китовый – ките-ныш** ант., II, 5 – **кит – кит – китобой** ант., I, 2, 4, 7 – **кит – кит / Гарпун** кл. сл., мтф., I, 1, 2 – **гарпун – гарпун – гарпун – гарпун-ный – гарпун – гарпун – Главгарпунотрест** ПО ВФС, I, 2 – **гарпунный / Мягковатый** кл. сл., парал., риф., I, 1, 2 – **мелковатый – мелкий – мель** мтф., I, 2, 7 / **Великий** кл. сл., I, 4 – **величье – вели-**

чье – величье – безличье ант., риф., I, 2, 4 (зубы ПО ВФФ, I, 1, 2 – зубы) (вколоченный акц., I, 1, 2 – вбивать - всадив) (лед акц., I, 7 – ледяной) (дуга – радуга ПО ВФС, I, 7) (горбатый акц., II, 1 – эскимос – эскимос – эскимос-горбун – эскимос) (вода мтф., I, 7, 8 – вода) (не-скромность риф., I, 4 – огромность – огромность) (нацелясь акц., I, 1, 2 – прицел) (гонка акц., I, 1, 2 – загон) (кровавый акц., I, 1, 2, 4 – кровь – кровавый) (убивать акц., I, 1, 2 – убийца)

На кладбище **китов**/ на снеговом погосте/ стоят взамен крестов/ их собственные кости./ Они не по зубам – / все зубы **мягковаты**./ Они не по супам – / кастрюли **мелковаты**./ Их вьюга, тужась, гнет, / но держатся – порядок! – / вколоченные в лед,/ как дуги черных радуг./ **Горбатый эскимос**,/ тоскующий по стопке,/ как будто бы вопрос,/ в них заключен, как в скобки./ Кто резво щелкнул там?/ Ваш фотопыл умерьте!/ Дадим покой **китам**/ хотя бы после смерти./ А жили те **киты**,/ людей не обижая, / от детской простоты/ фонтаны обожая./ И солнца красный шар/ плясал на струях белых.../ «**Киты** по борту! Жарь!/ Давай, ребята, бей их!)/ Спаситесь куда-нибудь?/ Но ты — пространства шире./ А под воду нырнуть – / воды не хватит в мире./ Ты думаешь, ты бог?/ Рисковая нескромность./ **Гарпун** получишь в бок/ расплатой за огромность./ Огромность всем велит/ охотиться за нею./ Тот дурень, кто **велик**./ Кто **мельче** — тот умнее./ Плотва, как вермишель./ Среди ее **безличья**/ дразнящая мишень — беспомощность **величья**!/ Бинокли на борту/ в руках дрожат, нацелясь,/ и с **гарпуном** в боку/ Толстой бежит от «цейсов»./ **Величью** **мель** страшна./ На камни брошен гонкой,/ обломки **гарпуна**/ выхаркивает Горький./ Кровав **китовый** сан./ **Величье** убивает,/ и Маяковский сам/ **гарпун** в себя вбивает./ **Китеныш**, а не **кит**,/ но словно **кит** оцеплен,/ **гарпунным** тросом взвит,/ качается Есенин./ Почти не простонав,/ по крови, как по следу,/ уходит Пастернак/ с обрывком троса в Лету./ Хемингуэй молчит,/ но над могилой грозно/ **гарпун** в траве торчит,/ проросший ввысь из гроба./ И, скрытый за толпой,/ кровавым занят делом, даласский **китобой**/ с оптическим прицелом./ ...Идет большой загон,/ а после смерти — ласка./ Честнее твой закон,/ жестокая Аляска./ На кладбище **китов**/ у ледяных торосов/ нет ханжеских цветов – / есть такт у эскимосов./ Эх, эскимос-горбун, – / у белых свой обычай./ сперва всадив **гарпун**,/ поплакать над добычей./ Скорбят смиренней дев,/ со-сут в слезах пилюли/ убийцы, креп надев,/ в почетном карауле./

*И промысловики,/ которым здесь не место,/ несут **китам** венки/ от **Главгарпунотреста**./ Но скручены цветы/ стальным **гарпунным** тросом./ Довольно доброты!// Пустите к эскимосам! (Кладбище китов, 1967)*

В центре лирической структуры природный образ (киты) и предметно-бытовая ситуация (охота за ними). Этим обусловлено фиксирование соответствующих мотивационных сцепок в подразделах «Предметно-бытовой план» (1) и «Природный план» (7). При том, что основным планом изображения художественной действительности является социальный план (2), весьма существенным оказывается и культурный план (4) прочтения основной проблематики.

Культурный план изображения художественной действительности в стихотворении предполагает рассмотрение духовной сферы жизнедеятельности общества, подразумевающей активную творческую деятельность человека в образовании, науке, искусстве и других сферах. Маркерами отнесения МСС в подраздел «Культурный план» являются наименования видов искусства, наименование музыкальных инструментов и инструментов, связанных с другими видами искусства, наименование культовых объектов искусства, наименование людей искусства по роду их деятельности, имена собственные творческих личностей, характерологические наименования искусства и творческих личностей и др. В данном случае в центре внимания авторской рефлексии находится образ кита, который осмысливается как символ творческой личности, личности огромного масштаба. В стихотворении китами названы Толстой, Горький, Маяковский, Есенин, Пастернак, Хэмингуэй. Эти имена собственные являются маркерами отнесения МСС в семантический подраздел «Культурный план».

Мотивационный комплекс в данном стихотворении содержит 15 мотивационных сцеплений, которые располагаются в различных подразделах МПС Е. Евтушенко:

1) **Кит** кл. сл., мтф., 1, 2, 4, 7 – **кит** – **кит** – **кит** – **китовый** – **китеньш** ант., II, 5 – **кит** – **кит** – **китобой** ант., I, 2, 4, 7 – **кит** – **кит**. МСС выполняют функцию ключевых слов, обозначая центральный образ стихотворения. Поскольку МСС используются как в прямом, так и в переносном смысле, то они фиксируются также и в словарном блоке «Метафора». Данная мотивационная сцепка отмечается также в словарном блоке «Антитеза» во главе со словом *китобой*, в

подразделе «Социальный план» (китобой олицетворяет собой политическую силу, власть) и в подразделе «Культурный план» (кит олицетворяет собой человека, который масштабом своей личности угрожает власти). Авторское внимание акцентируется на образе Есенина (*китеньиш – кит*), поэтому данная мотивационная пара фиксируется в разделе «Характеристика персонажа» словарного блока «Антитеза».

2) **Великий** кл. сл., I, 4 – **величье – величье – величье – безличье** ант., I, 2, 4. МСС выполняют функцию ключевых слов, характеризую центральный объект авторской рефлексии – китов, поэтому они фиксируются дополнительно в том же подразделе словарного блока «Ключевые слова», что и основная мотивационная сцепка 1. Антитеза *безличье – величье* противопоставляет два мира: мир обывательский, мир толпы (*Плотва, как вермишель./ Среди ее безличья...*) и мир людей-китов (*...дразнящая мишень — беспомощность величья!*), поэтому антитеза фиксируется как в подразделе «Социальный план», так и в подразделе «Культурный план».

3) **Нескромность** риф., I, 4 – **огромность – огромность**. МСС непосредственно характеризуют центральный образ, т.е. китов, поэтому они относятся также к подразделу «Культурный план».

4) **Кровавый** акц., I, 1, 2, 4 – **кровь – кровавый**. Члены данной мотивационной сцепки характеризуют как образ кита (*кровав китовый сан; по крови, как по следу, уходит Пастернак*), так и образ власти (*кровавым занят делом, даласский китобой*), которая имеет характеристики, связанные с насилием. Хотя образ власти недостаточно ясно очерчен, по определенным маркерам можно судить о том, что насилие олицетворяет именно власть в политическом смысле (*главгартунотрест, почетный караул*). Кроме того, биография каждого из перечисленных культурных деятелей связана с политическими гонениями, репрессиями, противостоянием политических кланов (если говорить о Кеннеди). Поэтому данные МСС фиксируются как в подразделе «Культурный план», так и в подразделе «Социальный план».

Мотивационные сцепки, характеризующие власть в ее репрессивной, насильственной сущности, относятся к подразделу «Социальный план». Одновременно они отмечаются и в «Предметно-бытовом плане», поскольку в прямом смысле характеризуют предметную ситуацию (охота):

5) **вколотенный** акц., I, 1, 2 – **вбивать** – **всадив**

6) **нацелясь** акц., I, 1, 2 – **прицел**

7) **гонка** акц., I, 1, 2 – **загон**

8) **убивать** акц., I, 1, 2 – **убийца**.

Данные мотивационные сцепки отмечаются в словарном блоке «Акцентирующая мотивация» сначала в подразделе «Социальный план» (поскольку в стихотворении важен именно иносказательный смысл) с иллюстрирующим микроконтекстом, затем в подразделе «Предметно-бытовой план» без иллюстрирующего контекста с соответствующими ссылками.

9) **Гарпун** кл. сл., I, 1, 2; мтф., I, 2 – **гарпун** – **гарпун** – **гарпун** – **гарпунный** – **гарпун** – **гарпун** – **Главгарпунотрест** ПО ВФС, I, 2 – **гарпунный**.

Данная мотивационная сцепка выполняет функцию ключевых слов в стихотворении, эксплицируя, наряду с МСС **кит** – **кит** – **кит** – **кит** – **китовый** – **китеныш** – **кит** – **кит** – **китобой** – **кит**, проблему противостояния личности и власти, поэтому она относится к социальному плану изображения действительности. Дополнительно она отмечается в словарном блоке «Метафора» (использование семантической мотивации). Окказионализм *главгарпунотрест* (наименование построено по образцу названий государственных советских ведомств) становится во главе мотивационной сцепки в словарном блоке «Прием «оживления» внутренней формы слова», подразделе «Социальный план».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

I. Характеристика окружающего мира

1. ПРЕДМЕТНО-БЫТОВОЙ ПЛАН

Гарпун – **гарпун** – **гарпун** – **гарпун** – **гарпунный** – **гарпун** – **гарпун** – **Главгарпунотрест** – **гарпунный**

См. кл. сл., I, 2: **гарпун**

2. СОЦИАЛЬНЫЙ ПЛАН

Гарпун – **гарпун** – **гарпун** – **гарпун** – **гарпунный** – **гарпун** – **гарпун** – **Главгарпунотрест** – **гарпунный**

*Ты думаешь, ты бог?/ Рисквая нескромность./ **Гарпун** получишь в бок/ расплатой за огромность. <...> Бинокли на борту/ в руках дрожат, нацелясь,/ и с **гарпуном** в боку/ Толстой бежит от «цейсов»./ Величью мель страшна./ На камни брошен гонкой,/ об-*

ломки **гарпуна**/ выхаркивает Горький./ Кровав китовый сан./ Величье убивает,/ и Маяковский сам/ **гарпун** в себя вбивает./ Китеныш, а не кит,/ но словно кит оцеплен,/ **гарпунным** тросом взвит,/ качается Есенин. <...> Хемингуэй молчит,/ но над могилой грозно/ **гарпун** в траве торчит,/ проросший ввысь из гроба./ <...> Эх, эскимос-горбун, – / у белых свой обычай:/ сперва всадив **гарпун**,/ поплакать над добычей. <...> И промысловики,/ которым здесь не место,/ несут **китам** венки/ от **Главгарпуностреста**./ Но скручены цветы/ стальным **гарпунным** тросом./ Довольно доброты!/ Пустите к эскимосам! (Кладбище китов, 1967)

См. кл. сл., I, 2: кит

МЕТАФОРА

1. Характеристика окружающего мира

2. СОЦИАЛЬНЫЙ ПЛАН

Гарпун – гарпун – гарпун – гарпун – гарпунный – гарпун – гарпун – Главгарпунострест – гарпунный

См. кл. сл., I, 2: гарпун

ПРИЕМ «ОЖИВЛЕНИЯ» ВНУТРЕННЕЙ ФОРМЫ СЛОВА

1. Характеристика окружающего мира

2. СОЦИАЛЬНЫЙ ПЛАН

Главгарпунострест – гарпун – гарпун – гарпун – гарпун – гарпунный – гарпун – гарпун – гарпунный

См. кл. сл., I, 2: гарпун

В стихотворении затрагивается также проблема противопоставления толпы, обывательского мира и личности. Данная тема акцентируется с помощью следующих мотивационных сцепок:

10) **Мягковатый** кл. сл., парал., риф., I, 1, 2 – **мелковатый – мелкий – мель** мтф., I, 2, 7. Мотивационная сцепка выполняет функцию ключевых слов, обозначая свойства предметного (маркеры: *зубы мягковаты, кастрюли мелковаты*) и природного (*кто мельче (плотва), мель (на камни брошен гонкой)*) мира, которые индизаторно характеризуют социальный мир. Обывательский мир метафорически осмысляется как *мель*, на которой людям-китам нет возможности существовать, поэтому данная мотивационная сцепка во главе со словом **мель** фиксируется в словарном блоке «Метафо-

ра» («Социальный план»). Мотивационная пара **мягковатый – мелковатый** оформляет рифму и акцентирует синтаксический параллелизм (*Они не по зубам – / все зубы мягковаты./ Они не по супам – / кастрюли мелковаты*), подчеркивая приземленность обывательского мира, поэтому она фиксируется в словарных блоках «Параллелизм» и «Рифма». Мотивационная сцепка с иллюстрирующим микроконтекстом фиксируется в словарном блоке «Параллелизм» (поскольку параллелизм более содержательно емкий прием, чем рифма). В словарном блоке «Рифма» фиксируется только мотивационная сцепка со ссылкой на словарную статью с иллюстрирующим микроконтекстом в блоке «Параллелизм».

11) **Зубы (не по зубам)** ПО ВФС, I, 1, 2 – зубы. Данная мотивационная пара (семантическая мотивация) актуализирует смысл фразеологизма *не по зубам*, имеющего переносный смысл («нет или не хватает, недостаёт умения, способностей, силы и т. п. на что-либо» [3]), переводя предметную ситуацию в иносказательную сферу: обывателю невозможно понять человека-кита, т.е. человека-творца, поскольку пространство его бытия шире обывательского мира, мира *супов* и *кастрюль*. Исходя из этого МСС фиксируются в словарном блоке «Прием «оживления» внутренней формы фразеологизма», в подразделе «Социальный план».

12) **Вода** мтф., I, 7, 8 – вода. Данные слова связаны на основе семантической мотивации: первое слово использовано в прямом значении, второе – подразумевает переносный смысл: вода осмысляется как некое содержание мира (*воды не хватит в мире*), которое гораздо уже, беднее, чем содержание внутреннего мира человека-кита (*Но ты – пространства шире; Ты думаешь, ты бог?*). Исходя из этого вода – это характеристика мира в различных ипостасях, мира вообще (и мир физический, предметный, природный, и мир человеческих взаимоотношений, социальный, социально-политический). В этом мире невозможно спастись человеку-киту (*Спастись куда-нибудь?/ Но ты – пространства шире*), он обречен на смерть. Обобщенный смысл образа воды в контексте, в соседстве с экзистенциальной темой смерти, темой противостояния личности и бытия как такового, позволяет зафиксировать данные МСС в подразделе «Экзистенциальный план».

13) **Лед** акц., I, 7 – ледяной. МСС акцентируют природные аспекты поэтического изображения.

14) **Дуга – радуга** ПО ВФС, I, 7. Сравнение костей китов с *дугами черных радуг* подчеркивают искаженный в результате человеческой деятельности облик природы. «Оживление» внутренней формы слова *радуга* контрастно заостряет данный смысл: радуга – позитивный образ, дуги костей – негативный.

15) **горбатый** акц., II, 1 – **эскимос** – **эскимос** – **эскимос-горбун** – **эскимос**. МСС акцентируют внимание на персонаже, на его внешних характеристиках.

Анализ текстов показал, что пересечение двух и более планов изображения художественной действительности в стихотворениях является типичным. Как в реальности, так и в художественном мире произведений различные аспекты жизни тесно переплетены. Искусственное их разъятие преследует аналитическую цель – представить функции мотивации в художественном тексте наиболее детализированно. Отнесение мотивационной сцепки в тот или иной семантический раздел МПС, а также в тот или иной план изображения художественной действительности внутри разделов связано с неизбежным субъективизмом восприятия исследователем тех или иных текстов. Поэтому необходим поиск объективных критериев определения принадлежности МСС к тому или иному плану изображения художественной действительности. Весьма продуктивно в этом смысле опираться на лингвистические маркеры, наиболее полную классификацию которых следует разработать (для каждого семантического раздела и подраздела). В связи с этим насущной становится проблема введения интерпретационной зоны в структуру словарной статьи, например в виде различных маркеров, являющихся объективным критерием отнесения МСС в тот или иной подраздел словаря. Интерпретационная зона способствует адекватному восприятию мотивов как лексических единиц, оформляющих тот или иной план изображения художественной действительности в стихотворении. Это особенно актуально в аспекте рассмотрения многоплановых текстов с символической, аллегорической системой образов. Использование интерпретационной зоны в структуре словарной статьи позволит представить корпус словаря в более объективном виде.

Литература

1. Блинова О.И. Русская мотивология: учеб.-метод. пособие. – 3-е изд., перераб. и доп. – Томск, 2005. – 68 с.

2. *Литературный энциклопедический словарь* / под ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. – М., 1987. – 750 с.

3. *Федоров А.И.* Фразеологический словарь русского литературного языка. М., 2008. – 880 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://phraseology.academic.ru/>

PROBLEMS OF COMPILING THE MOTIVATIONAL POETIC DICTIONARY OF YE. YEVTUSHENKO.

Journal of Lexicography, 2014, 2 (6), pp. 68–93.

Mikhaylova Olga S., Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: filologia@inbox.ru

Keywords: lexical motivation, lexicography, linguistic poetics.

The Motivational Poetic Dictionary of Ye. Yevtushenko is a linguistic and poetic dictionary; its purpose consists in reflection of the specifics of not only the author's word usage, but also the author's world image. Such a concept of the dictionary causes complexity of its structure: the dictionary is divided into dictionary blocks ("Antithesis", "Metaphor", "Key-words", etc.), dictionary blocks are divided into semantic sections ("Description of the world around", "Character description", "Lyrical hero description"), semantic sections are divided into semantic subsections (planes of the poetic reality depiction: social, socio-political, gender, etc.).

In the course of work on the dictionary questions of structuring the dictionary corpus became urgent: the question of assigning motivational groups to semantic sections, as well as to planes of the poetic reality depiction within sections; distant motivation and motivational blocks representation problem; the problem of reflection of motivational groups multifunctionality in the structure of the entry of the motivational poetic dictionary.

To discuss these designated the article presents a fragment of the Motivational Poetic Dictionary of Ye. Yevtushenko. It contains samples of entries of the dictionary block "Key-words". Words connected on the basis of lexical motivation as keywords are words concentrating information borne by the whole text, they reflect the main subject, idea, sense of the poem, express the central artistic image the being a structural framework of a poetic work. The formal feature of this use of motivation is the distant arrangement of motivators in various points of the poetic text and the use of various (two and more) motivational groups connected with each other on the associative and semantic basis. Considering words connected on the basis of lexical motivation as keywords owing to their features allows to illustrate all designated problems of compiling the Motivational Poetic Dictionary of Ye. Yevtushenko.

One of the most important problems of drawing up the motivational poetic dictionary is the problem of motivational groups reference to its semantic sections and subsections. Complexity of this analytical operation is connected with the overlapping of the semantics of the allocated sections and planes of the poetic reality depiction. Searches of objective criteria of reference of words connected on the basis of lexical motivation in this or that section are reflected in the extensive summary table which represents text markers of reference of motivational groups to this or that semantic section of the dictionary and its subsections.

References

1. Blinova O.I. *Russkaya motivologiya* [Russian motivology]. 3rd edition. Tomsk: Tomsk State University Publ., 2005. 68 p.
2. Kozhevnikov V.M., Nikolaev P.A. (eds.) *Literaturnyy entsiklopedicheskiy slovar'* [Literary Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1987. 750 p.
3. Fedorov A.I. *Frazeologicheskiy slovar' russkogo literaturnogo yazyka* [Phraseology Dictionary of the Russian Literary Language]. Moscow: Astrel', AST Publ., 2008. 880 p. Available at: <http://phraseology.academic.ru/>

Л.И. Шелепова

ШУКШИНСКАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ

В статье представлена типология словарей (энциклопедических, лингвокультурологических, лингвистических), созданных на материале творчества В.М. Шукшина. Подробно освещаются история создания, проблемы и принципы составления «Словаря диалектизмов в произведениях В.М. Шукшина». Внимание автора сосредоточено на анализе словника данного лексикографического труда и зоне интерпретации значений объясняемых слов. Показана необходимость при определении значений диалектных слов в языке писателя тщательного и всестороннего учёта контекста. Приведены примеры словарных статей.

Ключевые слова: творчество В.М. Шукшина, шукшиноведение, лексикография, типология словарей, диалектизм.

Авторская (писательская) лексикография относится к числу направлений, активно развиваемых в современной словарной науке. На сегодняшний день определены основные периоды в истории авторской лексикографии, предложены типологии авторских словарей, выявлены черты их макроструктуры и микроструктуры [1].

Среди многочисленных словарей, созданных на материале произведений писателей, достойное место занимает шукшинская лексикография, анализу которой посвящена данная статья.

Перед исследователями творчества В.М. Шукшина неоднократно вставал вопрос о необходимости создания разноаспектных словарей языка писателя. Пожалуй, впервые поставила этот вопрос И.А. Воробьева, предложив в 1989 г. два проекта: ономастического словаря по произведениям В.М. Шукшина [2] и словаря языка В.М. Шукшина [3].

В настоящее время можно уже представить определенную типологию словарей, составленных на материале творчества В.М. Шукшина. Так, к словарям энциклопедического типа относятся: 1) издание «Творчество В.М. Шукшина: Энциклопедический словарь-справочник» (научный редактор А.А. Чувакин), цель которого – «дать в систематизированном виде краткие сведения о творчестве В.М. Шукшина в целом и о литературно-художественном творчестве в частности, а также о филологическом шукшиноведении как формирующейся отрасли гуманитарного знания» [4. Т. 1. С. 8]; 2) «Шук-

шинская энциклопедия» (главный редактор и составитель С.М. Козлова), ориентированная на массового читателя и посвященная (в связи с этим) главным образом описанию художественных произведений писателя [5]. К лингвокультурологическим словарям тяготеет «Словарь языка Василия Шукшина» В.С. Елистратова [6], в котором лексика произведений писателя объясняется в культурно-историческом контексте. Как лингвистические словари можно квалифицировать тематико-частотный словарь В.М. Шукшина, содержащий языковые единицы, репрезентирующие «человека телесного» в художественной прозе писателя, составленный И.Б. Ковалевой [7], а также толковые (объяснительные) словари: «Словарь фразеологизмов в произведениях В.М. Шукшина» А.Д. Соловьевой [8], «Словарь языка рассказов В.М. Шукшина» Т.Ф. Байрамовой и В.П. Никишаевой [9] и «Словарь диалектизм в произведениях В.М. Шукшина», созданный И.А. Воробьевой [10].

Словарь И.А. Воробьевой, как один из первых опытов лексикографического описания языка В.М. Шукшина [11. С. 106–107], заслуживает самого пристального внимания. Интерес представляют история создания словаря, проблемы и принципы его составления, а также те трудности, с которыми встретились редакторы словаря при подготовке его к изданию.

Подготовку диалектного словаря по произведениям В.М. Шукшина И.А. Воробьева начала в рамках коллективной работы над энциклопедическим словарем-справочником «В.М. Шукшин. Жизнь и творчество». В 1997 г. (уже после смерти ученого) выходит из печати ее программное исследование «Региональная культура в лексике прозаических произведений В.М. Шукшина», явившееся частью коллективной монографии «Проза В.М. Шукшина как лингвокультурный феномен 60–70-х годов» [12]. Здесь (вслед за другими исследователями) И.А. Воробьева акцентирует внимание на том, что основой индивидуального стиля В.М. Шукшина несомненно выступает разговорно-обиходный язык. Причем в своем творчестве писатель опирался не только на разговорную стихию литературного языка, но и на просторечие и диалектную речь, которую он знал с детства, впитав ее, по собственному выражению, “с молоком матери”. И.А. Воробьева обращает внимание на тот факт, что В.М. Шукшин не только хорошо знал говор родного алтайского села Сростки, который в первую очередь и отразился в его произведениях, но и запи-

сывал специально речь своих земляков. «Можно даже сказать, – подчеркивает И.А. Воробьева, – что у него [Шукшина] был профессиональный интерес к народному языку, словарь которого он хотел составить: «Сибирский разговорный словарь... чудится мне, что Сибирь есть та самая кладовая, которую давно пора открыть и выгresti все добро и раздать» [12. С. 111]. В приведенном исследовании И.А. Воробьевой представлен анализ (в аспекте взаимоотношения языка и культуры) достаточно большого массива диалектных слов, выбранных из романа «Любавины».

В этом же (1997) году продолжается публикация материалов И.А. Воробьевой к диалектному словарю по произведениям В.М. Шукшина: в работе «Творчество В.М. Шукшина. Опыт энциклопедического словаря-справочника» представлены предисловие к словарю и словарные статьи на буквы А – Л, подготовленные к печати сыном И.А. Воробьевой А.В. Морозовым [13]. В межвузовском сборнике статей «Язык прозы В.М. Шукшина: Теория. Наблюдения. Лексикографическое описание», вышедшем в 2001 г. в издательстве Алтайского университета, напечатан еще один фрагмент словаря (буквы М – О) [14].

Преждевременный уход из жизни (1996 г.) не позволил И.А. Воробьевой завершить словарь. Он (по большей части) сохранился в черновых набросках и материалах. Поэтому при подготовке словаря к полному изданию редакторы (В.А. Чеснокова и Л.И. Шелепова) сочли необходимым провести следующую работу.

Пожалуй, самая главная трудность заключалась в том, что до сих пор не издано полное собрание сочинений В.М. Шукшина. И.А. Воробьева (судя по всему) собирала диалектный лексический материал, фиксируя его на карточках, из разных изданий В.М. Шукшина, не документируя их, а отмечая лишь названия произведений. При редактировании словаря решено было опереться на пятикнижное издание литературного наследия писателя, осуществленное в 1986–1991 гг. Алтайским книжным издательством [15–19]. Составителем, автором большинства комментариев и послесловия здесь выступил доктор филологических наук, профессор В.Ф. Горн. Ценность данного издания заключается в том, что оно составлено по первым публикациям В.М. Шукшина, а это дает представление об авторском тексте (так публиковал сам Шукшин), хотя не всегда соответствует хронологическому принципу расположения рассказов. Таким обра-

зом, все контексты (иллюстративный материал), приведенные в словаре, документируются: в круглых скобках (как это было у И.А. Воробьевой) указывается название произведения, в квадратных (принцип, введенный редакторами) – книга и страница (по названному пятикнижному изданию).

В результате пословной проверки материалов, собранных И.А. Воробьевой, по указанному пятикнижному собранию произведений В.М. Шукшина, перепроверки по словарям (диалектным, современного русского языка) изменился отчасти словник словаря. В него были включены дополнительно более ста диалектных слов и выражений (например, *батун*, *батунок*, *белковать*, *будылья*, *братовья*, *копытья*, *курка*, *лесинка*, *логовинка*, *матря*, *оглоблина*, *отводи-на*, *сеструха*, *стеблина*, *не стой тебя*, *гвоздем лететь* и др.). Часть слов по тем или иным причинам была выведена из состава словника. Так, некоторые диалектные слова, выписанные И.А. Воробьевой из разных изданий, оказались непредставленными в привлеченном для работы над словарем издании (в основном из романа «Любавины»), например: *банить* – «мыть горячей водой», *бацкать* – «ударять с силой, энергично бить по чему-либо», *большак* – «старший сын», *варок* «хлев для домашнего скота», *выворотень* «вывороченное дерево», *взлобок* – «пригорок, возвышенное место» и нек. др. Не были включены в словарь (при его редактировании) лексические единицы, содержащиеся в материалах И.А. Воробьевой, которые в словарях современного русского языка даются с пометами «разг.» или «прост.», т.е. не являются словами диалектными (локально ограниченными), например: *навалом* – «в большом количестве», *нетороп-кий* «медлительный, неторопливый», *отбрехаться* – «отделаться отговорками», *похмелиться* – «опохмелиться», *прищучить* – «поймать, захватить» и др. Хотя решить задачу разграничения просторечного и диалектного слова (в связи с весьма подвижными границами между данными лексическими пластами) не всегда представляется возможным.

Подчеркнем, что в своей основе словник остался таким, каким сформировала его И.А. Воробьева. В окончательной редакции в словаре представлено лексикографическое описание около 1000 диалектных слов (вместе с вариантами), встречающихся в произведениях В.М. Шукшина. Как было задумано И.А. Воробьевой, сюда, кроме собственно диалектных слов, вошло несколько жаргонизмов

(главным образом из тюремного аргю); *замастырить*, *шалашовка*, *духарь* и др., небольшая часть фразеологизмов, а также некоторые специфически шукшинские слова и выражения: *глубинка* – «сокровенное, тайное (о душе)», *душа с перевивом* – «о человеке непросто, себе на уме», *красотень* – «красота» и др. Предполагается, что В.М. Шукшин как тонкий знаток диалекта, как человек, знающий говор изнутри, мог создавать новые (производные) слова по моделям диалектного (и не только диалектного) словообразования, как часто поступают и диалектоносители, создавая в своей речи новые слова.

Самая трудная область в любом толковом словаре, а тем более в словаре языка писателя (разновидностью которого является и анализируемый словарь), это зона определения значения слова. Принцип, сформулированный в предисловии к словарю («как правило, в словарной статье даётся общее значение, определяемое по «Словарю русских говоров Алтая» и другим диалектным словарям»), последовательно реализуется только при толковании слов, отражающих быт и уклад крестьянского хозяйства, флору и фауну данной местности, особенности социальной среды и т.п. Например: *заимка* – «земельный участок, удаленный от населенного пункта, занятый одним хозяином, с жилыми и хозяйственными постройками на нем»; *заплот* – «забор из толстых досок»; *западня* – «крышка погреба или подполья»; *кержак* – «старообрядец, старовер» и т.д. Во многих случаях определение значения слова требует тщательного и всестороннего учёта контекста. Приведем одну лишь иллюстрацию в подтверждение этого. В материалах И.А. Воробьёвой отмечается наречие *навыверт*. Такого слова, как показала проверка, нет ни в существующих диалектных словарях, ни в словарях современного русского языка (в том числе 17-томном). Значение слова в материалах И.А. Воробьёвой определено так: «То же, что *нараскоряк*». И приводится контекст из романа «Я пришел дать вам волю»: «Ну, эдак-то моя *тёшиша* бегала, даже *резвей!* Ноги-то *навыверт*». Слова *нараскоряк* в словнике не оказалось. В современном же «Словаре русских народных говоров», выпускаемом ныне в Санкт-Петербурге в издательстве «Наука», отмечено *нараскоряку* – «о широко, неуклюже расставленных ногах» [20. С. 120]. Привлечение более широкого контекста из романа В.М. Шукшина («Ну, эдак-то моя *тёшиша* бегала, даже *резвей!* Ноги-то *навыверт* <...> Это у твоей *навыверт-то* были <...> А у моей <...> ровные были ножки...») позволяет точнее опре-

делить значение приведённого наречия *навыверт* – «о недостаточно прямых (ровных), т.е. кривых ногах».

Приведем некоторые примеры словарных статей из «Словаря диалектизмов в произведениях В.М. Шукина».

АНАДЫСЬ, нареч. (**НАДЫСЬ**). Недавно, на днях. – *С Феклой анадысь зашли, посидели* («Любавины») [16. С. 226]. *Я одной тут надысь печку растопила, отсырели дровишки, хоть плачь* («Любавины») [16. С. 233].

БАЗЛАНИТЬ, ю, ишь, несов., неперех. Сильно, громко кричать, ругаться. – *Жена вам – скандал? – Не, она у меня не базланит* («Печки-лавочки») [15. С. 77]. *Она видит, дело плохо, давай базланить* («Страдания молодого Ваганова») [18. С. 31].

БАСТЫРКА, рка, м. Жердь, толстая палка для укрепления сена на возу. – *<...> может, запоздаем в деревню-то – стемнеет, поедем переулком, я и сброшу. Да и положила поверх бастырка здор-овой навильник* («Из детских лет Ивана Попова») [17. С. 366].

ВЕСЕЛНКА, и, ж. Весёлые огоньки в глазах. – *Он говорил спокойно, в маленьких умных глазах его мерцала веселinka* («Хозяин бани и огорода») [18. С. 195].

ВЕЧЕРЯТЬ, яю, яешь, несов., неперех. Ужинать. – *Когда стемнело, к Любавиным явились четверо: Кузьма, Федя Байкалов, Пронька Воронцов и Ганя Косых. Емельян Спиридоныч вечерял* («Любавины») [16. С. 280]. *Клавдя и девочки вечеряли* («Сапожки») [18. С. 237].

ВСАДИТЬСЯ ДО УШЕЙ. Сильно обмануться, ошибиться. – *Страшно, Коля, - говорила мать. – С одним всадилась до ушей... Но тогда хоть молодая была – простительно...* («Позови меня в даль светлую») [15. С. 95].

ВСТАТЬ (СТАТЬ) НА ДЫБОШКИ. Возмутиться, резко проявить несогласие, протест. – *Но в договоре этот пункт не помечен, и плотники встали «на дыбошки»: прилавок – не наше дело!* («Танцующий Шива») [18. С. 159]. *Хотел дочь свою так назвать... но жена на дыбошки стала* («Лёля Селезнёва с факультета журналистики») [16. С. 125].

ГЛЯНУТЬСЯ, нусь, нешься, несов. Нравиться. – *Тут народ разный. Если он к тебе: «Вы, мол, мне глянетесь, то-сё, разрешите вас под ручку», вы его по руке: «Не лезь!»* («Ваня, ты как здесь?») [17.

С. 212]. *А что, он тебе не глянется? – Кто? – Кто-кто!.. Ну парень-то, который лез-то* («Критики») [17. С. 155].

КАЗАНОК, нка, м. Сустав пальца. – *Федя казанком указательного пальца неуверенно стукнул в дверь* («Любавины») [16. С. 84]. <...> *Сашка и Костя постучали в дверь, обитую дерматином. – Пообивают двери – все казанки посибибашь об эти скобки* <...> («Хахаль») [18. С. 22]. *Постучал* <...> *казанком в дверь комнаты Веры Сергеевны* («Энергичные люди») [15. С. 380].

ЛОПОТИНА, ы, ж. Верхняя одежда. – *Пару коней я вам даю, две бороны, плуг... из лопотины – само собой: тулупишко, пимы. шаровары* («Любавины») [16. С. 215].

ПРЯСЛО, а, ср. Изгородь из жердей или досок, положенных горизонтально между вбитыми в землю кольями. – *Раза два наварлся на кобелей. Один перепугал насмерть: видно было – прыгнул через прясло, здоровенный, как телок* <...> («Любавины») [16. С. 30]. *Егор спустился в логовину, остановился поодаль от прясла*... («Любавины») [16. С. 271].

РЯСНЫЙ, ая, ое. Обильный, крупный. – *А одна баба у нас есть, смешная такая!.. Наткнулась на рясный куст и успевае в две руки, и успевае* («Хахаль») [8. С. 30]. *Торчмя торчат рясные початки – желтые и красные – облепихи* («Любавины») [17. С. 76]. *Домой Чудик приехал, когда шел рясный парной дождик* («Чудик») [17. С. 337].

СОСКОЧИТЬ С ЗАРУБКИ. Стать неуправляемым, выйти из норм поведения. – *Вань, – предостерегающе сказала мать, зная про сына, что он ни с того ни с сего может соскочить с зарубки* («Ванька Тепляшин») [18. С. 352].

ТОШНО МНЕЧЕНЬКИ. Плохо мне. – *Дочери повскакали из-за стола... Заахали, заохали. – Тошно мнеченьки! Батюшки мои!.. Да кому это? – Тебе, кому. – Тошно мнеченьки! – Клавдя села на кровать, кровать заскрипела...* («Сапожки») [18. С. 238]. *Тошно мнеченьки!.. Как же теперь? Грех ведь!* («Любавины») [16. С. 166].

УРОСЛИВЫЙ, ая, ое. Капризный, упрямый. – *Шах – он шах и есть: я ему одно, он другое: уросливый, кое-как уговорил* («Я пришел дать вам волю») [19. С. 40].

Когда «Словарь диалектизмов в произведениях В.М. Шукшина» находился в издательстве, стало известно о выходе из печати работы

В.С. Елистратова «Словарь языка Василия Шукшина» [6]. В аннотации отмечается, что словарь содержит около 1500 слов и 700 фразеологических единиц. В него вошли разговорно-просторечные, диалектные единицы, жаргонизмы, архаизмы, историзмы, а также шукшинские неологизмы, встречающиеся в опубликованных текстах писателя (включая драматургию, тексты сценариев, статьи, интервью, рабочие записи). Не проводя последовательного сравнения данного лексикографического труда со словарем И.А. Воробьевой, отметим лишь заметное несходство этих изданий в части толкования значений сибирских (алтайских) слов. Приведем в связи с этим один (достаточно курьезный) случай. В романе «Любавины» встречается глагол *накуряться* в контексте: *«Надо знающего человека – по рекето. А то накуреемся на порогах»*. Это, как свидетельствуют наши полевые записи, достаточно распространенное слово на Алтае и означает оно – «накупаться, погружаясь в воду с головой» [21. С. 43]. В «Алеше Бесконвойном» употреблен однокорневой глагол *курять* – «погружать на некоторое время в воду, окунасть» [22. С. 367] (*«Когда Алеша особенно заходил на полке <...> он курял голову прямо в эту ванну»*). В словаре В.С. Елистратова приводится тот же контекст (из «Любавиных») и слово *накуряться* толкуется следующим образом (совершенно неадекватно): «Провести много времени в бездействии, не имея возможности выйти из затруднительного положения <...>. Вероятно, от «курить» (прост. «курять»); имеется в виду долго просидеть в вынужденных перекурах» [6. С. 194–195].

Представленные словари свидетельствуют о том, что шукшиноведение в своем развитии достигло такого важного (зрелого) этапа, как лексикографическое описание творчества писателя. Однако лексикографическую работу по произведениям В.М. Шукшина нельзя считать завершённой, поскольку, как указывалось выше, «ещё не издано полное академическое собрание сочинений В.М. Шукшина. Многие тексты писателя <...> не опубликованы. Поэтому полной, завершённой картины языка В.М. Шукшина составить невозможно. В дальнейшем многое может быть дополнено и уточнено» [6. С. 4].

Литература

1. Шестакова Л.Л. Русская авторская лексикография: теория, история, современность: дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2012. – 570 с.

2. *Воробьева И.А.* Ономастический словарь по произведениям В.М. Шукшина // В.М. Шукшин: Жизнь и творчество: тез. докл. Всесоюз. науч.-практ. конф. – Барнаул, 1989. – С. 105–108.
3. *Воробьева И.А.* Словарь языка В.М. Шукшина // Лексикографический сборник. – Томск, 1989. – С. 21–32.
4. *Творчество В.М. Шукшина*: Энцикл. слов.-справ. / науч. ред. А.А. Чувакин. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004–2007. – Т. 1–3.
5. *Шукишинская энциклопедия* / гл. ред. и сост. С.М. Козлова. – Барнаул: Изд. Дом «Барнаул», 2011. – 518 с.
6. *Елистратов В.С.* Словарь языка Василия Шукшина. – М.: Азбуковник: Русские словари, 2001. – 432 с.
7. *Ковалева И.Б.* «Человек телесный»: опыт тематико-частотного словаря языка В.М. Шукшина. – Уфа: Антаир, 2011. – 118 с.
8. *Соловьева А.Д.* Словарь фразеологизмов в произведениях В.М. Шукшина // Творчество В.М. Шукшина: энцикл. слов.-справ. Т. 1 / науч. ред. А.А. Чувакин. – Барнаул, 2004. – С. 207–331.
9. *Байрамова Т.Ф., Никушаева В.П.* Словарь языка рассказов В.М. Шукшина. – Бийск: НИЦ, БПГУ им. В.М. Шукшина, 2002–2005. – Вып. 1–3.
10. *Воробьева И.А.* Словарь диалектизмов в произведениях В.М. Шукшина / отв. ред. Л.И. Шелепова. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. – 110 с.
11. *Шелепова Л.И.* Лексикография на Алтае: обзор диалектных и ономастических словарей // Вопр. лексикографии. – 2012. – № 2. – С. 104–109.
12. *Региональная культура в лексике прозаических произведений В.М. Шукшина* // Проза В.М. Шукшина как лингвокультурный феномен 60–70-х годов. – Барнаул, 1997. – С. 105–148.
13. *Воробьева И.А.* Словарь диалектизмов в произведениях В.М. Шукшина // Творчество В.М. Шукшина: Опыт энциклопедического словаря-справочника. – Барнаул, 1997. – С. 160–194.
14. *Воробьева И.А.* Материалы к диалектному словарю по произведениям В.М. Шукшина // Язык прозы В.М. Шукшина: Теория. Наблюдения. Лексикографическое описание. – Барнаул, 2001. – С. 161–172.
15. *Шукишин В.М.* Киноповести. Повести / сост. и авт. Комментар. В.Ф. Горн. – Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1986. – 496 с.
16. *Шукишин В.М.* Любавины: роман. Кн. 1: Сельские жители: ранние рассказы / комментарии В.Ф. Горна. – Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1987. – 464 с.
17. *Шукишин В.М.* Любавины: роман. Кн. 2: Рассказы / коммент. В.Ф. Горна. – Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1988. – 384 с.
18. *Шукишин В.М.* Рассказы / состав. и коммент. В.Ф. Горна. – Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1989. – 592 с.
19. *Шукишин В.М.* Я пришел дать вам волю: роман. Публицистика / общ. подгот. и послесл. В.Ф. Горна. – Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1991. – 506 с.
20. Словарь русских народных говоров. – Вып. 20 (накучать – негоразд) / гл. ред. Ф.П. Филин. – Л.: Наука, 1985. – 376 с.
21. *Историко-этимологический словарь русских говоров Алтая*. – Вып. 7: Н–О (набуривать – ошелмачить) / под ред. Л.И. Шелеповой. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2013. – 395 с.

22. *Историко-этимологический словарь русских говоров Алтая*. – Вып. 5: К (картузный – кьяман) / под ред. Л.И. Шелеповой. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2011. – 389 с.

LEXICOGRAPHY OF SHUKSHIN.

Journal of Lexicography, 2014, 2 (6), pp. 94–105.

Shelepova Lyudmila I., Altai State University (Barnaul, Russian Federation).
E-mail: lshelepova@yandex.ru

Keywords: V.M. Shukshin's works, studies of Shukshin, lexicography, dictionary typology, dialectism.

The article considers the dictionaries (encyclopedic, linguoculturological, linguistic) created on the basis of V.M. Shukshin's works. The author focuses on the analysis of the macrostructure and microstructure of one of the first experiments of this lexicographical direction – the *Dictionary of Dialect Words in the Works of V.M. Shukshin* by I.A. Vorobyova, the preparation of which began while working on the encyclopedic dictionary-reference book *V.M. Shukshin. Life and Work*. Early death (1996) did not allow I.A. Vorobyova to complete dictionary that mostly preserved in the drafts and materials. In its preparation for the publication the editors (V.A. Chesnokova and L.I. Shelepova) found it necessary to carry out the following work.

One of the main difficulties was the lack of the complete works of V.M. Shukshin. I.A. Vorobyova (apparently) was collecting dialectal lexical material, fixing it on cards from different editions of Shukshin's works without documenting them, only noting the titles. When editing the dictionary, a decision was made to rely on the five-volume edition of the literary heritage of the writer of 1986 – 1991 published by Altai Publishing House. The value of this edition is that it is made by the first publications of Shukshin, which gives an idea of the author's text.

As a result of the word by word verification of material collected by Vorobyova in the five-volume collected works of Shukshin and in dictionaries (dialectal, modern Russian language) the word list of the dictionary partly changed. It included more than one hundred additional dialect words and expressions. Part of the words, for a reason, was excluded from the word list. For instance, words from the material of Vorobyova that are marked as colloquial or highly colloquial in the modern Russian language dictionaries were not included in the dictionary (when editing it), for they are not dialect words, i.e. they are not locally limited. A comprehensive and thorough account of the context allowed specifying a number of definitions.

The final version of the dictionary has approximately 1,000 dialect words of all types found in the works of V.M. Shukshin. But for dialect and colloquial dialect lexical units the dictionary includes several jargon words (mainly from prison slang), a small part of idioms, as well as some Shukshin's neologisms. It is assumed that V.M. Shukshin as a connoisseur of dialects, a man knowing the dialect from within, could create new (derived) words by dialect (and not only dialect) word formation patterns, just like dialect speakers often do in their speech, when creating new words.

The presented dictionaries indicate that Shukshin studies in their development have reached a mature stage of the lexicographic description of the writer's work.

References

1. Shestakova L.L. *Russkaya avtorskaya leksikografiya: teoriya, istoriya, sovremennost'*. Dis. dokt. filol. nauk [Russian author lexicography: theory, history, modernity. Philology Dr. Diss.]. Moscow, 2012. 570 p.
2. Vorobyova I.A. [Onomastic dictionary by the works of V.M. Shukshin]. *V.M. Shukshin. Zhizn' i tvorchestvo: tez. dokl. vses. nauch.-prakt. konf.* [V.M. Shukshin. Life and Works: Abstracts of reports at the All-Union Scientific and Practical Conference]. Barnaul: Altai State University Publ., 1989, pp. 105–108. (In Russian).
3. Vorobyova I.A. *Slovar' yazyka V.M. Shukshina* [Dictionary of V.M. Shukshin's language]. In: *Leksikograficheskiy sbornik* [Lexicographic collection]. Tomsk, 1989, pp. 21–32.
4. Chuvakin A.A. (ed.) *Tvorchestvo V.M. Shukshina: Entsiklopedicheskiy slovar'-spravochnik* [Works of V.M. Shukshin: Encyclopedic Dictionary-Reference Book]. Barnaul: Altai State University Publ., 2004–2007. Vols. 1–3.
5. Kozlova S.M. (ed.) *Shukshinskaya entsiklopediya* [Shukshin's Encyclopedia]. Barnaul: Izdatel'skiy Dom "Barnaul" Publ., 2011. 518 p.
6. Elistratov V.S. *Slovar' yazyka Vasiliya Shukshina* [Dictionary of Vasilii Shukshin's language]. Moscow: Azbukovnik; Russkie slovari Publ., 2001. 432 p.
7. Kovaleva I.B. *"Chelovek telesnyy": opyt tematiko-chastotnogo slovarya yazyka V.M. Shukshina* ["Earthy man": the experience of the thematic-frequency dictionary of V.M. Shukshin's language]. Ufa: Antair Publ., 2011. 118 p.
8. Solov'eva A.D. *Slovar' frazeologizmov v proizvedeniyakh V.M. Shukshina* [Dictionary of idioms in the works of V.M. Shukshin]. In: Chuvakin A.A. (ed.) *Tvorchestvo V.M. Shukshina: Entsiklopedicheskiy slovar'-spravochnik* [Works of V.M. Shukshin: Encyclopedic Dictionary-Reference Book]. Barnaul: Altai State University Publ., 2004. Vol. 1, pp. 207–331.
9. Bayramova T.F., Nikishaeva V.P. *Slovar' yazyka rasskazov V.M. Shukshina* [Dictionary of the language of V.M. Shukshin's stories]. Biysk: NITs, BPGU im. V.M. Shukshina Publ., 2002–2005. Issues 1–3.
10. Vorob'eva I.A. *Slovar' dialektizmov v proizvedeniyakh V.M. Shukshina* [Dictionary of dialect words in the works of V.M. Shukshin]. Barnaul: Altai State University Publ., 2002. 110 p.
11. Shelepova L.I. Lexicography in Altai: review of dialect and onomastic dictionaries. *Voprosy leksikografii – Journal of Lexicography*, 2012, no. 2, pp. 104–109. (In Russian).
12. Vorobyova I.A. *Regional'naya kul'tura v leksike prozaicheskikh proizvedeniy V.M. Shukshina* [Regional culture in V.M. Shukshin's prose works lexicon]. In: Pishchal'nikova V.A. (ed.) *Proza V.M. Shukshina kak lingvokul'turnyy fenomen 60–70-kh godov* [Prose of V.M. Shukshin as a linguocultural phenomenon of the 60s – 70s]. Barnaul: Altai State University Publ., 1997, pp. 105–148.
13. Vorobyova I.A. *Slovar' dialektizmov v proizvedeniyakh V.M. Shukshina* [Dictionary of Dialect Words in V.M. Shukshin's Works]. In: Chuvakin A.A. (ed.) *Tvorchestvo V.M. Shukshina: Opyt entsiklopedicheskogo slovarya-spravochnika* [Works of V.M. Shukshin: experience of an encyclopedic dictionary-reference book]. Barnaul: Altai State University Publ., 1997, pp. 160–194.

14. Vorobyova I.A. *Materialy k dialektnomu slovaryu po proizvedeniyam V.M. Shukshina* [Materials for the dialect dictionary by works of V.M. Shukshin]. In: Chuvakin A.A. (ed.) *Yazyk prozy V.M. Shukshina: Teoriya. Nablyudeniya. Leksikograficheskoe opisanie* [Language of V.M. Shukshin's prose. Theory. Observations. Lexicographic description]. Barnaul: Altai State University Publ., 2001, pp. 161–172.
15. Shukshin V.M. *Kinopovesti. Povesti* [Movie-essays. Stories]. Barnaul: Altayskoye knizhnoye izdatel'stvo Publ., 1986. 496 p.
16. Shukshin V.M. *Lyubaviny: roman. Kniga pervaya. Sel'skie zhiteli: rannie rasskazy* [Lyubaviny: a novel. Book One. Village Dwellers: early stories]. Barnaul: Altayskoye knizhnoye izdatel'stvo Publ., 1987. 464 p.
17. Shukshin V.M. *Lyubaviny: roman. Kniga vtoraya. Rasskazy* [Lyubaviny: a novel. Book Two. Stories]. Barnaul: Altayskoye knizhnoye izdatel'stvo Publ., 1988. 384 p.
18. Shukshin V.M. *Rasskazy* [Stories]. Barnaul: Altayskoye knizhnoye izdatel'stvo Publ., 1989. 592 p.
19. Shukshin V.M. *Ya prishel dat' vam volyu: roman. Publitsistika* [I Came to Give You Freedom: a novel. Journalism]. Barnaul: Altayskoye knizhnoye izdatel'stvo Publ., 1991. 506 p.
20. Filin F.P. (ed.) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian Folk Dialects]. Leningrad: Nauka Publ., 1985. Issue 20, 376 p.
21. Shelepova L.I. (ed.) *Istoriko-etimologicheskii slovar' russkikh govorov Altaya* [Historical and etymological dictionary of the Russian dialects of the Altai]. Barnaul: Altai State University Publ., 2013. Issue 7, 395 p.
22. Shelepova L.I. (ed.) *Istoriko-etimologicheskii slovar' russkikh govorov Altaya* [Historical and etymological dictionary of the Russian dialects of the Altai]. Barnaul: Altai State University Publ., 2011. Issue 5, 389 p.

Е.А. Юрина, А.В. Боровкова

СПОСОБЫ ТОЛКОВАНИЯ ОБРАЗНЫХ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЙ, МОТИВИРОВАННЫХ НАИМЕНОВАНИЯМИ ПИЩЕВЫХ ПРОДУКТОВ, В «СЛОВАРЕ РУССКОЙ КУЛИНАРНОЙ МЕТАФОРЫ»¹

Статья посвящена описанию способа подачи в «Словаре русской кулинарной метафоры» цветообозначений, мотивированных наименованиями употребляемых в пищу продуктов. Определяется состав метафорически мотивированных колоризмов, анализируется их семантика, связанная с обозначением в русском языке сложных оттенков цветовой палитры по аналогии с окраской продуктов питания. Приводится унифицированная схема толкования колоризмов, а также словарные статьи, относящиеся к данной тематической группе.

Ключевые слова: образная лексика, фразеология, словарь, кулинарная метафора, цветообозначения.

Лингвокультурологический «Словарь русской кулинарной метафоры» [1] ориентирован на системную лексикографическую параметризацию одного из значимых фрагментов русской общезыковой образной системы, связанного с образным и символическим преломлением в языке гастрономической сферы внеязыковой действительности. Актуальность выбора системы вербализованных кулинарных образов в качестве объекта лексикографирования обусловлена их высокой метафорической активностью, широкой представленностью в лексическом и фразеологическом фонде современного русского языка и частотностью речевых словоупотреблений в разных видах современного дискурса, о чем свидетельствуют данные словарей и Национального корпуса русского языка [2]. Лингвокультурологическое и лексикографическое описание русской пищевой традиции в её современном дискурсивном преломлении является актуальным с социолингвистической точки зрения, поскольку демонстрирует определенный срез языкового существования современного носителя русского языка, связанный с традиционной пищей как фактором национальной идентичности. Именно жанр словаря тезаурусного типа позволит решить указанную теоретическую проблему, так как

¹ Исследование проведено при финансовой поддержке РГНФ. Грант № 14-04-00207 а – «Русская пищевая традиция в зеркале языковых образов: лингвокультурологическое и лексикографическое описание», 2014–2016 гг.

скую проблему, так как каждая исходная лексическая единица, называющая явления кулинарии и гастрономической деятельности, а также весь корпус метафорически производных лексических и фразеологических единиц с символическим и образным значением получит в нём ёмкую семантическую, функциональную и культурологическую характеристику.

Создание словаря предполагает унификацию словарных статей, описывающих однотипный языковой материал: выбор единообразной схемы толкования при лексикографической интерпретации сходных по семантике образных слов и выражений. В данной статье на примере единиц образного лексико-фразеологического поля «ЕДА/ПИЩА», выступающих наименованиями цвета через образы пищевых продуктов, будет продемонстрирована схема толкования образных цветообозначений.

По данным словарей и Национального корпуса русского языка [2] было выявлено 52 колоризма, мотивированных наименованиями пищевых продуктов. В их числе языковые метафоры (ЯМ): *абрикосовый, апельсиновый, арбузный, баклажанный, брусничный, в горох/горошек, вишневый, гороховый, горчичный, гранатовый, дынный, земляничный, кефирный, клубничный, клюквенный, коньячный, кофейный, кофе с молоком, кремовый, лимонный, лососевый, малиновый, медовый, молочный, морковный, мучнисто-белый, оливковый, ореховый, персиковый, пшеничный, салатный, сахарно-белый, свекольный, сливовый, сливочный, смородиновый, фисташковый, черничный, шафранный, шоколадный*; сравнительные обороты: *как апельсин, как дыня, как масло, как морковь, как огурец, как помидор, как свекла, как сметана, как яблоко*; компаративные обороты с существительным в родительном падеже: *цвета апельсина, цвета молока, цвета ряженки, цвета топленого молока*.

Для анализа семантики и функционирования данных колоризмов привлекались контексты, относящиеся к XX–XXI вв., подтверждающие актуальность использования образных единиц в современных дискурсивных практиках. Большое число цветообозначений, мотивированных наименованиями пищевых продуктов, а также частотность их речевого употребления позволяют сделать вывод о том, что модель уподобления «цвет чего-л. – как цвет еды» является весьма продуктивной. Так, в приведенном А.П. Василевичем списке из 56 предметов, чаще всего участвующих в образовании цветонаи-

менований в разных языках, 34 % (19 единиц) составляют продукты питания [3. С. 42].

Проблема лексикографического описания цветообозначений уже давно интересует лингвистов (А.П. Василевич [3, 4], Е.А. Косых [5], О.В. Крамкова [6], В.К. Харченко [7] и др.). По словам О.В. Крамковой, несмотря на изучение лексики цвета в различных аспектах (сравнительно-историческом, семантическом, психолингвистическом, лингвокультурологическом и т.д.), лексикографическое описание колоративов началось только в последнее время и требует тщательной проработки [6. С. 568].

Сложность описания колоризмов связана с психическим аспектом цветовосприятия: необходимостью различения значительного количества цветов и оттенков, воспринимаемых с большой долей субъективности. По данным «Каталога названий цвета» [4. С. 116–124], в русском языке насчитывается около 2000 наименований цвета, среди которых выделено 100 наиболее употребительных.

Число различаемых человеком оттенков велико. Выделяют ахроматические цвета, не имеющие цветового тона из спектра: черный, серый, белый; основные цвета спектра: красный, оранжевый, желтый, зеленый, голубой, синий, фиолетовый, а также множество смешанных цветов, производных из основных и отличающихся оттенками: бирюзовый, коричневый, малиновый, пурпурный и др. Если ахроматические и основные цвета спектра легко идентифицируются, то множество сложных оттенков цвета воспринимаются по-разному и смешиваются в процессе отождествления с эталоном. Один и тот же сложный цвет может быть поименован различными колоризмами, например: *лиловый, сиреневый, пурпурный, фиолетовый*. Следовательно, носители языка с трудом дифференцируют оттенки цвета, близкие по основному тону.

Возможно, эта ситуация объясняет тот факт, что номинация сложных цветов осуществляется по аналогии с различными объектами внеязыковой действительности, обладающими характерной окраской и входящими в круг повседневной жизнедеятельности, которые выполняют функцию эталона для определения цветового оттенка. В числе эталонных носителей цветового признака значительное место занимают съедобные растения и другие продукты, употребляемые в пищу: баклажан – эталон темно-фиолетового, вишня – эталон темно-красного с оттенком коричневого, апельсин – эталон

оранжевого цвета, шоколад – эталон теплого коричневого с добавлением желтого и др.

В процессе лексикографирования образных средств языка, мотивированных наименованиями явлений гастрономической сферы, обнаружилось значительное количество лексико-семантических вариантов, образных слов и сравнительных оборотов разной структуры, называющих оттенки цвета по аналогии с пищевыми продуктами.

Среди 52 образных цветообозначений, основанных на аналогии с пищевыми продуктами, встретилось 13 номинаций оттенков красного цвета, выражающих палитру оттенков от темного с фиолетовым до светло-розового: *свекольный, вишневый, гранатовый, брусничный, клюквенный, как свекла, как помидор, малиновый, клубничный, земляничный, арбузный, лососевый, как яблоко*. Оранжевый цвет представлен 5 образными номинациями: *апельсиновый, как апельсин, цвета апельсина, морковный, как морковь/морковка*. Желтый цвет называют 10 образных номинаций, расположенных от темных к светлым оттенкам: *горчичный, шафранный, дынный, как дыня, лимонный, абрикосовый, персиковый, медовый, пшеничный, как масло*. Зеленая палитра оттенков представлена 5 номинациями: *гороховый, оливковый, фисташковый, как огурец, салатный/салатовый*. Синий цвет находит отражение в метафоре *черничный*, а оттенки фиолетового обозначены в 3 языковых метафорах: *смородиновый, баклажанный/баклажановый, сливовый*. Оттенки коричневого представлены в 5 номинациях: *кофейный, шоколадный, коньячный, ореховый, кофе с молоком*. Белый цвет называют 10 образных единиц: *цвета топленого молока, цвета ряженки, кефирный, сливочный, кремовый, мучнисто-белый, как сметана, молочный, цвета молока, сахарно-белый*.

Образные номинации красного, оранжевого, зеленого, синего и фиолетового цветов мотивированы преимущественно названиями растительной пищи (кроме *лососевый*). Для обозначения желтого в качестве эталона цвета используются не только съедобные растения, но также мед и масло, продукты, обладающие определенным желтым оттенком. Наименования коричневых оттенков реализуют аналогию с напитками, окрашенными в этой гамме (кофе, коньяк), сладостями (шоколад) и цветом скорлупы фундука. Оттенки белого выражены через наименования молочных продуктов, муки и сахара.

Словарное представление образных цветообозначений потребовало разработку унифицированного способа толкования данной группы языковых единиц с опорой на опыт предшественников [3–9], а также на принципы лексикографирования образных средств языка, принятые в «Словаре русской кулинарной метафоры» [1. С. 10].

Формулировка лексического значения образной цветовой номинации предполагает указание на доминирующий оттенок основного цветового спектра, например *красный, желтый, зеленый* и т.п. Затем называются дополнительные дифференциальные признаки: цветовые оттенки, степень яркости, светлоты, прозрачности, блеска. Степень яркости выражена в толкованиях следующим образом: яркие оттенки обозначаются словами *яркий, насыщенный, интенсивный, густо-, сочно-* и противоположные оттенки – *бледный, блеклый, тусклый, размытый*. Степень светлоты выражена посредством включения в толкование прилагательных *темный, светлый*. Степень чистоты и прозрачности оттенка семантизируется в толковании посредством слов *мутный, грязный, чистый, прозрачный*. Степень блеска выражается лексическими компонентами толкования *блестящий, гляцевый, неоновый, матовый, приглушенный*.

В том случае, если цветовой признак, выступающий основанием сравнения, регулярно и устойчиво называется в сравнительной конструкции при ее дискурсивном функционировании, в заглавное слово выносится сравнительный оборот, включающий наименование основания сравнения: **КРАСНЫЙ, КАК ПОМИДОР; РУМЯНЫЙ, КАК ЯБЛОКО**. Во всех рассмотренных контекстах данные сравнительные обороты употреблялись с указанием на цветовой признак.

После формулировки основного значения в толкование вводится оборот с союзом *подобный*, указывающий на эталонный носитель цветового признака. Например, *подобный цвету кожуры апельсина*. В скобках указывается сфера референтной отнесенности цветового признака в том случае, если данный признак распространяется на ограниченный круг объектов: (о коже человека), (о явлениях природы) и т.п.

Представим образцы словарных статей, описывающих образные наименования оттенков цвета через аналогию с продуктами питания. Порядок подачи словарных статей соответствует различным категориям пищевых продуктов, выступающих в роли эталонов образной номинации цвета.

Образы съедобных растений

АБРИКОСОВЫЙ. ЯМ. Бледный, матовый розовато-желтый с легким коричневым оттенком, подобный цвету абрикоса. – *Глупо накрашенная Ася, слегка подрагивая головой, сняла с себя расшитое черными шелковыми ленточками абрикосового цвета пальто Анны Марковны...* (Л. Улицкая. Бедная родственница). *По матовой бледной коже струились волны нежнейшего абрикосового румянца* (М. Емцев, Е. Парнов. Последняя дверь // «Техника – молодежи», 1964).

КАК АПЕЛЬСИН. В сравн. Насыщенного глянцевого оранжевого цвета, подобного цвету кожуры апельсина. – *Он смотрел на черно-белую, самую точную карту неба и видел цветные звезды – голубые, как лед, белые, как электрическая лампочка, оранжевые, как апельсины, красные, как глаз маяка* (Е. Велтистов. Глоток солнца).

ЦВЕТА АПЕЛЬСИНА. Род. сравн. Насыщенного глянцевого оранжевого цвета, подобного цвету кожуры апельсина (о волосах, небе, свете лампы). – *Ну кого сейчас удивишь туфлями от Gucci, платьем от Vivienne Westwood или волосами цвета марокканского апельсина* (А. Гоголь. Спутница романтиков и олигархов (2001) // «Эксперт: Вещь», 2001.07.23).

АПЕЛЬСИНОВЫЙ ЯМ. Глянцевый ярко-оранжевый, подобный цвету кожуры апельсина. – *Вот, на, – Вильям принес из ванной комнаты и протянул ей апельсиновый халат* (Н. Медведева. Любовь с алкоголем).

АРБУЗНЫЙ. ЯМ. Матовый, насыщенный средне-розовый, подобный цвету мякоти арбуза (преимущественно о косметике, одежде, предметах интерьера, губах). – *Накрасив губы красной помадой, вы не сможете остаться незамеченной, будь то арбузный оттенок красного или малинового цвета* (Топ 5 самых соблазнительных оттенков помады // Женский журнал Марселина.ру 23.12.2013). *У казачка, несмотря на его молодость, кучерявилась густейшая светлорусая борода, арбузным ломтем розовел в ней свежий румяный рот, возле глаз золотился пушок, и то ли от пушистой бороды, то ли от полнокровного румянца глаза как-то особенно прозрачно синели* (М. Шолохов. Тихий Дон).

БАКЛАЖАННЫЙ/БАКЛАЖАНОВЫЙ. ЯМ. Яркий, глянцевый темно-фиолетовый, подобный цвету плода баклажана (преиму-

щественно о коже, волосах, одежде, автомобилях). – *В зеленых робах и касках здесь трудились иссиня-чернокожие, баклажанного цвета люди* (А. Матвеева. Голев и Кастро. Приключения гастарбайтера).

БРУСНИЧНЫЙ. ЯМ. Яркий, глянцевый красно-розовый с вы-
раженным лиловым оттенком, подобный цвету ягод брусники (пре-
имущественно о коже, губах, крови, небосклоне, одежде). – *Сквозь
канонический узор прoderнута была блестящая нить – и получалась
рыса с искрой, как брусничный костюм гоголевского героя Павла
Ивановича Чичикова* (А. Архангельский. Александр I).

ВИШНЁВЫЙ. ЯМ. Интенсивный темно-красный с коричнева-
тым и легким лиловым оттенком, подобный цвету ягод вишни. – *Нас
предупреждают, мол, вишневая «девятка» с тонированными стек-
лами* (П. Светлов. Маленькие хитрости гаишников с большой дороги
// «Аргументы и факты», 2003). *Огромные вишневые глаза ее жили
какой-то своей жизнью, и лицо всегда было освещено приветливой
загадочной улыбкой, за которую он ее, наверное, и полюбил*
(Н. Крышук. Отступление).

ГРАНАТОВЫЙ. ЯМ. Насыщенный, глянцевый коричневато-
красный от среднего до темного оттенка, подобный цвету семян гра-
ната (преимущественно об одежде, освещении, крови). – *Никто в
мире меня не смог бы задержать в такую минуту! Вошла Галина в
вечернем гранатовом платье. На шее, спускаясь к началу груди,
сверкал рубиновый крестик* (А. Хруцкий. Окаянные дни Ивана
Алексеевича).

ГОРОХОВЫЙ. ЯМ. Серовато-желтый с зеленым оттенком, по-
добный цвету высушенных семян гороха (об одежде). – *К коричне-
вому пошла бы замиша горохового цвета* (В. Токарева. Закон сохра-
нения). *Немочка, знаешь ли, в сорок пятом, эта милая госпожа
Герберт, сюсюканье, и то и се – камуфляж гороховый!* (Ю. Бонда-
рев. Берег).

ГОРЧИЧНЫЙ. ЯМ. Грязно-желтый с зеленовато-коричневым
оттенком, подобный цвету приправы, сделанной из семян горчицы. –
*Тысячи людей месили покрывиую территорию рынка горчичного
цвета грязь, густую, как сметана* (Е. Рубин. Пан или пропал. Жиз-
неописание). *Автор тридцати девяти лет от роду восседает в
джинсах и горчичной майке в пятнах кофе на поленище...*
(Т. Соломатина. Большая собака, или «Эклектичная живописная ва-
вилонская повесть о зарытом»).

ДЫННЫЙ. ЯМ. Яркий светло-желтый с добавлением оранжевого или зеленоватого, подобный цвету плода дыни (преимущественно о луне, солнце). *Словно кобра из мешка укротителя, на голос Маринелли вышла из-за облака тяжелая дынно-желтая луна и прочертила дрожащую дорожку по масляной зыби* (Д. Быков. Орфография).

КАК ДЫНЯ. В сравн. О чем-либо яркого светло-желтого цвета, подобного цвету плода дыни (преимущественно о коже человека). – *Его наголо обрита голова, шафранно-желтая, как дыня, с шишкой, блестела от пота, а глаза были раскосо опущены* (В. Катаев. Алмазный мой венец).

ЗЕМЛЯНИЧНЫЙ. ЯМ. Яркий розово-красный, подобный цвету ягод земляники (преимущественно о коже человека). – *Жидковолосая, с челкой, с громадным, земляничного цвета, лицом, которое было столь скошено набок, вследствие застуженного в печальной молодости флюса...она была уродлива и очень толста...* (В. Набоков. Другие берега).

КЛУБНИЧНЫЙ. ЯМ. Яркий густо-розовый, розово-красный, подобный цвету ягод клубники (преимущественно о коже человека, губах, косметике). – *Хриплое дыхание тяжело вырывалось из стиснутых губ со следами клубничной помады* (И. Муравьева. Документальные съемки).

КЛЮКВЕННЫЙ. ЯМ. Ярко-красный с легким лиловым оттенком, подобный цвету ягод клюквы (преимущественно о коже человека, одежде, крови). – *В клюквенной руке его торчал нож – острием вниз, будто вбитый насмерть в кулак* (А. Терехов. Воскресенье. Дневник // «Огонек». 1991. № 4).

ЛИМОННЫЙ. ЯМ. Яркий, прозрачный светло-желтый, подобный цвету плода лимона. – *Сумрак одел его до плеч в балахон однородного серого цвета, только голову обрамлял светлый венчик, высвечивающий под волосами макушку лимонного цвета* (М. Елизаров. Pasternak).

МАЛИНОВЫЙ. ЯМ. Насыщенный розовый с фиолетовым оттенком, подобный цвету ягод малины. – *Но вот впереди появились отборные защитники замка в малиновых накидах поверх камзолов, едва не зарубившие Главного кригсмана* (В. Быков. Главный кригсман).

КАК МОРКОВЬ (МОРКОВКА). В сравн. О чем-либо яркого красновато-оранжевого цвета, подобного цветцу спелой моркови. – У Сергея Ивановича волосы, особенно над ушами, почти совсем белые, а у Тани голова красная, как **морковка**, и вообще они очень разные (В. Панова. Сергей Иванович и Таня).

МОРКОВНЫЙ. ЯМ. Интенсивный красно-оранжевый, подобный цветцу моркови (преимущественно о коже, помаде, одежде). – Пока мама пишет планы – проклятие всех учителей, надо нацепить её платье, подвязав узлами, накрасить губы **морковной** помадой, а веки – густо навести голубыми тенями (Т. Соломатина. Мой одесский язык).

КАК ОГУРЕЦ. В сравн. О чем-либо ярко-зеленого цвета, подобного цветцу кожуры огурца. – Слушай же внимательно, у господина Скока действительно имелся автомобиль – «Форд» прошлогодней модели, зеленый, как **огурец** (Н. Леонов, А. Макеев. Гроссмейстер сыска).

ОЛИВКОВЫЙ. ЯМ. Матовый грязно-зеленый с небольшим оттенком желтого, подобный цветцу плодов оливы. – Радистки и прочие штабные работницы носили серую или **оливковую** форму, и это полбеды, но кто пустил женищину на допрос? (коллективный. 17 мгновений весны (2005–2010)).

ПОД ОРЕХ. ЯМ. Коричневый, подобный цветцу скорлупы фундука (о предметах интерьера, имитирующих дерево). – Справедливости ради отметим, что в других, более дорогих версиях присутствуют и «евровагонка» под **орех**, и кожаные сиденья с электроприводом (Н. Качурин. Гей, славяне! (2002) // «Автопилот». 2002.06.15).

ПЕРСИКОВЫЙ. ЯМ. Матовый, светлый оранжево-желтый с оттенком розового, подобный цветцу плода персика (преимущественно о коже, одежде, предметах интерьера). – Белая маечка натянута на дородную грудь, персиковая кожа скуластого лица отсвечивала розовым (М. Гиголашвили. Чертово колесо).

КРАСНЫЙ, КАК ПОМИДОР. В сравн. О покрасневшем от гнева, злости, смущения или других эмоций лице человека. – Дело было в субботу: выходит Вице-губернатор Поцелуев из дворянского отделения местных торговых бань, разнеженный и краснолицый, как **помидор**, и желает сесть в Вице-губернаторскую коляску... (В. Пьецух. Бог в городе).

ПШЕНИЧНЫЙ. ЯМ. Блестящий, светлый коричневатожелтый, подобный цвету колосьев пшеницы (о волосах). – *Мы всегда мечтали о них, о девушках с пшеничными волосами* (Г. Садулаев. Одна ласточка еще не делает весны).

САЛАТНЫЙ/САЛАТОВЫЙ. ЯМ. Яркий, неоновый светло-зеленый, подобный цвету листьев салата. – *Гарнитурчик едкого для глаз салатного цвета, плита чистая, без прижарок, посуда на полочке...* (С. Каледин. Записки гробокопателя).

КАК СВЕКЛА. В сравн. О лице человека, сильно покрасневшего от смущения, гнева или других эмоций. – *Добравшись до лестницы и стянув противогаз с красного, как свекла, лица, Титов смеется* (В. Панюшкин. Огнепоклонники // «Столица». 1997.07.15).

СВЕКОЛЬНЫЙ. ЯМ. Темный красно-фиолетовый, подобный цвету корнеплода свеклы (преимущественно о коже человека). – *Обрюзглый, трясущийся, мутноглазый, он обиженно держал в обеих руках опустевший кувшин, из которого подлец Лукашка ещё до рассвета выпил больше половины – по харе его свекольной видно* (А. Иванов. Сердце Пармы).

СЛИВОВЫЙ. ЯМ. Темный, матовый, приглушенный синевато-лиловый, подобный цвету плода сливы (преимущественно о глазах, коже человека, небе). – *В глубокое, еще не черное, а сливовое небо поднимался прозрачный столб мерцающей мошкары* (Д. Рубина. Окна).

СМОРОДИНОВЫЙ. ЯМ. Блестящий, темный, насыщенный фиолетово-черный, подобный цвету ягод смородины (преимущественно о глазах, ночном небе). – *...Однажды громко, почти с восторгом, сияя своими смородиновыми глазами, он прочёл законченное поэтическое создание* (В. Астафьев. Затеси).

ФИСТАШКОВЫЙ. ЯМ. Яркий светло-зеленый с легким желтоватым оттенком, подобный цвету ядра фисташкового ореха (преимущественно об одежде и предметах интерьера). – *Тут Клавдия, новобрачная, зарыдала, чтобы ее заметили, а на ней жакет фисташковый с воротником из леопарда* (М. Анчаров. Этот синий апрель).

ЧЕРНИЧНЫЙ. ЯМ. Приглушенный, матовый темно-синий, подобный цвету ягод черники (преимущественно о глазах, коже, волосах). – *То ей становилась безразлична собственная внешность и она даже седеющие светлые волосы переставала подкрашивать в*

свой любимый **«черничный»** цвет (А. Берсенева. Полет над разлукой).

ШАФРАННЫЙ. ЯМ. Матовый, яркий рыжевато-желтый, подобный цвету приправы из шафрана (преимущественно о коже человека). – *И, пытаюсь потом вспомнить, что таилось в черных глазах на шафранных одутловатых лицах, Ять понимал, что главным в них было любопытство* (Д. Быков. Орфография).

РУМЯНЫЙ, КАК ЯБЛОКО. В сравн. О человеке с розовыми щеками. – *Потом вытирает глаза безукоризненным платком, а лицо все еще румяное, как крымское яблоко* (В. Смехов. Театр моей памяти).

Образы молочных продуктов

КЕФИРНО-БЕЛЫЙ. ЯМ. Бледный, прозрачный белый с легким желтоватым оттенком, подобный цвету кефира (о предметах интерьера). – *И сестричка эта поленькая. И палата кефирно-белая, в изразцах. И окно с прохладно дышащей фрамугой* (И. Грекова. Перелом).

КРЕМОВЫЙ. ЯМ. Бледный желтовато-белый с легким розоватым или коричневатым оттенком. – *Мережились кремовые иторы (как у Турбиных в романе Булгакова), мягкие кресла в комнате отдыха, ласкающие глаз картины... (И. Грекова. Перелом). Ах, можно подумать, прилетел с букетом кремовых роз в руках и песцовым полушубком в зубах (Т. Соломатина. Большая собака, или «Эклектичная живописная вавилонская повесть о зарытом»).*

КАК МАСЛО. В сравн. О деревянных предметах блестящего светло-желтого цвета, подобного цвету масла. – *Жили бы себе припеваючи в светлой квартире, просторной, с желтым, как масло, паркетом (А. Лиханов. Чистые камушки). Сорвал с сосны молодую, нежную свечку, очистил от кожицы, дал мне понюхать желтую, как масло, пахучую сердцевину (В. Солоухин. Капля росы).*

МОЛОЧНЫЙ. ЯМ. Белый с легким желтоватым оттенком, подобный цвету молока. – *Плетеница разноцветных маловольтных лампочек, обогнув её дважды, спускалась молочными хлорвиниловыми проводами к аккумулятору на полу (А. Солженицын. В круге первом). Павел Алексеевич глядел на раздетую до пояса дочку своим специальным взглядом, сфокусированным на несколько сантиметров глубже поверхности её молочной кожи, но ничего, кроме своего собственного суетливого беспокойства, не ощущал (Л. Улицкая. Казус Кукоцкого).*

ЦВЕТА МОЛОКА. Род. **сравн.** Белого с желтоватым оттенком цвета, подобного цвету молока. – *А цвет у шапки был талого молока: матовый и чуть молочно-желтый* (Ю. Домбровский. Факультет ненужных вещей). *Смотрю в невымытое стекло – за ним осенняя склизкая улица. Блеклое тоскливое небо цвета прокисшего молока* (Л. Зорин. Юпитер).

ЦВЕТА ТОПЛЁНОГО МОЛОКА. Род. **сравн.** Белого с легким коричневатым оттенком цвета, подобного цвету топленого молока (об одежде и предметах интерьера). – *У меня самого есть итальянская рубашка цвета топлёного молока, но я вам о ней ничего не расскажу* (В. Солдатенко. Ева). *Через второй проем-арку столовая цвета топленого молока с золотистыми прожилками сообщается с кухней в теплых тонах, где за барной стойкой можно удобно расположиться для завтрака («Наутилус» в женском исполнении // Мир & Дом. City).*

ЦВЕТА РЯЖЕНКИ. Род **сравн.** Белого с явным коричневатым и желтоватым оттенком цвета, подобного цвету ряженки (об одежде и предметах интерьера). – *Я потеряла перчатки, те самые: пуховые, цвета ряженки, которые «котят», и отморозила лапки-ноги* (Из сетевого дневника девушки). *У постели, для блаженства босых пятток, растянулся коврик цвета ряженки – на нем также не обнаружилось ни пятнышка* (Е. Прошкин. Механика вечности).

СЛИВОЧНЫЙ. ЯМ. Непрозрачный, матовый желтовато-белый с легким розоватым или коричневатым оттенком, подобный цвету сливок (о предметах интерьера). – *Стены цвета топленого молока, белый рояль, сливочные диваны, бело-золотистые комоды, плавные закрученные линии – в этом доме нет острых углов и ощущения опасности* (Ю. Пешкова. Детство дома // «Домовой»).

КАК СМЕТАНА. В **сравн.** Чисто-белый, подобный цвету сметаны (преимущественно о коже человека). – *Цира, побелев, как сметана, шагнула ко мне навстречу и вдруг преклонила колени* (Е. Хаяцкая. Синие стрекозы Вавилона / Обретение Энкиду). *Худенькая, тоненькая и белая-белая, как сметана, – не льнет солнце* (Ф. Абрамов. Пелагея). *Как известно, молодой дождевик на ощупь тверд и крепок, а на разрезе бел, как сметана* (В. Солоухин. Третья охота).

Образы сладких продуктов

МЕДОВЫЙ. ЯМ. Прозрачный, блестящий желтый с коричневым оттенком или коричневый с желтым оттенком, подобный цвету

меда. – Собственно, один на всю улицу светильник. Зато приятного **медового** цвета. Так себе место для деловых встреч (В. Солдатенко. Ева). Не думаю, чтобы у Натальи Николаевны были рассыпанные кудри и **медовые** глаза (В. Катаев. Алмазный мой венец).

САХАРНО-БЕЛЫЙ. ЯМ. Блестящий, чистый белый, подобный цвету сахара. – Под ним был **сахарно-белый** конь, своей неуместной вувермановской мастью неприятно пробудивший в Неженцеве воспоминание: конь бледный... (С. Бабаян. Ротмистр Неженцев). Особенно выразителен был **сахарно-белый** свадебный смокинг, расширенный в форме сердечка золотыми евро (А. Архангельский. Не устрицами едиными. Дочь Никиты Михалкова меняет профессию (2002) // «Известия». 2002.09.17).

ШОКОЛАДНЫЙ. ЯМ. Темно-коричневый с легким желтоватым оттенком, подобный цвету шоколада. – У нее была **шоколадная** кожа и седые дреды, неприятно напомнившие Грыму об оставшихся внизу ганджуберсерках (В. Пелевин. S.N.U.F.F). Чашки были тяжёлые, **шоколадного** цвета, и чай необыкновенно вкусный (Ю. Трифонов. Дом на набережной).

Образы напитков

КОНЬЯЧНЫЙ. ЯМ. Прозрачный, блестящий светло-коричневый с желтоватым оттенком, подобный цвету коньяка. – Ласковая подсветка дробилась на гранях и выгибалась на округлостях штучных фунфырей, вязла в рыжем **коньячном** бархате и соломенном вискарном твиде (А. Гаррос, А. Евдокимов. Головоломка).

КОФЕЙНЫЙ. ЯМ. Коричневый, подобный цвету кофе (преимущественно об одежде). – Звали одна другую “кофушками” (за форменные платица **кофейного** цвету), гостям улыбались, но говорили с ними мало (Б. Евсеев. Евстигней).

КОФЕ С МОЛОКОМ. ЯМ. Матовый светло-коричневый, подобный цвету кофе с молоком. – Сунуть шестьдесят килограммов, покрытых хрен знает чем, в новенький автомобиль с кожаными сиденьями цвета кофе с молоком? (Д. Донцова. Доллары царя Гороха).

Образы мучных продуктов

МУЧНИСТО-БЕЛЫЙ. ЯМ. Серовато-белый, подобный цвету муки (преимущественно о коже человека). – Лицо его в искусствен-

ном свете **мучнисто-белое**, клоунское, злосчастное (М. Палей. Long Distance, или Славянский акцент).

Образы рыбных продуктов

ЛОСОСЕВЫЙ / ЛОСОСЁВЫЙ. ЯМ. Яркий светло-розовый с оранжевым оттенком, подобный цвету филе лосося. – *У лилий из группы Kiss отсутствуют тычинки, это низкие растения, до 50 см, Есть белые, желтые, розовые, лососевые сорта, Существует группа карликовых восточных гибридов (25–35 см высотой)* (А. Рубинина. Лилейная красота (2003) // «Ландшафтный дизайн». 2003.07.15).

В «Словаре русской кулинарной метафоры» представленные словарные статьи будут распределены по тематическим группам, выделенным на основании единства мотивирующих образов. Внутри тематических групп они будут отнесены к соответствующим лексико-фразеологическим гнездам, вершинами которых являются исходные наименования продуктов питания, мотивирующие серию образных средств языка различной структуры и семантики. Предложенный принцип подачи цветообозначений ориентирован на выражение в дефиниции тонких нюансов цветового признака, выраженных в языке посредством аналогии с окраской употребляемых в пищу продуктов.

Литература

1. Юрина Е.А. «Словарь русской кулинарной метафоры»: принципы отбора материала и структура словарной статьи // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. – 2011. № 3 (15). – С. 70–78.
2. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – www.ruscorpora.ru
3. Василевич А.П. Исследование лексики в психолингвистическом эксперименте: на материале цветообозначений в языках разных систем. – М.: Наука, 1987. – 139 с.
4. Василевич А.П. Цвет и названия цвета в русском языке. – М.: КомКнига, 2005. – 216 с.
5. Косых Е.А. Система цветообозначений в русском языке: к созданию и публикации «Русской энциклопедии цвета» // Вестн. Барнаул. гос. пед. ун-та. Сер. «Психолого-педагогические науки». – 2002. – № 2. – С. 28–34.
6. Крамкова О.В. Принципы лексикографического описания колоризмов // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н.И. Лобачевского. – 2010. – № 4 (2). – С. 568–571.

7. Харченко В.К. Словарь цвета: реальное, потенциальное, авторское: свыше 4000 слов в 8000 контекстах. – М.: Изд-во лит. ин-та им. А.М. Горького, 2009. – 532 с.

8. Сивова Т.В. Колоративная лексика как предмет лексикографического описания: от словника цветообозначений к словарю цвета // Весн. Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. – Сер. 3. Філалогія. Педагагіка. Псіхалогія. – 2013. – № 2(156). – С. 61–66.

9. Юрина Е.А., Блинова О.И. Словарь образных слов русского языка. – Томск: Изд-во UFO-Plus, 2007. – 364 с.

10. Юрина Е.А. Русская пищевая традиция в зеркале языковых образов: опыт лексикографической презентации // Вопр. лексикографии. – 2013. – № 1(3). – С. 63–80.

THE WAYS OF INTERPRETING FIGURATIVE COLOR TERMS MOTIVATED BY FOOD NAMES IN THE *DICTIONARY OF RUSSIAN CULINARY METAPHORS*.

Journal of Lexicography, 2014, 2 (6), pp. 106–121.

Yurina Yelena A., Borovkova Anastasia V., Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: yourina2007@yandex.ru / nastya-borovkova@mail.ru

Keywords: figurative vocabulary, phraseology, dictionary, culinary metaphor, color terms.

The article is devoted to the lexicographic description of color terms motivated by food names. The analysis of semantics and functioning of figurative color terms is carried out.

The authors develop the ways of unification of interpretation of figurative color terms with different structures.

Relevance of the research is due to the active development of metaphorical trends in modern Russian Studies, high productivity of metaphorical model "Something – it is food", frequency of the discursive use of culinary metaphors including color terms, rapid development of cultural linguistics lexicography.

The object of the research are 52 color terms expressing different shades similar to the color of the products used as food. Complexity of color terms description is connected with the mental aspect of color: the need to distinguish a significant number of colors and shades with a high degree of perceived subjectivity.

Nomination of complex colors is carried out by analogy with various objects in the extralinguistic reality that have characteristic colors and are included in the range of everyday human life; they serve as a model to determine the tone. A significant place among the standard bearers of the color feature belongs to edible plants and other edible products: *cherry* – the standard of dark red with a hint of brown, *chocolate* – the standard of warm brown with the addition of yellow, etc.

The representation of figurative color terms in the dictionary required to develop a uniform method of interpretation of this group of linguistic units. The wording of the lexical meaning of a figurative color term includes reference to the dominant shade of the main color spectrum, such as red, yellow, green, etc. Then additional distinctive features: color shades, the degree of brightness, lightness, transparency, gloss are described. The degree of brightness is expressed in interpretations as follows: bright shades are indicated by the words *bright*, *rich*, *intense*, *dense*, *juicy* and opposing shades – *pale*, *dim*, *blurred*. The degree of lightness is expressed by the inclusion of adjectives *dark*, *light* in the interpretation. Purity

and transparency in the shade are expressed in the interpretation by words *muddy*, *dirty*, *clean*, *clear*. The gloss level is expressed by lexical components *shiny*, *glossy*, *matt*.

Further a comparative expression with the conjunction *similar* is introduced in interpretation, it indicates the reference to the color trait. For example, *glossy*, *bright orange*, *like the orange peel color* (about a wide range of subjects). In brackets the authors demonstrate the reference sphere of color feature relatedness (about human skin), (about clothing and home furnishings), etc.

The final part of the article demonstrates a fragment of the *Dictionary of Russian Culinary Metaphors*, numbering 52 figurative color terms.

References

1. Yurina E.A. Dictionary of Russian Culinary Metaphor: principles of material selection and structure of a dictionary entry. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*, 2011, no. 3 (15), pp. 70–78. (In Russian).

2. *Natsional'nyy korpus russkogo yazyka* [The Russian National Corpus]. Available at: www.ruscorpora.ru.

3. Vasilevich A.P. *Issledovanie leksiki v psikholingvisticheskom eksperimente: na materiale tsvetooboznacheniy v yazykakh raznykh sistem* [Study of the vocabulary in a psycholinguistic experiment: on the material of color terms in the languages of different systems]. Moscow: Nauka Publ., 1987. 139 p.

4. Vasilevich A.P. *Tsvet i nazvaniya tsveta v russkom yazyke* [Color and color names in Russian]. Moscow: KomKniga Publ., 2005. 216 p.

5. Kosykh E.A. Sistema tsvetooboznacheniy v russkom yazyke: k sozdaniyu i publikatsii "Russkoy entsiklopedii tsveta" [The system of color terms in Russian: the creation and publication of "Russian Encyclopedia of Color"]. *Vestnik Barnaul'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Ser. "Psikhologo-pedagogicheskie nauki"*, 2002, no. 2, pp. 28–34.

6. Kramkova O.V. The principles of lexicographic description of the words with the meaning of colour. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo – Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod*, 2010, no. 4 (2), pp. 568–571. (In Russian).

7. Kharchenko V.K. *Slovar' tsveta: real'noe, potentsial'noe, avtorskoe: svyazhe 4000 slov v 8000 kontekstakh* [Dictionary of Color: real, potential, author's: more than 4,000 words in 8,000 contexts]. Moscow: Maxim Gorky Literature Institute Publ., 2009. 532 p.

8. Sivova T.V. The color lexis as the subject of the lexicographical description: from the wordlist of color terms to the dictionary of color. *Vesnik Hrodzenskaha Dziarzhavnaha Universiteta Imia Ianki Kupaly. Seriya 3. Filalohiia. Pedahohika. Psikhahohiia – Vestnik of Yanka Kupala State University of Grodno. Series 3. Philology. Pedagogy. Psychology*, 2013, no. 2(156), pp. 61–66. (In Russian).

9. Yurina E.A., Blinova O.I. *Slovar' obraznykh slov russkogo yazyka* [Dictionary of Figurative Russian Words]. Tomsk: UFO-Plus Publ., 2007. 364 p.

10. Yurina E.A. Russian food tradition in the mirror of language images: experience of lexicographical presentation. *Voprosy leksikografii – Journal of Lexicography*, 2013, no. 1(3), pp. 63–80. (In Russian).

СЛОВАРИ КАК ИСТОЧНИК ИССЛЕДОВАНИЙ

УДК 801 3 (031)

О.И. Блинова

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИХ ПОМЕТАХ В СЛОВАРЕ

В статье автор размышляет о важной функции словарных помет, которые призваны выражать разнообразные характеристики слова: грамматические, стилевые, экспрессивные, географические и т. п. Особое внимание уделено лингвокультурологическим пометам, выражающим значения слова на основе принципа уподобления. Это пометы: олицетворение, выражающее уподобление чего-либо человеку, антропоморфизм – человеку по схеме человек – человек, зооморфизм – животному, фитоморфизм – растению, фономорфизм – звуку, натуроморфизм – явлениям природы, мифоморфизм – мифическому существу, артефактоморфизм – изделиям человека, локоморфизм – пространственным параметрам.

Ключевые слова: лингвокультурологические пометы, разряды лингвокультурологических помет, лингвокультурология.

Автор настоящей статьи определил ее жанр как размышление, потому что предмет ее недостаточно определен, несмотря на то, что лингвокультурологические пометы (ЛКП) уже используются в рукописных работах (курсовые сочинения, дипломные работы, диссертации), в опубликованных словарях [1; 2; 3; 4;] и статьях [5; 6; 7].

Следует заметить, что о словарных пометах (именно о них и пойдет речь) написано до обидного мало. Незавидна и их судьба в сфере терминологии: существуют они в тексте только в сокращенном виде, в структуре словарной статьи занимают скромное место после заглавных слов или толкования значения слова, фразеологизма, теснятся в ряду с другими пометами, завершая словарную статью. Лишь в списке условных сокращений они раскрывают свое значение, свой смысл.

Но такова многолетняя традиция в лексикографии: экономить плотно текста, давая дорогу слову, его функционированию в контексте.

Подобно солдатам, пометы выстраиваются в ряд в зависимости от своего ранга: грамматические, лексические, стилистические *et cetera*.

Но роль помет важнейшая: они дополняют характеристику слова или фраземы, уточняют их значение, раскрывают их возраст – *нов.*,

устар., арх.; стилевую палитру – *высок., вульг., бран.*; географию – *моск., твер., том., сиб.* и т.д. и т.п.

Пометы способны к количественному росту. Как правило, он наблюдается с возникновением новых научных направлений, в данном случае лингвокультурологии.

Предмет настоящей статьи – ЛКП. Рассмотрим их.

ЛКП нашли свое применение в серии образных словарей Томской лексикографической школы. Их характеристика представлена в разных источниках [2. С. 12–14; 3. С.11–12; 4. С. 10–12]. Наиболее полно она дана в работе [4].

ЛКП тематически связаны с двумя сферами: с наименованиями мира живых существ и приравненным к ним (человек, животные, мифические существа) и наименования мира природы (земля, небо, пространство, звуки).

К миру человека относятся олицетворения, антропоморфизмы, мифоморфизмы, артефактоморфизмы; с миром животных связаны зооморфизмы. К сфере природы¹ прямое отношение имеют натуроморфизмы, локоморфизмы.

Претерпев процесс метафоризации по существующим в языке схемам метафорических переносов (животное – человек – предмет – предмет – человек и т.п.) [5], все наименования обретают, как правило, обозначаемые ими в конечном итоге семантические классы, сферы, коннотации и т.д.

Олицетворение [6] как термин лингвокультурологии целесообразно трактовать как явление языка / речи, отражающее процесс наделения всего сущего – Вселенной, природы, животных и растений, неодушевленных предметов и т.д. – свойствами и чертами, присущими человеку и характеризующими его деятельность. Из терминов, связанных с данным явлением («прозопопея», «персонификация» и др.), – более удачным представляется термин «**ОЛИЦЕТВОРЕНИЕ**», воплощающий «ЛИКоподобный, человекообразный ОБЛИК мира, передающий «удивление перед человеческим лицом – «ликом», которое пронизывает собой все искусство, начиная с Киевской Руси» [7. С. 7].

Например, *глазок*. Олиц. ‘круглое пятно, иногда окаймленное ободком, в рисунке, узоры, окраске животных и т.п.’ – *На каждом*

¹ В настоящей статье слово «природа» используется в значении места вне городов (поля, леса, горы, водные пространства. (см.: *Ожегов С.И.* Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. 22-е изд. – М.: Рус. яз., 1990. – 596 с.).

крыле бабочки было по большому **глазку** голубовато-лилового цвета. Аксаков. Собрание бабочек [2. С. 118]. *Детка*. Олиц. 'боковой отросток у помидоров, табака и других растений'. У табака **детка** пойдёт – обциплот её [2. С. 212].

Антропоморфизм как языковое / речевое явление отражает процесс осмысления отвлечённых свойств и качеств человека (ментальных, психологических, социальных) по образу и подобию самого человека как физической личности. Этот процесс находит отражение в метафорических переносах внутри семантической сферы «человек», результатом которых становятся антропоморфные образы. Например, *метить*. Антроп. 'стремиться занять какое-либо положение, должность и т.п., словно намереваясь попасть в цель'. – *Поначалу все думали, что быть ему [Меньшикову] царским шутком, но он метил выше*. А. Толстой. Петр Первый. [2. С. 212]. *Садить*. Антроп. 'помещать кого-либо, что-либо внутрь помещения'. – *Садят в баню снопы, потом мнут, треплют, чешут* [3. С. 171].

Мифоморфизм как языковое / речевое явление отражает процесс уподобления явлений действительности мифическим существам. Например: *бесноваться*. Мифом. 'впадать в состояние крайнего возбуждения, вести себя так, будто одержим бесом'. – *Марья Алексеевна долго бесновалась... наконец устала кричать*. Чернышевский. Что делать? [2. С. 41]. *Носиться*. Мифом. 'о неуместном интенсивном действии'. – А он, как черт с письмом **носятся**, копает картошки людям.

Артефактоморфизм как языковое / речевое явление отражает процесс наделения всего сущего признаками, характерными для артефактов, продуктов деятельности человека. Например: *серёжки*. Артеф. 'соцветие в виде кисти мелких цветков у древесных растений, опадающее целиком после цветения'. *Осины уронили на лесные тропы пушистые серёжки, похожие на лохматых гусениц*. Ливеровский. В зеленом наряде [2. С. 304]. *Мундир*. Артеф. 'картофель, сваренный или испеченный в кожуре'. – *Раньше картошки чищенные мало делали... Варили все время мундиры. Наварят мундиры, заставят нас час чистить*. [3. С. 122].

Натуроморфизм отражает процесс наделения всего сущего признаками и свойствами природных объектов. Например, *туманиться*. Натур. 'застилаться, заволакиваться, лишаясь способности ясно видеть (о глазах, взгляде)'. – *Как часто, грустными мечтами / Томи-*

мый, на тебя гляжу, / И взор **туманится** слезами. Тютчев. Играй, покуда над тобою [2. С. 330]. Натур. Туманный ‘подёрнутый дымкой сна, усталости, затуманенный’. – Поэт / роняет молча пистолет. / На грудь кладет тихонько руку/ и падает./ **Туманный** взор. Изображает смерть, не муку. Пушкин. Евгений Онегин [2. С. 331].

Зооморфизм отражает процесс наделения всего сущего посредством метафоризации свойствами животного мира. Например: **змеиться**. Zoom. ‘тянуться извилистой линией; виться, извиваться, как тело змеи’. – Русло ручья **змеилось** по степи серой высохшей лентой. Крымов. Инженер [2. С. 161]. **Морда**. Zoom. ‘лицо, передняя часть головы человека’. – На **морду** хороша [девушка], а в чунях [3. С. 120].

Фитоморфизм отражает процесс наделения всего сущего посредством метафоризации свойствами предметов и явлений растительного мира. Например: **вишнёвый**. Фитом. ‘тёмно-красный, цвета спелой вишни’. – **Вишневое** солнце встало над притихшею, задумчивою землей. Арамилев. В лесах Урала [2. С. 304–305]. **Морковник**. Фитом. ‘травянистое растение купырь лесной, с листьями, напоминающими морковную ботву’. – **Морковник** не такой, тот не ядовитый, **морковник** скотина едят – ничего. **Морковник** – травка, как у морковки [3. С. 121].

Локоморфизм как языковое / речевое явление отражает соизмеримость всего сущего с пространственными параметрами (верх, низ, левый, правый, широкий, узкий, прямой, кривой и т.п.) и пространственными объектами (угол, горизонт, плоскость, точка, сфера, граница и т.п.). Семантика образных слов и выражений метафорически воплощает локоморфные образы. Например: **крошка**. Локом. ‘предмет или существо не большого размера, как крошка хлеба’. – Тут же на тумбочке лежали уже готовые детали – такие же **крошки**, как и та, что вертелась на станке. Василенко. Звездочка [2. С. 193]. **Навалом**. Локом. ‘о наличии чего-либо в большом количестве’. – Отсюда в лог только спустился, было землянки **навалом**, прям поллитрову баночку, литрову – мигом наберёшь. А счас ни ягоды, ничё не стало [3. С. 124].

Фономорфизм как языковое / речевое явление отражает реализованный метафорическим способом процесс уподобления явлений окружающего мира звукам, издаваемым лицами, животными, предметами, стихиями. Звукообразы представлены семантикой образных слов. Например **брякнуть**. Фоном. ‘необдуманно, неосторожно ска-

зять, как бы с силой уронить что-либо, издав звук'. – *Литвинов так и брякнул* одному, что он пуст, как бубен, другому что он скучен до обморока. Тургенев. Дым. [2. С. 52]. *Загременно*. Фоном. 'оказаться где-либо неожиданно, как удар грома'. – *Как бы наготово мне не решиться умом. На психу загременно* [3. С. 75].

Какова степень востребованности ЛКП? Думается, что они востребованы в лингвокультурологических исследованиях лексикографической направленности, а также в исследованиях лексикологических, семасиологических и дериватологических разделов лингвистики, в которых используются как сопроводительный материал, как объект исследования в сфере теоретической терминологии, например в словарях лингвистических терминов.

В качестве примеров привлечения ЛКП можно привести «Словарь образных слов и выражений народного говора» [1], «Словарь образных единиц сибирского говора» [3], «Словарь образных слов русского языка» [2], в качестве интерпретации терминов ЛКП – статьи автора: «Олицетворение (к формированию научных понятий лингвокультурологии)» [6] и др.

Роль ЛКП в лексикографической области ещё предстоит выявить и изучить. Ожидается, что она огромна, как огромна сфера Земли и космоса, которые отражают ЛКП, – миры человека, животных, растений, пространства и т.д. Большого стоит такая функция ЛКП, как расшифровка, раскрытие границ, конкретизация образности слов и фразеологизмов. Например, две ЛКП двухсловного наименования *кукушкины сапожки* 'травянистое растение ирис' – зоом. и артеф. указывают на два мира – мир животных и творение человека.

За счет ЛКП определяются, оживают принципы номинации слов, высвечивается мотивировочный признак, выявляются пристрастия человека, номинирующие предметы, его окружающие, при выборе номинационного признака. Так, статистический анализ ЛКП образных единиц отрезка А–К на материале «Словаря образных единиц вершининского говора» (в официальном заглавии: сибирского говора) [3] выявил приоритеты сибиряков в выборе средств окружающего мира. Они таковы: по предварительному подсчету (он включил 1596 образных единиц из 2131), старожилы с. Вершинина в качестве источника образных номинаций прибегали к следующим разрядам: антропоцентризмы – 254, олицетворения – 221, зооморфизмы – 144, артефактоморфизмы – 139, натуроморфизмы – 103, фитоморфизмы –

55, мифоморфизмы – 30, локоморфизмы – 25, фономорфизмы – 6. Отсюда вывод: селяне более склонны к наименованиям, связанным с человеком, его деятельностью и природой.

В чем целесообразность использования в образном словаре лингвокультурологических помет? Прежде всего, они дополняют друг друга, представляют более широкую картину ассоциативной функции слова: они не только указывают на мотивировку лексической единицы, но и на сферу своего существования. Безусловна ограниченная связь этих помет: вне мотивированности, мотивировочного признака нет образности, вне образности не существует ЛКП.

Исследователя, занимающегося выявлением ЛКП, подстерегает много трудностей, поскольку не разработана методика определения ЛКП. Сложность заключается в том, каковы (кроме общих перечисленных выше) критерии основы, признаки, точки опоры: мотивировочный признак? Семантика слова? Незыблем лишь принцип **уподобления** одного предмета другому, а какова роль слова с его компонентами – звуковой оболочкой, значением, мотивировкой?

Рассмотрим несколько примеров из «Словаря образных единиц сибирского говора»

КОСА. Обычно мн. Косы. **ЯМ.** Олиц. ‘стебли огурцов или усики у стеблей, выющиеся как косы’. – *Косы **попускают** огурцы... Приезжи [говорят] «косы»* [3. С. 98].

КРЕСТОВКА (хрестовка). Артеф. ‘лиса с черной полосой на спине, наподобие креста’. – *Есть **крестовки** таки лисы, у ей полоска проходит по бугру типа креста* [3. С. 101].

В другом образном словаре – «Словаре образных слов русского языка» [2], составленном носителями литературного языка (авторами работы), обоснование тех или иных ЛКП осуществлено с учетом показаний языкового сознания авторов, которое отражено в толковании значений образных слов.

Следовательно, ЛКП в словаре определены с учетом показаний языкового сознания носителей диалекта или носителей литературного языка.

Автор надеется, что на страницах журнала «Вопросы лексикографии» выступят и другие лексикографы с размышлениями о словарных пометках.

Список условных сокращений

антроп. – антропоморфизм	мифом. – мифоморфизм
артеф. – артефактоморфизм	моск. – московское
арх. – архаизм	нов. – новое
бран. – бранное	сиб. – сибирское
вульг. – вульгарное	твер. – тверское
высок. – высокое	том. – томское
зоом. – зооморфизм	устар. – устаревшее
ЛКП – лингвокультурологические пометы	ЯМ. – языковая метафора
локом. – локоморфизм	

Литература

1. *Словарь образных слов и выражений народного говора* / авт.-сост. О.И. Блинова, С.Э. Мартынова, Е.А. Юрина; ред. О.И. Блинова. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. – 312 с.
2. *Блинова О.И., Юрина Е.А. Словарь образных слов русского языка*. – Томск: UFO-PLUS. 2007. – 364 с.
3. *Словарь образных единиц сибирского говора* / сост. О.И. Блинова, М.А. Толстова, Е.А. Юрина; ред. О.И. Блинова. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2014. – 215 с.
4. *Полный словарь диалектной языковой личности* / под ред. Е.В. Иванцовой: в 4 т. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2013.
5. *Блинова О.И., Юрина Е.А. Образная лексика русского языка // Язык и культура*. – 2008. – №1. – С. 5–13.
6. *Юрина Е.А. Образный строй языка*. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2011. – 153 с.
7. *Блинова О.И. Олицетворение (к формированию научных понятий лингвокультурологии) // Образование, язык, культура на рубеже XXI в.: материалы Междунар. науч. конф.* – Уфа, 1998. – Ч. 2. – С. 99–101.
8. *Лихачев Д.С. Заметки о русском*. – М.: Сов. Россия, 1984. – 60 с.

DICTIONARIES AS SOURCES OF RESEARCH REFLECTIONS ON LINGUOCULTUROLOGICAL DICTIONARY MARKS.

Journal of Lexicography, 2014, 2 (6), pp. 122–129.

Blinova Olga I., Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: bli-nova_11@mail.ru

Keywords: linguoculturological marks, types of linguoculturological marks, linguoculturology.

In the article, the author reflects on the importance of word marks which are traditionally used only in an abbreviated form and occupy a modest place in the structure of the dictionary entry: in the headword zone – before or after the word meaning interpretation, in the illustration zone – at the end of the entry. Meanwhile marks play an important role in characterizing the word and its function in the text: they indicate its grammatical properties – gender (m., f., n.), number (s. or pl.), case (N., G., D., etc.), style (coll., elev., lit.), expressiveness (expr., emot., rude), geography (Msc. (Moscow), Sib. (Siberia), Tom. (Tomsk), etc.).

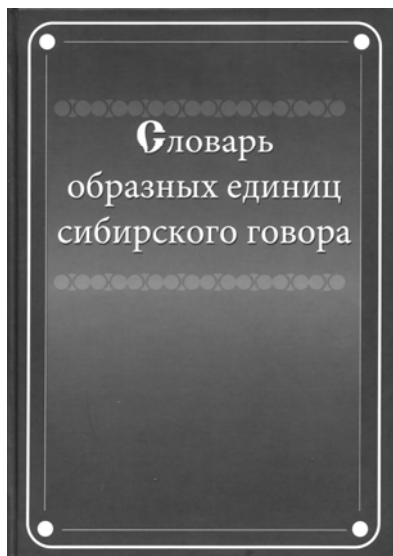
The author expresses the idea of linguoculturological marks, their meanings and types. The following marks are characterized: personification (Russian: *olits.*) representing a thing as if it were human, zoomorphism (*zoom.*) – as if it were an animal, phytomorphism (*fitom.*) – a plant, artefact-morphism (*artef.*) – a product of human activity, myth-morphism (*mifom.*) – a mythical creature, nature-morphism (*natur.*) – a property of a natural object, locus-morphism (*lokom.*) – a spatial parameter, phonomorphism (*fonom.*) – a sound made by people, animals, objects, elements, anthropomorphism (*antrop.*) – an anthropomorphic image expressed by metaphorical transfers within the semantic sphere "person".

The article provides illustrations of all the aforementioned types of marks. Here are some of them: **personification.** *Glazok* ('eye, eyespot, speculum'). *Olits.* 'round spot, sometimes rimmed, in the figure, pattern, color, animals, etc.' – *Each butterfly wing had a big eye-shaped spot of bluish purple.* Aksakov. *Collecting Butterflies.* **Anthropomorphism.** *Metit'* ('to aim'). *Antrop.* 'try to take any post, position, etc., as if intending to hit the target'. – At first, everyone thought him [Menshikov] to be the king's jester, but he aimed higher. A. Tolstoy. *Peter the First.* **Myth-morphism.** *Besnovat'sya* ('to rage'). *Mifom.* 'fall into extreme excitement, to behave as if possessed by a demon'. – Marya Alekseyevna had long been raging... finally she got tired of shouting. Chernyshevsky. *What Is to Be Done?* **Artefact-morphism.** *Seryozhki* ('aiglets'). *Artef.* 'blossom clusters of small flowers in woody plants that fall off completely after blooming'. – Aspens have dropped furry aiglets that looked like shaggy caterpillars on the forest paths. Liverovskiy. *In a Green Dress.* **Nature-morphism.** *Tumanit'sya* ('to dim'). *Natur.* 'veil, cloud, losing the ability to see clearly (about eyes, look)'. – *Kak chasto, grustnymi mechtami / Tomimyy, na tebya glyazhu, / I vzor tumanitsya slezami* ('How often by sad dreams / Tormented, I look at you, / And my look dims with tears'). Tyutchev. *Igray, pokuda nad toboyu* ('Play until upon thee').

References

1. Blinova O.I. (ed.) *Slovar' obraznykh slov i vyrazheniy narodnogo govora* [Dictionary of Figurative Words and Expressions of the Folk Dialect]. Tomsk: Tomsk State University Publ., 2001. 312 p.
2. Blinova O.I., Yurina E.A. *Slovar' obraznykh slov russkogo yazyka* [Dictionary of Figurative Words of the Russian Language]. Tomsk: UFO-Plus Publ., 2007. 364 p.
3. Blinova O.I. (ed.) *Slovar' obraznykh edinits sibirskogo govora* [Dictionary of Figurative Units of the Siberian Dialect]. Tomsk: Tomsk State University Publ., 2014. 215 p.
4. Ivantsova Ye.V. (ed.) *Polnyy slovar' dialektnoy yazykovoy lichnosti* [Complete Dictionary of the Dialect Language Personality]. In 4 vols. Tomsk: Tomsk State University Publ., 2013.
5. Blinova O.I.; Yurina E.A. *Obraznaya leksika russkogo yazyka* [Figurative Russian vocabulary]. *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*, 2008, no. 1, pp. 5–13.
6. Yurina E.A. *Obraznyy stroy yazyka* [Imagery of the language]. Tomsk: Tomsk State University Publ., 2011. 153 p.
7. Blinova O.I. [Personification (the formation of scientific concepts of linguoculturology)]. *Obrazovanie, yazyk, kul'tura na rubezhe XXI v.: Materialy Mezhdunar. nauch. konf.* [Education, language, culture at the turn of the 21st century. Proceedings of International Scientific Conference]. Ufa, 1998. Pt. II, pp. 99–101.
8. Likhachev D.S. *Zametki o russkom* [Notes on the Russian]. Moscow: Sovetskaya Rossiya Publ., 1984. 60 p.

РЕЦЕНЗИИ. КРИТИКА. БИБЛИОГРАФИЯ

Рецензия на книгу: **Словарь образных единиц сибирского говора** / авт.-сост. О.И. Блинова, М.А. Толстова, Е.А. Юрина; под. ред. О.И. Блиновой. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2014. – 220 с.

Настоящее издание продолжает серию вершининских словарей, содержащих лексику и фразеологию народно-разговорной речи. Оно включает поэтический пласт говора: метафоры, эпитеты, сравнительные обороты, другие образные средства. Словарь широко использует толкование слов и выражений представителями сибирской диалектной речи, что позволяет лучше почувствовать её выразительность, точность и глубину.

Для филологов, писателей, деятелей культуры, любителей образного и меткого народного слова.

Новый словарь кафедры русского языка Томского университета отражает один из аспектов комплексной лексикографической параметризации микросистемы говора – исследование образных единиц диалекта, продолжающее известную серию словарей вершининского говора разных типов.

Источниками словаря, включившего 2 131 образную единицу, послужили 16 толковых и аспектных словарей вершининского говора, а также картотека Лаборатории общей и сибирской лексикографии Томского государственного университета.

Предложенное лексикографическое описание образности раскрывается на материале не только единиц лексического и фразеологического уровней, но и образных средств морфологического и синтаксического уровней диалекта, что объясняет научное значение понятия образных единиц языка.

В теоретическом смысле такой системный подход позволяет обосновать особенности стратификации когнитивных структур, под которые подводится языковая форма образных номинаций и на которые опираются в своих когнициях носители говора. Именно с представлением когнитивно-знаковой реальности функционирова-

ния системы образных средств соотнесена, на наш взгляд, авторская концепция словаря – теория образности, разработанная в рамках томской школы русистики. Определение этого понятия, его обсуждение в контексте традиционных и новейших категорий описания единства знаковой и отражательной природы языка, разработка принципов его интегративного моделирования – всё это составляет основу научных результатов, полученных в проведённом авторами лексикографическом исследовании.

Так, предпринятая авторами новая лингвокультурологическая характеристика образных единиц позволяет уточнить представление о системных антропоцентрических факторах метафоризации. В итоге в словаре моделируются когнитивные стратегии носителей диалекта и уровни их образного означивания. Это несомненное новаторское направление лексикографии помогает понять особенности процессов когнитивного моделирования, отличающих русскую диалектную ментальность.

Новизна словаря определяется и его исследовательским жанром: образный корпус одной диалектной микросистемы выделен как особый объект лексикографии в различных аспектах системного описания интерпретационного, объяснительного типа.

Обосновывая теорию образных средств языка, авторы словаря раскрывают системное понимание образности в антропоцентрическом и функциональном её освещении. Отсюда – принципы отбора образных языковых единиц, позволяющие представить диалектный лексикон на поверхностном и глубинном уровнях его организации. Важно и то, что зафиксированная система образных средств обеспечивает доступ к естественным речевым и ментальным формам их диалектного функционирования, а сама система предстает как особый вектор динамического функционирования диалекта. Во многом это обеспечивается методикой лексикографической работы томских диалектологов, с их вниманием к процессам порождения, восприятия и понимания диалектной речи. Образный материал словаря моделируется в речевой деятельности и сам моделирует её. Фактор контекста оказывается решающим в принятии мотивологических и иных решений по толкованию образных языковых единиц, ведь именно в контекстах раскрываются модели формирования образного представления, эмоционально-экспрессивные и эстетические функции образности, её системность как особой формы категоризации и

категории диалектного дискурса. Фактор контекста оказывается решающим в принятии мотивологических и иных решений по толкованию образных языковых единиц.

Структура словарной статьи отражает основные аспекты моделирования и интерпретации диалектной системы образных средств.

1. Образные единицы (собственно образные слова или языковые (речевые) метафоры, двусловные и парные номинации, а также слова, входящие в состав сравнительного оборота, фразеологизмы с предваряющими их опорными словами, сравнительные наречия) получили характеристику через четыре типа помет: семантические, экспрессивные, функциональные и лингвокультурологические. Это определяет языковую и когнитивную специфику исследуемого корпуса образных средств диалекта. В частности, через разработанную систему лингвокультурологических помет показаны концептуальные модели метафоризации, те понятийные сферы, которые репрезентируют источник формирования образности посредством наделения предмета означивания чертами, свойственными человеку – «олицетворение» (Олиц.): *туча прячется, болезнь косит, глазунья готова*; человеку – «антропоморфизм» (Антроп.): *напарить* ‘побить, поколотить кого-л. (провинившегося), словно попарить’; животному – «зооморфизм» (Зоом.): *ежевика, змеевик* (камень) и др. Всего выделено 9 лингвокультурологических помет, отображающих актуальные модели метафоризации, представленные в вершининском говоре (с. 11–12). Данная информация важна, конечно, в семантическом плане, поскольку показывает механизм формирования образной семантики, но главное – лингвокультурологические пометы позволяют читателю панорамно представить образный фрагмент языковой картины мира, с его схемами номинативной деятельности, логикой мышления и творческого воображения носителя диалекта.

2. В зоне толкования значения проводится два основных принципа семантизации: принцип отражения в толковании слова компонентов его образной семантики и принцип отражения показаний народного метаязыкового сознания, идентифицирующего образность единицы. Поэтому в словаре приняты два типа толкования образных единиц: дефиниционный и контекстный, определяющие общее интерпретационное значение образных моделей семантической категоризации: «**ПОЛЫНКА**. ЯМ. Фитом. Комнатное и декоративное са-

довое растение хризантема, с запахом полыни. – *И дубок, полынка зовут (а жёлты – астры), пахнет полыню*» (с. 152).

3. Усиливает толкование образной единицы и иллюстративная зона словарной статьи, включающая два вида контекстов: метатексты и тексты естественных речевых форм: «**ДЕНЕЖНИК**. СО. Артеф. Травянистое растение погремок обыкновенный, семена которого гремят, словно монеты в кошельке. – *Это «денежник» называют, он будет греметь, когда отцветёт. // Курятник, денежник, кукушечник [растут]*» (с. 64). Приводимые авторами словаря контексты представляют особый интерес: внимание к сознанию диалектной языковой личности важно не только в теоретическом или прикладном смысле. Сохраняя традиционные формы русского языкового сознания, контекстный фонд словаря имеет огромное воспитательное значение.

Методологическое значение словаря также очевидно. Его материалы будут полезны и для лексикографов «новой волны», с их интересом к ментальным реалиям языка, и для широкого круга лингвистов, занимающихся вопросами языка и культуры.

В заключение хочу поздравить Ольгу Иосифовну и её соавторов с большой творческой удачей и позволю себе пожелать всей томской лексикографической школе новых мотивов и образов в их нелёгком, но благодарном труде!

А.Г. Антипов,
д-р филол. наук, профессор кафедры стилистики и риторики
Кемеровского государственного университета.
E-mail: sante3@yandex.ru

REVIEWS, CRITIQUES, BIBLIOGRAPHY

BOOK REVIEW: THE DICTIONARY OF THE SIBERIAN DIALECT FIGURATIVE UNITS.

Antipov Aleksandr G., Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation).
E-mail: sante3@yandex.ru

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АГАПОВА Нина Александровна – ассистент кафедры русского языка, инженер-исследователь лаборатории общей и сибирской лексикографии Томского государственного университета.

E-mail: NinaAgarowa@yandex.ru

АНТИПОВ Александр Геннадьевич – д-р филол. наук, профессор кафедры стилистики и риторики Кемеровского государственного университета.

E-mail: sante3@yandex.ru

БЛИНОВА Ольга Иосифовна – д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка Томского государственного университета.

E-mail: blinova_11@mail.ru

БОРОВКОВА Анастасия Вячеславовна – аспирант кафедры русского языка Томского государственного университета.

E-mail: nastya-borovkova@mail.ru

ГОЛЕВ Николай Данилович – д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка Кемеровского государственного университета. E-mail: ngolevd@mail.ru

КАРТОФЕЛЕВА Наталья Федоровна – студентка факультета информатики Томского государственного университета.

E-mail: natconnor.neo@gmail.com

МИХАЙЛОВА Ольга Сергеевна – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка и культуры речи Томского государственного педагогического университета.

E-mail: filologia@inbox.ru

РОССИХИНА Мария Юрьевна – канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных языков Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Москва).

E-mail: rosmira@yandex.ru

ШЕЛЕПОВА Людмила Ивановна – д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка, литературы и речевой коммуникации Алтайского государственного университета (г. Барнаул).

E-mail: lshelepova@yandex.ru

ЮРИНА Елена Андреевна – д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка Томского государственного университета.

E-mail: yourina2007@yandex.ru

ОТ РЕДАКЦИИ

Научный журнал «Вопросы лексикографии» выходит 2 раза в год и распространяется по подписке, его подписной индекс – 41276 в объединённом каталоге «Пресса России».

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-47763 от 9 декабря 2011 г.), ему присвоен международный стандартный номер сериального издания (ISSN 2227-4200).

Полнотекстовые версии вышедших номеров размещаются на сайте журнала: <http://vestnik.tsu.ru/lex>

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию; рукописи не возвращаются. Публикации в журнале осуществляются на некоммерческой основе. Ознакомиться с требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала: <http://vestnik.tsu.ru/lex>

Адрес редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет, филологический факультет.

Телефон 8(382-2)52-96-67

Факс 8(382-2)52-98-46

Ответственный секретарь редакции журнала – Д.А. Катунин.

E-mail: katunin@mail.tsu.ru

Научный журнал
ВОПРОСЫ
ЛЕКСИКОГРАФИИ
JOURNAL OF LEXICOGRAPHY

2014. № 2(6)

Редактор *Т.В. Зелева*
Редактор-переводчик *В.В. Кашиур*
Оригинал-макет *Г.П. Орловой*
Дизайн обложки *Яна Якобсона* (проект «Пресс-интеграл»,
факультет журналистики ТГУ)

Подписано в печать 19.11.2014 г. Формат 60х84 ¹/₁₆.

Печ. л. 8,5; усл. печ. л. 7,9; уч.-изд. л. 7,7.

Тираж 500 экз. Заказ № 666

ООО «Издательство ТГУ», 634029, г. Томск, ул. Никитина, 4
Журнал отпечатан на оборудовании Издательского Дома
Томского государственного университета,
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, тел. 8(382-2) 53-15-28; 52-98-49
<http://publish.tsu.ru>; e-mail; rio.tsu@mail.ru